

Владимир Бурлачков

В МИРЕ СОБЫТИЙ И СТРАСТЕЙ

Владимир Бурлачков

В мире событий и страстей

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8986703
В мире событий и страстей. Сборник избранных произведений: ИТПК; Москва; 2014
ISBN 978-5-88010-335-5*

Аннотация

Эта книга о судьбах России и русского человека на рубеже XX и XXI веков.

Автор в художественных образах своих героев через чувственные и осмысленные сюжеты явлений и событий как бы погружает читателя в неизведанный мир страстей, любви, сострадания, непостижимости и тайн будущего, ярко изображает неприглядности и неустроенность нашего сегодняшнего бытия общества, вводит в состояние глубокого размышления о ценностях и смысле человеческой жизни.

Его герои – люди остроумные, одаренные, способные глубоко чувствовать и любить. Им выпало жить в несправедные времена, но они всегда понимали, что самое дорогое удовольствие в жизни – иметь собственное мнение и убеждения. Они пережили расстрел парламента в 1993 году и отчетливее других ощущали нависшую над страной угрозу.

Своеобразие авторского замысла, его философская глубина, повороты в судьбах героев определяют напряженность сюжетов и драматизм повествования.

Литературный стиль, легкая ирония, сдержанный смех и даже тонкий сарказм вызовут неподдельный интерес читателя.

Содержание

Той осенью на Пресне	4
Глава первая	4
Глава вторая	28
Глава третья	50
Глава четвертая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Владимир Константинович Бурлачков

В мире событий и страстей

Сборник избранных произведений

Той осенью на Пресне (роман)

Глава первая

Из роддома их разносили по домам. Ему достался ледяной январский вечер с копнами желтого света под низкими фонарями, расставленными вдоль улиц, скрипом снега и цоканьем трамвая на несговорчивых стыках серебристых рельс. И расставаясь с собственным безвременьем, не зная человеческих лиц, чувствовал ясновидением первого взгляда своих самых родных на земле и слышал гул расширяющегося перед ним пространства.

Ничто так не раскрывает мир, как сны, раскаленные жаром детских болезней, напичканные кошмарами и приправленные горечью лекарств. И тогда, в обморочной черной жути увидел и на всю жизнь запомнил, как уносит его куда-то прочь от всего, что существует на свете, и как стремительно уменьшается внизу голубой шарик в белесых венках и светлых пятнах, и ужас охватывает, обволакивает, становится единственно сущим.

Но было и такое: повозка у края булыжной мостовой, низкая подворотня кирпичного дома, и парень в полушубке и большой шапке. Развязывает веревку и поглядывает лукавым взглядом на щеголеватого молодого господина у подъезда. Тот поднимает глаза, и мгновение они смотрят друг на друга, будто пытаются узнать.

Через много лет, шагал по скверу в насыщенном и тягучем золотом цвете березовой листвы над первым октябрьским снегом, вспомнил о том сне и вдруг с оторопью понял, что вот так, давным-давно, волею случая могли столкнуться здесь в Москве, в пресненском переулке два его будущих деда.

Во второй половине ироничных восьмидесятых, в тот свой золотой век, когда годы еще не складываются из фраз: «Как быстро снег сошел!» и «Как незаметно лето пролетело» Олег стоял у метро «Баррикадная», ждал девушку из соседнего отдела, с которой встречался несколько месяцев, по наивности пытаясь делать из этого тайну для сослуживцев, и думал: «А ведь хочется чего-то эдакого! Неизвестно чего такого!»

– Юноша! Очнитесь! – позвала его Ирина.

Она была в белом пиджаке, расстегнутом на все пуговицы, и узких, коротковатых брюках. В сдвинутых на лоб, зеркальных очках металась отражения то ли машин, то ли дома напротив. На плече висел на тесемке большой пестрый зонтик.

– Пошли быстрее! – скомандовала Ирина. – Вика, наверное, осатанела нас дожидаться. А почему ты не позвонил?

– Ну, вчера вы, кажется, были в меланхолии.

– Чего-то голова побаливала. А у вас в отделе столько шума сегодня было! Даже к нам за каким-то отчетом прибежали.

– Не знаю, меня с утра в Госпатент услали, – ответил Олег.

– Слушай, почему я тебя развлекаю и везде таскаю, а ты даже не можешь билеты в театр купить?

– Хрен их достанешь.

– Захотел бы достал. Только жмотничать не надо.

– Буду развлекать, как могу! И театром, если возможность представится. А пока, уж извините – подручными средствами...

Был час пик, и со стороны Садового кольца шла густая толпа. Олегу приходилось чуть отставать, а Ирина оглядывалась и говорила:

– В общем, Вика нашла этого индуса, который у нас на факультете учился, позвонила ему, и теперь он дает ей сеансы от мигрени.

– Это как? – не понял Олег.

– Она – здесь, а он – там, у себя в Индии. Назначает ей время, она лежит на диване и ждет. Так и лечится. Один раз во время такого сеанса в квартире пробки выбило, и свет погас. Представляешь?

– С ужасом и трудом.

Вика стояла у небольшого двухэтажного домика в одном из переулков за Садовым кольцом. Удивленно посмотрела на Ирину и сказала:

– Ты даже не одна.

– А это что за красота? – Ирина кивнула на домик.

– Какой-то комсомольский центр, – ответила Вика. – Но у меня билет только на тебя.

– Давай его мне, – велела Ирина. – Я сама разберусь.

Перед вахтером она почтительно остановилась, заулыбалась и доверчиво спросила:

– У вас сегодня барды выступают? Правда?

Вахтер, наверное, не любил бардов. Поморщился и отвернулся.

Ирина шепнула Олегу:

– Вике только бы из чего-нибудь проблему устроить. Завидно ей, что ли...

Олег оглядел узенькое, переполненное людьми фойе и тихо сказал:

– У! Сколько дам! Называется: «Ударим, туалетами по кавалерам»!

– Нам, кажется, на второй этаж. – Вика показала в сторону.

Поднялись вслед за ней по лестнице, заглянули в приоткрытую дверь. Спиной к ним перед столом стояла полная женщина и громко говорила:

– Илья Антонович всегда был сторонником того, что нуждается в поддержке. В том впечатлении, которое я получила от общения с ним, была огромная потенция.

– Это – не барды, – прошептала Ирина.

– Здесь партком, наверное, – предположила Вика. – Пошли отсюда.

Они спустились в фойе. У телефонного аппарата стоял бородатый мужчина в вишневой рубашке навыпуск и докладывал:

– Алло! Я уже тут. Полно народа и этих самых...

В длинном зале были свободны только несколько мест у стены. Пролезали по узкому проходу между рядами, заставляя сидящих вставать, а на эстраде закончила выступать девочка в светлой блузке. Держала в руке гитару и раскланивалась. Один из тех, кто встал с места, пропуская их, кивал на сцену и нарочито громко говорил соседу:

– Ну, так прям трогательно! Со слезами в голосе. Чтобы все моментально разрыдались.

Объявили очередного выступающего, и зал заплодировал громко и дружно. Вика наклонилась, поманила Ирину и зашептала:

– Это тот самый Артамонов. Я о нем тебе говорила. Будет читать свое – о Высоцком. Он всегда это читает.

Ирина не удержалась и съязвила, понизив голос:

– Раз ее знакомый, то от талантов пробы негде ставить.

– «Страна похоронила совесть в тот жуткий из июльских дней...»

Ему долго аплодировали. Он выходил «на бис» и пел под гитару хрипловатым голосом про берега в тумане. За ним выступали любители турпоходов и пели про то же самое.

Ведущий объявил, что выступления закончены. Из зала закричали:

– Давайте обсудим! Обсудить надо!

На сцене под неодобрительные крики и хохот появилась бойкая девица с растрепанными волосами и заявила:

– Я – об Артамонове! Я хочу его отметить. В этом жанре, я бы сказала, хулиганствующего рыцаря, он...

Из зала кто-то закричал:

– Ерунда все это! В тоталитарном обществе поэзии никогда не будет. Как и колбасы!

– Так вот, об Артамонове... – попыталась продолжить девица. Ее опять оборвали, и она с обидой выкрикнула: – А я тоже часть общества! И отнюдь не задняя!

– Ну, да! – заорали из зала.

– А профессионализм у него такой, что граничит с профессиональной гордостью! – Девчонка готова была разрыдаться.

Вика обернулась и зашептала:

– Это что-то новенькое. Первый раз такую дуру здесь вижу.

Место девчонки занял лохматый парень. Щелкнул пальцем микрофон, дождался, пока тот перестанет противно гудеть и пробасил:

– А нам всем еще надо подумать, сможем ли мы, благодаря поэзии, ввести себя в этические рамки. С вами поговоришь, а потом опять размышляй о несовершенстве мира.

Вика повертела головой, оглядывая зал, и предложила:

– Слушайте, пошли в буфет, пока там все места не заняли. Тут междусобойчик начинается.

Из зала выходило много народу, и у дверей собралась толпа. Ирина и Вика протиснулись сбоку, а Олег шел медленно и оказался в фойе последним. Справа у стены стояла девчонка в светлой блузке, чуть сутулясь и опираясь о пристроенную у ног гитару в черном чехле.

– Вы очень хорошо пели, – зачем-то сказал Олег. – Лучше всех. Мне понравилось.

Девчонка взглянула на него, сощурилась и ничего не ответила. В ее красивом, с вытянутым овалом, спокойном лице что-то было слегка неправильным – то ли подбородок, то ли чуть вытянутый нос. Но все решали большие и светлые, необычайные глаза.

У входа в буфет Ирина и Вика говорили с тем самым Артамоновым. Лезть в разговор с местной знаменитостью не захотелось. Пришлось ждать у лестницы. Но компания разболталась и расходиться не хотела.

Подошла девчонка с гитарой и уверенно, даже недовольно спросила:

– Ты идешь или здесь остаешься?

Он пожал плечами и ответил:

– Я не один...

– Тогда – пока. – Она быстро пошла к выходу, а он оглянулся и посмотрел на Ирину. Вика что-то говорила Артамонову, а Ирина стояла рядом и поправляла сдвинутые на лоб черные очки.

Олег отвернулся к стене, стал читать афишу и подумал: «В какую сторону она пойдет? К Садовому или к Бульварному?» Ирина стояла совсем рядом, и уйти было невозможно. Тем более, не угадать, в какую сторону пошла девчонка с гитарой. А если все-таки к Садовому? Можно успеть добежать и вернуться сюда. Если пустят. А если не пустят, то не он будет виноват! И что же? Так вот взять и уйти?

Он добежал почти до Садового. Ее нигде не было. Подумал: «Значит, пошла в другую сторону! И чего не пошел сразу! И чего ждал!»

Она стояла на другой стороне улицы Герцена и смотрела на него. Олег пропустил троллейбус, подошел и спросил:

– Тебе куда? К метро?

– Нет, я – пешком. – Она смотрела на него так, будто опасалась чего-то. – Я здесь, на Пресне живу.

– А где?

– На Заморенова. У «Башмачка». А что?

– А я – на Стрельбищенском.

– Это где?

– Как где? – удивился он. – За Красногвардейским.

– А, ближе к Шелепихе.

– Переехала сюда откуда-нибудь или всегда здесь жила?

– Всегда.

– Ну, почти родственники. Хотя бы по пространству. Давай гитару понесу.

– Она – легкая.

– Тем более. А родственники где? На Ваганьковском? Наших – Залесовых – там тоже полно.

Они остановились у перехода на Садовом кольце. Олег повернулся к девушке и спросил:

– А знаешь, откуда название «Шелепиха»?

– Потому что моему предку Петр Первый велел шляпки делать.

– Да-а? – изумился Олег. – Вот те на! Так вы, из шляпочных магнатов! Вот, значит, по чьей милости нас сюда из деревни пригнали. Мерси.

– А вон там, впереди, где сейчас метро и зоопарк, было имение.

– Я знаю, – отвечал Олег. – Пушкин им написал: «... кто вас певал в те дни, как пресненское поле еще забор не ограждал!»

– Да, они, наверное, обиделись. А может – и нет. Письма его Полина потом сожгла.

– И правильно сделала, – сказал Олег. – Свинский обычай – чужие письма читать.

– Не хочешь – не читай.

– Правда, я раз заглянул. Ну, тому же Верстовскому... Ведь пошутил с приятелем человек. Думал, никто больше не узнает. А они их – в собрание сочинений всем напоказ.

– Вот видишь! Осуждаешь, а сам туда же. А знаешь дом, в котором Бунин с Верой Муромцевой познакомился?

– Не-а.

– На пересечении «Алексея Толстого» с Гранатным. Его «кораблем» называют.

– А! Нескладный такой! – вспомнил Олег.

– В нем Борис Зайцев жил.

– А это кто?

– Писатель. Но его после революции не переиздавали.

– Слушай, я там, на концерте не расслышал, как тебя зовут, – сказал он.

– Аня.

Они спустились вниз по Баррикадной и зашагали вдоль ограды зоопарка. Девушка оглянулась, показала рукой на серую пятиэтажку почти напротив стадиона «Красная Пресня»:

– Вон там домик моей бабушки стоял. Двухэтажный, с мезонином. В мезонине бабушкина тетя жила.

– Сломали?

– Давно. Даже мама плохо этот дом помнила. В революцию он чудом каким-то уцелел. Бабушка рассказывала, тут все кругом горело. А она училась в гимназии, шла вечером домой, и совсем рядом с домом ее обогнали какие-то странные люди. Прошли вперед, а потом один из них оглянулся, и бабушке показалось, что он в нее целится. Она отшатнулась к забору, и тут раздался выстрел. Но калитка была открыта, и она успела в нее вбежать. А дома, когда снимала пальто, заметила дырку у воротничка. Представляешь, пуля над самым плечом прошла навывлет. Блузку разорвала. Но не задела. Даже кровинки не было.

– А кто эти люди были?

– Не знаю.

У перекрестка ломали старые дома. Экскаватор бил ковшом о стену. Летела густая серая пыль. Ее поливали сразу две пожарные машины.

Они шли к Трехгорному валу, а позади все слышались глухие, тяжелые удары о старые кирпичные стены. Троллейбус притормозил у остановки и распахнул двери, а над его рогами закружился майский жук.

– Ой, сейчас на провода сядет! – вскрикнула Аня. – Киш! И откуда тут взялся!

Троллейбус тронулся. Жук взмыл вверх и понесся вдоль улицы.

– Правда, никогда их здесь не видел, – удивился Олег.

– А тебе выступления понравились? – спросила Аня.

– Ну, в общем, да.

– А мне – нет.

– Ну, почему же?

– Так, чего-то... Тебя кто-нибудь туда пригласил?

– Приятель с собой взял.

– Ладно, давай гитару, – сказала Аня. – И знаешь что! Пожалуйста, не проси у меня телефон.

– Не попрошу, – буркнул он. – Не очень и надо. – И тут же спросил: – А почему?

– Потому что очень недовольна я сегодня собой. Вот тебя и позвала.

– Тогда что ж, прощай! – ответил он, чувствуя обиду. – Раз так, то так. Тем более что я твое пение и не слышал.

– Я знаю. Ты позже пришел с двумя девушками. Ну, пока!

С утра предстояло разобраться с делами: выяснить отношения с Ириной и уговорить Борьку Мешкова из второй лаборатории не писать плохой отзыв на сводный отчет. Олег хотел начать с Борьки, но не успел. Ирина позвонила и раздраженно спросила:

– Ну и что? И куда ты испарился?

– А куда вы делись? Как спрятались... – угрюмо ответил Олег. – Ждал, что в следующую секунду попадет под Иринин монолог, как под брандспойт, но ошибся.

– Мы в буфет зашли. Сидели, тебя ждали. Немного потрепались, а тут Вике плохо стало. И я ее поволокла на троллейбусе до самого дома. Она мне сейчас позвонила и говорит, что это ее индус ухайдакал. Ну, я тебе вчера рассказывала, – он ее оттуда, из Индии лечил. Из-за этого лечения у Вики случился жуткий запор.

– А что лечили? – спросил Олег.

– Я тебе говорила – мигрень. Ну, пока! Ко мне пришли!

Он положил трубку и подумал, что все сошло на удивление гладко. Странно даже, как просто получилось. А могла бы приключиться жуткая тягомотина с недельным выяснением отношений. Если бы не индус! Можно было приступить ко второй разборке.

Борька сидел в большой комнате вместе с двумя сотрудницами своей лаборатории. Окна выходили на южную сторону. Жарило солнце, и в комнате стояла духота. Борькины

сотрудницы были одеты в легкие кофточки, а сам он восседал за столом, заваленными папками и книгами, в темном двубортном пиджаке.

Поговорить вышли в коридор. Борька скинул пиджак с плеч и прислонился затылком к стене:

– Уф! Ну и жарища!

– А чего ты так разоделся? – изумился Олег.

– На велосипеде вчера катался, – вздохнул Борька. – И упал. Вот, пришлось утром пиджак одевать. А он оказался без пуговиц. Хи-и! Теперь еще надо запахиваться.

– А какого хрена ты тогда пишешь гадости про наш отчет?

– Не твой же, а Веселова.

– Он от двух лабораторий, – разозлился Олег.

– Ну, вы там и дали! Хи-и! Ну, и винегрет. Бета у них – в знаменателе! Хи-и!

– Правда? – Олег даже смутился. – Я не заметил.

– Не, ну, бета в знаменателе! Хи-и!

Надо было ждать, пока Борька успокоится, или каким-нибудь разговором привести его в чувства. Олег сказал:

– А я тебя вчера весь день искал. Твои из лаборатории темнили, не выдавали, где ты.

– Ведь сразу два юбилея было. У Евгении Степановны из бухгалтерии и у Горбунского из вычислительного центра. Так что я вчера тосты произносил и за дебет пятидесятого счета, и за гетероскедастичность случайного члена.

– Откуда ты про дебеты знаешь? – удивился Олег.

– Ну, видишь ли, быть физиком и не знать, хи-и, про... про... дебет!

По коридору проходила дама предпенсионного возраста. Олег знал ее только в лицо, но всегда почтительно здоровался.

– Ой, Боря! – воскликнула дама. – Спасибо вам за книгу. Купила и сразу прочитала.

– Ну и славно! – ответил Мешков.

– Очень мне понравилась. И знаете, в книге как раз все то, о чем я сама думала. Представляете: я думаю, а в книгах уже пишут!

– А о чем книга? – спросил Олег.

– О вкусной и здоровой пище, – Борька захихикал.

– Он опять шутит. – Дама сохраняла серьезный вид. – Книга – о нелинейности.

– И они с Веселовым тоже о нелинейности. – Борька довольно кивнул на Олега.

– Правда? – Дама посмотрела на них с интересом. – Надо обязательно прочитать.

– Прямо скажу – чтение захватывающее! – выкрикнул Борька.

Дама заторопилась и ушла. Борька успокоился и стал серьезнее:

– Ну, ты тоже... За Веселовым отчеты не читаешь. Я его с института помню. Ему бы только по комсомольским делам бегать. Пар из порток... Ну, как говорилось у нас в Белой гвардии: «Пессимизму темных мыслей противопоставим оптимизм светлых идей!».

Олег понял, что договориться с Борькой не удастся и расстроился. С отчетом наверняка начнутся большие неприятности. Но злился он не столько на Борьку, сколько на Веселова.

– Есть большое и значимое дело! – негромко объявил Борька. – Восьмого числа будет очень интересная встреча. Соберется много разного народа.

– Мы с тобой в тот раз ходили. – Олег скептически поморщился.

– Ну да, неудачно, – согласился Борька. – Но в этот раз – точно! Народу будет – море.

– Ты в тот раз чуть ли не митинг обещал.

– Не все сразу. В тот раз чего-то не вышло.

– Ходи с тобой на баррикады. – Олег махнул рукой. – У вас – то порох отсырел, то патронов не завезли.

– Нет, а если без дураков, что ты считаешь? – Борька стал серьезным. Но серьезность у него была какой-то размыто-глуповатой. – Считаешь – просто так сидеть? Ой, я знаю, что ты сейчас скажешь про всякую сволочь и так далее. А где других найти? Ты других знаешь?

Продолжать этот разговор Олегу не захотелось. В лабораторию он вернулся в унылом настроении, застал Веселова и с порога объявил, что отчет зависает.

– Специально ему на отзыв подсунули, – ответил Веселов.

Галина Васильевна встрепелась, поправила костюм с тремя значками и медалью на широком лацкане и заявила:

– Знаете что! Тот отчет – ладно! А теперь надо серьезно бороться за качество.

– Но вообще-то этому пройдохе Борьке хорошо бы сделать козью морду, – мечтательно произнес Веселов. – А то уж больно они умны-с. Только они в турбулентности и петрят. Надо бы организовать ему звонок из комитета по госпремиям.

– Можно, конечно, – согласился Олег. – Но это уже – тяжелая артиллерия. – Лучше что-нибудь попроще.

– А что? – спросил Веселов.

Олег набрал номер Борькиного телефона:

– Алло! Изобретатель дирижаблей! Самое главное тебе забыл сказать. Мы тебя включили в хозрасчетную тему. Мы – не ты. Мы таланты всегда поддерживаем и привечаем. Только ты разберись с первым отделом. Они чего-то про тебя говорили. Работа сам понимаешь, для кого. А они говорят, ты за границей был.

– Когда? – вскрикнул Борька.

– То ли сам, то ли с родителями. В какой-то Горгиппии.

– Идиоты! – заорал Борька. – Во, идиоты! Ну, я ща им скажу!

– Разбирайся там побыстрее, – перебил его Олег. – Мне надо документы отсылать.

Пока!

Галина Васильевна побренчала ложечкой в чашке с чаем:

– Надо же! Побывать в Горгиппии! Эта страна народной демократии?

– Еще какой! – ответил Олег.

– Подойду-ка я к первому отделу – сказал Веселов. – Посмотрим, что там.

Он вернулся минут через пять и разочарованно сообщил:

– Вот, пройдоха! Пошел в библиотеку и листает какую-то толстенную книгу. Энциклопедию, наверное.

– Действительно, пройдоха, – согласился Олег. – Эх, что-то мы тут недодумали.

– А может с директором насчет отчета поговорить? – спросил Веселов. – Дал бы он его кому-нибудь другому на отзыв. Я этот отчет третьей главой в диссертацию включил.

– Надо просто подработать, ошибки исправить, – ответил Олег.

– Это – целое дело, – недовольно говорил Веселов. – Меня и так с защитой два раза футболили. Я уже с секретарем совета договорился. Сколько мне можно в неостепененных сидеть?

Веселов был большим занудой и лентяем. Олег в общем-то к этому привык. Но иногда начинал злиться.

На субботний вечер Ирина пригласила Олега в гости. Из Тюмени на несколько дней приехал ее сводный брат. Не то, чтобы она хотела их познакомить; просто волей-неволей брата надо было звать к себе, и Ирина решила собрать сразу всех. Брат был намного старше Ирины. Вырос в Москве, работал в министерстве и с повышением был отправлен в Сибирь. Знакомиться с Ирениным родственником Олегу не очень-то хотелось. Но после своего недавнего исчезновения отказаться было невозможно.

Ирина жила вместе с матерью недалеко от метро «Профсоюзная» в большой двухкомнатной квартире. Под окном ходили трамваи. Днем их не было слышно, но в полночь они начинали носиться с грохотом и визгом, до звона оконных стёкол и подвесок на люстре. Часов в шесть утра этот грохот повторялся. Олегу приходилось выслушивать его всякий раз, когда Ирина мама уезжала в командировки.

В киоске у метро Олег обзавелся цветами. Сначала посчитал, что вполне достаточно обойтись одним букетом, но решил не жадничать и купил второй – для Ириной мамы Нелли Алексеевны.

– А, это ты уже! – сказала Ирина, открыв дверь, хотя он опоздал минут на двадцать.

В ее квартире, как всегда, можно было ноги переломать о ящики, сломанные стулья и завернутые трубочками половики. Ради брата кое-что убрали, и не так пахло пылью, как обычно.

– Нелли Алексеевна! – позвал Олег. – Вам цветы!

– Ой, какая роскошь и прелесть! – проговорила до сих пор несостоявшаяся теща.

«Все-таки она у Ирины – ничего, – подумал Олег. – Кажется, пока не злится. Во всяком случае собак не спускает. Хотя, еще не вечер».

– Проходите, и в комнате посидите, – велела Нелли Алексеевна. – У нас еще не все готово.

Большая комната была поклеена блеклыми алыми обоями. На стенах висели рисунки, пришпиленные булавками, медный эстамп, из тех, что припаривают юбилярам, и вывеска на гвоздике «Посторонним вход воспрещен». Гостей предполагалось потчевать за журнальным столиком. На нем стояли тарелки, рюмки и ваза с яблоками.

– Ириша, я начинаю оладьи печь, – сообщила из кухни Нелли Алексеевна. – Слышишь меня?

В дверь позвонили.

– Ой, вы, Сергей! – говорила в прихожей Нелли Алексеевна. – Какой вы солидный и серьезный! Рада вас видеть. Все хорошо у вас?

В комнату вошел полный человек лет сорока в больших очках, расстегнул пуговицы на пиджаке, протянул Олегу руку и важно представился:

– Сергей Павлович!

– Как ваша мама? – спросила его Нелли Алексеевна.

– Ничего. Хотя, по всякому бывает.

– Я слышал, вы с Ириной работаете? – Сергей Павлович обращался к Олегу.

– Да-да, поговорите. А то – у нас сегодня оладьи в программе, – сказала Нелли Алексеевна и ушла.

– Вместе работаем, – ответил Олег.

– И как? – важно спросил Сергей Павлович.

Олег не понял, что от него хотят услышать, и промолчал.

Вошла Ирина в цветастом, расклешенном платье с короткими рукавами. Она казалась в нем большой и нескладной. Брат чмокнул ее в щеку:

– Похорошела – невозможно! А мы с твоим товарищем беседуем, как у них там на работе.

– У них там все в порядке. – Ирина поправила брошь на платье и наклонилась над журнальным столиком.

– Тогда больше не спрашиваю. – Сергей Павлович уселся в кресло.

Из кухни несся запах горелого. Ирина выглянула в коридор и крикнула:

– Мам! Чего там у тебя?

Сергей Павлович посмотрел на Олега и спросил:

– Перспективы на работе есть? Кандидатскую готовите?

– Он – год, как защитился, – ответила за него Ирина.

– А я – в этом! – важно говорил Сергей Павлович. – Мне на защите восемнадцать вопросов задали. Столько никому не задавали. Тема очень большой интерес вызвала: «Организация соревнования в аппарате районных Советов». Ведь сколько там всяких проблем! И теоретические основы, и разработка методологии исследования, и практика реализации. А потом еще полтора часа спорили о моей трактовке стимулирования труда.

– И каких наук ты теперь кандидат? – спросила Ирина.

– Исторических.

Нелли Алексеевна принесла большую тарелку с оладьями, – сверху – более-менее белесые, а пониже – подгоревшие. Олег открыл шампанское, а Сергей Павлович сказал, что будет пить водку.

– Ну, кто-нибудь скажет? – спросила Ирина. – Или молча пить будем?

– Знаете, давайте вот за что? Вернее – за кого? За нашу Ирину! – Сергей Павлович поднял наполненную до краев большую стопку. – Чтобы Ирина всегда была внимательной, привлекательной и сногшибательной!

При чем тут «внимательная», никто не понял.

– Пошла сегодня в магазин, – рассказывала Нелли Алексеевна, раскладывая гостям оладьи. – В «Вологодском масле» только один сорт сыра и любительская колбаса по два двадцать. А на Черемушкинском рынке цены на мясо – жуть. Восемь рублей! Ну, кто такое мясо может покупать!

– С ценами в последнее время – неладно, – объявил Сергей Павлович. – Мы этот вопрос недавно в обкоме обсуждали. Я считаю, надо с этих магазинщиков строго спрашивать.

– Варенье у вас вкусное, – сказал Олег.

– Покупное, – ответила Ирина. – Мама из командировки привезла.

– Нас там угощали, – заметила Нелли Алексеевна.

– Готовим пленум обкома, – продолжал рассказывать Сергей Павлович. – Очень интересно получается. Я свое выступление подрабатываю. Уже договорился, чтобы в повестку включили. От этого сейчас многое зависит. Меня депутатом облсовета будут выдвигать. Придется много выступать, объяснять рабочим. Иногда люди зададут вопрос, даже удивляешься! Как будто телевизор не смотрят и газет не читают.

Сергей Павлович, видимо, был абсолютно уверен в том, что все, о чем он думает, очень интересно окружающим.

Нелли Алексеевна вообще-то всегда была склонна поругать советские порядки. Но в присутствии партработника предпочла проявить лояльность:

– Я на днях из Ленинграда приехала. Такие опрятные поезда сейчас ходят! Такая везде чистота! И на вокзалах все прибрано.

– Последнее время только самолетами летаю. – Сергей Павлович откинулся на спинку кресла и поправил галстук. – Я через депутатский зал хожу.

Ирина тронула Олега под столом ногой, насмешливо посмотрела и отвернулась.

– В июле Ирочка в Болгарию поедет, – сообщила Нелли Алексеевна.

– Собираюсь, – кивнула Ирина. – Может, получится. Вот, платье себе новое купила.

– Хорошее, – соврал Олег.

– В Болгарии мне очень понравилось, – говорила Нелли Алексеевна. – Я там на международной встрече журналистов была. Нам всем вот такие эстампы подарили. – Она показала на стену.

Про Ирину поездку Олег ничего не знал. Но эта новость была очень кстати. Сама собой отпадала необходимость придумывать, как поехать в отпуск вместе.

Нелли Алексеевна повела гостя курить на кухню, и Олег, кивнув в их сторону, тихо спросил:

– А что? Он все это серьезно?

– Откуда я знаю! – Ирина скривила гримасу и пожала плечами. – Я его раз в пять лет вижу. А чего ты так на него? Я к нему обратилась, чтобы с поездкой помог, он мне в две недели через приятелей все устроил... А тебе мое платье, правда, нравится?

– Если честно, не очень.

– Если бы ты был дипломатично настроенным молодым человеком, ты бы так не сказал.

Ирина подошла к шкафу, достала соломенную шляпку с широкими полями и спросила:

– И как?

– К такой шляпке обязательно надо таксу на длинном поводке.

Нелли Алексеевна вошла в комнату, продолжая начатый на кухне разговор:

– Но Сергей! Я там, в ваших краях бывала. И все-таки здесь другая жизнь!

– У нас тоже всего полно! – ответил Сергей Павлович. – Выставок всяких, концертов. Даже клуб изящной словесности недавно открыли. Руководителем отставного военного назначили. Ха-а! Ну так... Чтобы этим любителям словесности жизнь медом не казалась.

Ириша ушла готовить чай. Сергей Павлович налил себе стопку водки, выпил и сказал:

– Время нельзя терять ни в коем случае. Это я ещё в институте понял. До третьего курса кое-как дотянул и думаю: нет, хватит! Взялся лекции по международному положению в обществе «Знание» читать, на собраниях выступал. И дело пошло. А потом вижу: в Москве делать нечего. Уж очень густо тут все замешано. Этот – сын такого-то, тот – племянник. Нет, думаю, надо на широком месте прорываться. Про меня, я знаю, говорят: способный, инициативный. А с каким трудом все это дается? Ого, как все дается. И людей вокруг себя надо собирать отличных, дифференцированных. Но с этой диссертацией очень устал. Надо поехать куда-нибудь и морально отдохнуть. Н-да, время сейчас очень перспективное.

Ирина принесла поднос с чашками, спросила:

– Кто будет мой торт?

– Я насчет сладкого не любитель, – ответил Сергей Павлович. – Но попробую. Мы тут с твоим товарищем – про времена.

Брат собрался уходить. Кивнул Олегу на прощание, но руку не протянул. Прежде чем выйти за ним в прихожую, Ирина шепнула:

– Обожди. Вроде бы за матерью знакомые заедут и к себе на дачу повезут.

Дверь в лабораторию приоткрылась. Показалась лохматая голова Борьки Мешкова.

– А! Сидите тут! Прохиндеи! – заорал Борька.

– О тебе только что вспоминали. – Олег отложил в сторону папку с бумагами. – Я сразу сказал: «Гений и злодейство несовместимы».

– Хи-и! А я такой разгон в первом отделе устроил. Как стукну им по столу, как закричу, что за границей сроду не был. Тоже мне, нашли горгипийца! Они перепугались, обещали про эту Горгиппию у начальства узнать. Говорят, может там прогрессивный какой режим, может новое общество строят. В лагерях после четвертого курса, нам лейтенант говорил: «Там, где есть общество, там не должно быть продуктов!» Да-а, когда и пошутить с народом, как не при жизни.

– Это к чему, про продукты? – не понял Олег.

– Чтобы печенье в тумбочках не оставляли. Хи-и! Я в первом отделе заявление оставил, что ни в какой Горгиппии не был. И переданная первому отделу товарищем Залесовым информация не соответствует действительности. Хи-и.

– Ага, нашел дураков! – ответил Олег. – Как будто мы не знаем, куда ты сразу побежал. Но историю, братец, надо знать.

– Как-то я этим не очень увлекался, – признался Борька. – А это что у вас такое? – Он показал на плакат, прищипленный кнопками к дверце шкафа – речные берега и большой белый пароход.

Галина Васильевна оглянулась и объяснила:

– Я на этом пароходе по Волге плавала. Красота – необыкновенная. А вы, Борис, по каким-то заграницам...

– Да-а, что делать! Приходится. – Борька рассматривал плакат. – Я бы тоже на таком поплыл. Но мне кажется, что он утонет... И всех прошу в двенадцать ноль-ноль в конференц-зал прослушать мое научное сообщение и поддержать в моем лице всю прогрессивную науку.

Олег посмотрел на Борьку и покачал головой:

– А я-то думаю, по какому поводу ты в новый костюмчик вырядился?

– В этом костюме я и диссертацию защищал, и женился. Первое прошло удачно, второе – не очень. И пуговицы на брюхе застегиваться перестали. Жена говорила, что костюмчик пора выбрасывать. А я сказал: пусть остается на крайний случай. А она: в нем и в крайнем случае никуда не пойдешь. Не, говорю, в крайнем случае донесут!

Борька ушел. Галина Васильевна доставала что-то из стола и говорила:

– Несмотря на все, Борис – интеллигентный человек. Вдумчивый и с фантазиями.

– Как своих хвалить, так вас нет, – отозвался Веселов.

– Почему же! Я и вас ценю.

– У него, видите ли, фантазии, а у нас их нет.

– Придумайте и вы что-нибудь такое, чтобы все ахнули, – посоветовала Галина Васильевна.

– Прихожу я как-то в общежитие, – рассказывал Веселов, – смотрю, стоит в коридоре женщина и плачет. Мне говорят: мать Борьки Мешкова со второго курса. Спрашиваю: что с ним стряслось? Говорят: жив-здоров, вот-вот должен с лекций прибежать. Отказывается этот олух написать письмо какому-то приятелю про свои донжуанские похождения, а отправил на адрес родной мамы. Она плакала и говорила, что ее сын такого написать не мог.

Дождь пошел на убыль, и его барабанная дробь сменилась скулением. Но еще грохотало, и выходить из метро никто не торопился.

После ливня горьковато пахло молодой тополиной листвой. Было тепло, и вдали, над крышами висела дымка. С деревьев капало. Под этим капельным обстрелом, прижимая к шее воротник рубашки, Олег пошел вверх по улице Заморенова к Трехгорному валу.

На сучке над тротуаром сидела здоровенная серая ворона и явно высматривала подходящего прохожего, желательно в широкополой шляпе. Кроме Олега, никого не был. А он не стал торопиться. Замедлил шаг, огляделся и полез в обход по мокрой траве нестриженого газона. Вернулся на тротуар уже за деревом и посмотрел на ворону:

– Нашла дурака!

Ворона не смогла сдержать огорчения, и белесо-синяя, размазистая клякса шлепнулась на асфальт.

У «Башмачка» Олег остановился и посмотрел на дом напротив. И где она тут живет? – рассуждал он. Не по подъездам же ходить ее искать. Было бы лет восемнадцать, может быть, просто взял бы да крикнул. А сейчас что? Проторчать здесь пару вечеров? Но если она наврала, что живет в этом доме?

Дверь в купе была открыта. Борька стоял у окна в коридоре и говорил проводнице:

– Все будут чай пить. Я может и два стакана. Но на всякий случай начну с одного. Вы туалет на ночь запираете?

– Пейте три. Тогда не запру. – Проводница заглянула в купе, посмотрела на Олега и спросила:

– А вы?

– И он будет, – ответил за него Борька.

Грузный мужчина напротив Олега приоткрыл глаза, помотал головой и проговорил будто самому себе:

– Без чая обойдусь.

Проводница ушла, а Борька кивнул в ее сторону и сказал парню из соседнего купе:

– Видал! Ух, глазищи какие! Туманные – жуть!

– Как тюремное стекло! – блеснул эрудицией его собеседник.

В вагоне включили радио. Громко заиграла музыка.

– Во, теперь «Последние известия» послушаем, – говорил Борька. – Нет ли где какого переполоха вроде революции или еще чего.

– Это где? – удивился парень из соседнего купе.

– Может и не революция, – успокоил его Борька, – а так – новое трудовое достижение.

В коридоре кто-то спросил:

– А где у них вагон-ресторан?

– Вроде бы вон оттуда, с той стороны жуют, – ответил парень.

Борька вернулся в купе, сел рядом с Олегом, помолчал и громко произнес:

– Став коллективным делом, концепция становится мощным оружием.

Грузный мужчина открыл глаза и прокашлялся, а с верхней полки выглянула полнолицая, светловолосая девушка – его дочка. Борька посмотрел на нее и кивнул:

– Гениальных идей на порядок меньше, чем гениев. А вы как думаете?

Девушка посмотрела вниз на отца и ничего не ответила.

– Я тебе, по-моему, уже говорил, – Борька обращался к Олегу. – Наши тезисы им понравились. Должны напечатать в сборнике. Если будет большой ажиотаж насчет публикации, мы к ним в Академгородок подскочим. Но боюсь, на этот раз ажиотажа не получится. А ты мою статейку прочитал?

– Это про что? – спросил Олег. – Про реформы?

– Там и про власть, и про общество.

– Прочитал, расстроился даже, – ответил Олег.

– Почему? – серьезно спросил Борька.

– Подумал: эх, Макиавелли не дожил! Вот бы старик поразился. Умри – лучше не напишешь!

– А статью взяли в журнал, – злорадно заметил Борька. – Вот, тем не менее. Но я там кое-что подработал. Вернемся, покажу новый вариант. Я написал, что мы, нынешние, то есть уже бывшие, комсомольцы – не следствие революции, а результат преодоления ее пороков.

– Это к чему? – удивился Олег.

– Как к чему? К общему содержанию. Ты не читал, что ли?

Из коридора донеслось треньканье стаканов на подносе. Проводница заглянула в купе, спросила:

– Что? Заждались?

Борька переставил стаканы на столик:

– Ух, крепкий какой! Я думал, у вас – морковный.

– Мне тоже оставьте, – попросила девушка с верхней полки.

Грузный мужчина проснулся, потянул к себе один из стаканов и произнес:

– Угу!

– О! Я же тебя угостить обещал, – вспомнил Борька. – Благоднейший напиток! Тончайший букет яблок и смородины. Собственный старинный рецепт! Вот только чай надо куда-нибудь вылить.

– А тебе не хватит? – тихо спросил Олег.

– Ну, не надо так говорить. Я из своего чай вылью, а тебе дам стаканчик. Какого хрена мы столько чаю заказали!

Борька вернулся с пустым стаканом. Повозился в сумке и вытащил завернутую в газету бутылку. Налил в стаканы темную жидкость и спросил грузного мужчину:

– Попробуешь? Собственного изготовления!

Мужчина посмотрел сначала себе под ноги, потом на Борьку, покумекал и ответил:

– Не-а.

– Тогда даме и не предлагаем! – Борька поднял свой стакан, отхлебнул и причмокнул.

Олег сделал большой глоток, скривил лицо от жуткой кислоты, зажмурился и спросил:

– Из чего ты это сделал?

– Целая технология. Важно ягоды хорошо просушить.

– А сахар?

– Вот еще... Только вредители в настоящее вино сахар кладут.

– Тоже буду, – сказал грузный мужчина и подставил свой стакан.

– Везу друзей угощать, – говорил Борька. – В прошлом году угощал. Еще просили. Два раза звонили, напоминали.

Мужчина выпил и к большому удивлению Олега даже не поморщился, только крикнул:

– Эх, хорошо! Жаль не больно забористая.

– А вы куда едете? – Борька спросил девушку.

– На дачу! В деревню. До Знаменска поедем.

– Ух, ты! У меня в Знаменске знакомая жила. Красивая, помню была.

– А сейчас? – спросила девушка.

– Не знаю даже. Давно было. И ничего особенно. Так, почтовая связь.

– В гости, может, зайти успеете. – Девушка весело взглянула на Борьку.

– Уж какие нынче гости. Не те проблемы стали. А в деревне, небось, хорошо!

– Ничего, – согласилась девушка.

– Я тоже хочу в деревню, – заявил Борька. – Только в настоящую. Чтобы на улице трава росла, куры бегали, а жители окали. И чтобы все было, как у Ивана Петровича.

– У какого? – не поняла девушка.

– У Белкина.

– А чего у него?

– Здорово все было организовано. Передовое хозяйство!

Ночью Олег проснулся от тишины. Поезд стоял. За окном были слышны голоса и шорох шагов по придорожной щебенке. Вагон закрипел и осторожно тронулся. И тут сверху со свирепым грохотом что-то обрушилось. В мелькании отсвета станционных фонарей с пола поднялся Борька. Постоял, глядя в окошко и почесывая спину, поднял матрац и полез на полку.

– Ты что? Как ты? – зашептал Олег.

– Нормально все, – буркнул Борька.

– Ты, правда, ничего?

– Слушай, дай поспать спокойно, – раздраженно зашептал Борька.

– Хочешь, внизу ложись, – предложил Олег.

– Да отстань ты!

Утром Олег открыл глаза и увидел, что Борька сидит на нижней полке. Соседей не было.

– А где народ? – спросил Олег. – Сошли?

– Давно. Еще ночью.

– А ты как?

– Никак. Чего мне?

– А летел почему?

– Ну, будешь теперь. Летел и летел.

Заглянула проводница:

– Сейчас ваша... Билетики получите.

Борька взял билеты и сунул в нагрудный карман.

– Мой не потеряйте, пожалуйста, – сказал Олег.

– Не потеряем.

– Постарайтесь, товарищ космонавт.

Из вагона они прыгнули на низкую платформу. Олег остановился и оглядел небольшую площадь с торговыми палатками и рыночными рядами.

– Вот, увидишь сейчас, что такое настоящая секретность, – пообещал Борька. – Пошли.

– Слушай, я так и не понял, как это тебя угораздило сегодня?

– Как, как... – передразнил Борька. – Ну, перемаргивались мы с этой девахой, перемаргивались... А когда на станции поезд остановился, она видит, что я не сплю, и руку протянула.

– И чего?

– Как чего? Матрац-то поехал, когда я к ней потянулся. Склизко там оказалось. Хи-и! – Они шли вдоль платформы, и Борька сказал: – О! Чем-то у них тут вкусным кормят.

Олег почувствовал, что хочет есть. Шагнул и глубоко вздохнул. В нос ударил нестерпимый запах канализации.

На площади Борька остановился у одного из «газиков» с брезентовым верхом и обратился к шоферу:

– Мы к Макарову. Вот командировочное удостоверение.

– А вроде никто не должен был приехать, – удивился шофер.

– Это как? Я с вашими по телефону разговаривал.

– Не передавали мне.

– А чего ты тут стоишь? – спросил Борька.

– Ладно, садитесь, – согласился шофер.

«Газик» со всего ходу врезался в большую лужу в начале улицы, пронесся мимо одноэтажных домишек и церкви и выскочил к пристани. Остановился он чуть подальше от нее, возле отдельного причала.

Над июльским привольем светило солнце. На озере был полный штиль. Вода не морщилась и не плескалась на песок. Сквозь белесую дымку просматривались дальние берега. Правее на косогоре стояли домишки небольшой деревни.

– А теперь куда? – спросил Олег.

– На катере да с ветерком, – отозвался Борька. – Говорил же я тебе про рыбалку.

По скрипучим доскам причала они подошли к выкрашенному черной краской, небольшому катеру. Борька закричал:

– Здравствуйте товарищи краснофлотцы!

Из рубки вышел высокий худощавый мужчина в синей рубашке, подозрительно оглядел их и попросил:

– Командировочные удостоверения, будьте любезны.

На бумагах мужчина взглянул мельком и тут же вернул. Борька спросил:

– А Митя, как его – Рыбкин где? Плавает?

– Списан на берег! – доложил мужчина.

– Вот так всегда! – Борька покачал головой. – Лучших людей теряем! Лучших!

Катер отчалил, пошел вдоль левого берега. Стал огибать островок, заросший еловым лесом и окруженный камышом.

– Ух, щучьи места! – заметил Олег.

– Там и лучше есть. – Борька махнул рукой. – Хочешь по стаканчику для настроения?

– Нет уж. Как вспомню, так вздрогну.

– Ничего не понимаешь в благородных напитках. Впрочем, я тоже не буду. Мы можем сегодня к их главному инженеру попасть. Хотя, вряд ли.

От бетонного причала неширокая асфальтовая дорога вела к лесу. На его опушке стояла будка КПП. Дежурный взял документы, кому-то позвонил и стал спрашивать, есть ли такие в списке.

Дома в поселке стояли вдоль единственной улицы, – по правой стороне трех- и четырехэтажные, из серого кирпича, по левой – деревянные, с большими окнами и террасками. Улица упиралась в широкие ворота предприятия, огороженного бетонным забором.

– А где народ? – удивился Олег.

– Вон, две старушки на лавочке сидят. – Борька показал во двор одного из домов. – А так – все на работе. Только вечером появятся.

Гостиница располагалась в двухэтажном домике у проходной. В небольшой комнате сидела полная женщина в белом халате.

– О, знакомые все лица! – воскликнул Борька. – Опять мы к вам. Помните меня?

– Как ни помнить! – равнодушно ответила женщина. – Были вы тут.

– В этот раз я вот – с товарищем. Но поселить лучше отдельно. Он у нас – большой ученый. По ночам работает. А я храплю. А творчество, сами знаете, какой чувственный процесс.

– Поселю, если тихо себя будете вести, – пообещала женщина.

– Как же иначе! – Мы – люди благообразные. Цветы у вас в этом году чахлые какие-то... – Борька показал на подоконник.

– Разойдутся еще! В начале лета больно жарко было. – Женщина искала ключи в ящике стола.

– А удобряете?

– Не без этого.

– В таком важном деле, как удобрение цветов, надо, прежде всего, опираться на собственные силы.

Женщина что-то разглядывала в ящике стола, ответила:

– Вот, поживете у нас, вам и доверим удобрить.

Гостиничный номер был маленьким и светлым, с окном на лес.

Еще пахнул недавно выкрашенный охрой дощатый пол. У стены стояли деревянная кровать с низкими спинками и тумбочка, покрытая белой салфеткой.

В дверь заглянул Борька и выкрикнул:

– Воды нет горячей! Вот-те на! Пошли в баню! Тут рядом.

На улице им встретились два мужичка: один – в очках и серой кепке; другой – седой и чуть прихрамывающий. Борька спросил про баню.

– Не, у вас с баней ничего не получится, – растягивая слова, сказал мужичок в кепке. – Н-да, не получится, не пустят. Сёдня там – женский день.

– А почему ты вот так о них? – Седой с укоризной посмотрел на приятеля. – Ты разве не видишь, какие ребята хорошие!

– Вижу, – ответил первый и поправил кепку. – Замечательные ребята.

– Почему же ты сразу: «Не пустят»? И баста!

– Видно, это я зря! Но обидеть никак не хотел.

– Да, вот их-то, может, и пустят!

– Может, их пустят, – согласился мужичок в кепке.

– В гостинице горячей воды нет, – пояснил Борька.

– Не может быть! – удивился седой. – Я говорю: не может быть, чтобы в бане не было горячей воды.

– Должна быть там в обязательном порядке, – подтвердил мужичок в кепке. – Как же без горячей воды! В крайнем случае, можно в речке помыться. Сейчас тепло. Сегодня двадцать три градуса обещали.

– Это вчера обещали, а сегодня – передумали, – поправил его приятель.

Подбежала маленькая рыжая собачонка. Покрутила хвостом и принялась обнюхивать Борькины ботинки.

– Фу, Тюбаж! – скомандовал седой. – Не надо. Свои! А то я тебя знаю! Возьмешь да насикаешь.

– А пиво у вас тут есть? – спросил Олег.

– Как не быть! Есть! – ответил седой.

– Пиво у нас – необходимый элемент раздумий! – подтвердил мужичок в кепке.

Олег подвел итоги дискуссии:

– Ну, все вроде бы ясно. Народ сосредотачивается. А мы отвлекаем его пустыми разговорами. Народ тут мыслит и изображает масштабно.

Из подъезда соседнего дома вышла женщина в белом халате, поселившая их в гостиницу. Седой крикнул:

– Александра моя Ильинична! Чего ребят с дороги не помыла! Хорошо, мы тут! В баню их пристраиваем. Всем вместе идти договариваемся.

– Открыть надо было краны на стояке, да обождать, – ответила женщина.

– И то, правда! – Борька тронул Олега за рукав. – Пошли!

Олег сидел на кровати с полотенцем на шее и перебирал привезенные из Москвы бумаги. Пришел Борька, спросил:

– Чего? Готов? Нормально помылся? А я, представляешь, только намылился – лампочка перегорела. Стою, терблю в руках мочалку. Вообрази, не видно, было ни зги!

У дверей технического отдела стояла невысокая молодая женщина в светлом платье.

– Кого я вижу! – вскрикнул Борька.

– Ой, вы! Приехали! Все такой же! – говорила женщина.

– Стараюсь сохранять в себе лирические начала. – Борька внимательно посмотрел на женщину. – А сердце так и бьется! Хоть иди и делать ЭКГ.

Из кабинета напротив вышел невысокий человек с чахлыми остатками шевелюры над ушами, остановился и с удивлением воскликнул:

– Боря! Ты! Какой идиотизм!

Притихли все, даже Мешков.

Человек прокашлялся и сделал рукой витиеватый жест:

– Вот кого не ожидал здесь увидеть, это тебя!

– Сам ты как? – неуверенно, даже с робостью спросил Борька.

– Да что я? Сюда перебрался! Все лучше, чем в Челябинске.

– Ах, а я-то думаю! – воскликнул Борька. – Конечно, здесь лучше. Мы сюда – на неделю. Увидимся. Крепче держите связи с общественностью!

– Но удивительно – ты и тут! – повторил знакомец.

За дверью с надписью «Технический отдел» оказался еще один коридор. Женщина шла чуть впереди, и Борька шепнул Олегу:

– Кажется, тому халявщику я в институте проекты рассчитывал. И кажется, за последний он мне ни шиша не заплатил. Калякин! А как зовут, забыл. Большая задница, между прочим. Вместе с Веселовым по комсомольской линии служил.

– Я не понял, а почему он сказал: «Какой идиотизм!»?

– Ну так, от полноты чувств, – объяснил Борька.

В большой комнате стояло несколько длинных старомодных столов с резными ножками и синие несгораемые шкафы.

– Константин Михайлович сейчас в цеху, – объявила Люся. – Скоро придет.

– Вот здесь можно поработать, – Борька прошелся по комнате. – И народу никого. Кроме Люси. – Выглянул в окно и выкрикнул: – Вон! Наши дружки в сквере! Соображают чего-то.

Из окна был виден край площади перед проходной и скамейки возле клумбы. Два мужичка стояли на посыпанной песком дорожке. Возле них крутился рыжий пес.

– Это такие друзья неразлучные, – сказала Люся. – Вон тот, в кепке – фельдшер. А седой – учитель рисования. И песик всегда с ними. Как-то по-чуждому его кличут.

– Ух, боевой народ! – Борька хотел было помахать им рукой, но они смотрели в другую сторону. – Сегодня нас в баню отправляли. Обещали, что там – женский день.

– Там и женское отделение, и мужское, – удивилась Люся.

В комнату вошел высокий, хмурого вида мужчина в черной спецовке.

– Ба! Константин Михалыч! – выкрикнул Борька. – И тоже – боевой, как восемнадцатый год.

Мужчина с серьезным видом пожал им руки и стал доставать из шкафа папки.

– Мы вчера Константина Михайловича поздравляли. – Люся посмотрела на начальника. – День рождения у него был.

– Ба! И мы поздравляем, – ответил Борька. – Главное, побольше славных дел! И чтобы поклонницы всегда окружали, докучали, донимали, – добивались своего!

Люся состроила недоуменную физиономию, а сам Константин Михайлович предпочел никак не реагировать.

Сели за стол. Борька достал из папки бумаги, разложил их перед собой:

– Замечания ваши все просмотрели. Как говорилось у нас, в Добровольческой армии: «Горячо одобряем и, скрепя сердце, поддерживаем!».

Люся предложила чаю. Константин Михайлович даже не посмотрел в ее сторону и стал говорить быстро и сбивчиво. Борька долго не выдержал и перебил его. Сначала рисовали схемы на листе бумаги, потом встали и подошли к черной ученической доске, прибитой к стене.

– Константин Михалыч! Говорю я Константину Михайловичу, – в очередной раз объявил Борька, не замечая, что злит хозяина.

Олег не выдержал и сказал:

– Подождите! В сторону уехали. Давайте сначала.

– И вообще давно был обед, и надо поесть, – устало проговорил Борька. – Трапезная у вас тут вроде ничего, не затрапезного вида.

В столовой к ним за столик подсел Калякин. Опять поудивлялся неожиданности их появления и заявил, что ему надо кое о чем посоветоваться. Борька пожал плечами и пообещал, что они как-нибудь к нему зайдут. Но Калякин вытащил из кармана листок и стал показывать какой-то чертеж.

Борис подвинул листок к себе, рассматривал, продолжая хлебать борщ из тарелки, и недовольно покрутил головой. Что-то ему очень не понравилось. Он ткнул в листок ложкой, оставив маленькие жирные капли:

– Как у тебя тут – и одно, и другое. Нет уж, прыгать на все четыре стороны можно только по частям.

Калякин проводил их до проходной и пытался расспрашивать о чертеже. На улице Борька оглянулся и объявил:

– Сила идиотов – в их фантазии!

Они пошли к гостинице.

– Мы им зря по старому аналогу прибор сделали, – говорил Олег. – Хуже всего что-то старое пытаться приспособить. Одна морока получается.

– Там кое какие новые идеи есть, – не согласился Борька.

– Надо было к новой схеме их подводить.

У распахнутого окна гостиницы стояли два приятеля. Рыжий пес сидел рядом на траве газона. Седой мужичок пытался заглянуть в окно и говорил:

– Александра моя Ильинична! Чаи там гоняешь! А меня, милого своего, на произвол судьбы бросила!

– Тебе только произвол и подавай, – послышался из окна женский голос. – Уж одной ногой... о душе пора думать, а все туда же.

– Н-да, – задумчиво произнес седой и обратился к приятелю: – Петр, скажи мне: почему, несмотря ни на что, мы с тобой не унываем?

– Даже и не знаю, Шурик, – отозвался приятель. – Не унываем, и все тут!

Озеро было не таким спокойным, как утром. Ветер гнал на песок легкие волны. Над водой до самого горизонта висели клубистые белые облака.

– Рыбы мы сами не наловим, – сказал Борька.

– Ну, почем знать! – не согласился Олег. – Попробуем.

– Не будет она ловиться ни фи́га. Надо копченой купить. Вкусная – пальчики оближешь. Возьмем в аптеке таблеток от этого самого, но обязательно попробуем.

– Купаться пойдем? – спросил Олег.

– Вроде холодновато. – Борька поежился.

Недалеко от пристани был песчаный пляж со скамейками и «грибками». У берега стояла полная дама в алом купальнике и с пышной прической крашенных хной волос. Худошавый мужчина с зачесом на лысину пробовал ногой воду и говорил:

– У! Сегодня совсем теплая!

Олег сложил одежду на скамейку. Подошел к берегу и, не раздумывая, бросился в воду. Отплыл несколько метров и встал на ноги. Было по шею. Перевернулся на спину и поплыл дальше. Над головой стояли, будто не двигались, облака. Над лесом синела туча.

Недалеко от берега худошавый мужчина учил свою спутницу плавать. Держал на руках и командовал:

– Ногами и руками! Одновременно!

Дама разгребала перед собой воду, вытягивала шею, чтобы не замочить прическу, фыркала и говорила:

– Яшка! Нахал!

Борька стоял на песке, убрав руки за спину и выпятив живот. Наклонился к Олегу и тихо сказал:

– Гляди-ка, какие тут опытные ухажеры! Сразу и не подумаешь!

По дороге в поселок Олег предложил:

– Давай по лесу прогуляемся. С другой стороны к гостинице выйдем.

– Лучше короткой дорогой, через поселок, – ответил Борька. – Знаешь, есть такие минуты, когда организм будто что-то начинает предчувствовать и торопит хозяина.

Утром Борька громко постучал в дверь и закричал:

– Эй! Спишь, что ли? Вставай!

Олег не спал, но вставать не собирался. Посмотрел на часы и удивился:

– Куда в такую рань!

Борька был в майке, спортивных брюках и шлепанцах на босую ногу. Сунул Олегу листок со схемой, а сам прошел в комнату и уселся на подоконник:

– Вот видишь, как надо! Оказывается, проще пареной репы! Под любые параметры подходит. И почему сразу не догадались в трубку свернуть? Вот за что я люблю жизнь, за эти мгновения понимания. Вот это да! И какое удивительное чувство свободы – взять и придумать. Именно свободы! И не какой-то, а твоей собственной! Понимаешь, о чем я? Вот, Александр Сергеевич в этом кумекал! Хоть и гуманитарием был.

Схема казалась очень удачной. А Борька был громогласным, самодовольным и хвастливым. Олега это немного раздражало. Можно было бы позлить Борьку и сказать, что ничего особо путного он не придумал. Но схемка вправду казалась очень красивой. Наверное, Борька даже не понимал, как она объединяла все то, над чем сейчас работали.

– А как она интегрируется легко! Все сразу объединит! Да? – Борька ткнул пальцем в свой листок.

Олег не удержался и ответил:

– Все это можно решать по-другому и радикально. Подвергать жидкость сильному облучению, чтобы в ней пузырьки газа формировались, а их измерять. – И тут же пожалел, что проболтался.

– А облучение куда пойдет? – Борька сразу ухватил самое трудное. – Если люди рядом будут?

– Ну, вот тут думать надо.

– Ты про это пока никому не говори. – Борька прошелся по комнате. А то они нам сейчас прибор зарубят. И неизвестно, получится ли то, о чем ты говоришь. Подумать надо.

Константин Михайлович был на совещании. Им пришлось его ждать. Борька звонил в Москву какой-то приятельнице и говорил:

– Вот еще! Что тут врать! Правда, в командировке! На острове. Обитаемом! Не могу сказать, где. В каком океане. Что значит «трепло»? Зачем так говорить! А если наш разговор слушают? Как кто? Спецслужбы! И я по твоей милости прослышу у них вруном! Хи-и!

После обеда они пошли в лес за поселком. За деревьями, совсем близко синело озеро. Но оказалось, что к нему не подойти, – вдоль берега тянулись бетонные столбы с колючей проволокой.

Светлый сосновый лес кончился. Открылся косогор с кустарником у подножья. Они поднялись по высокой траве на его макушку.

– Место какое благодатное, – сказал Олег.

– Скит здесь когда-то стоял. Вон там, внизу часовня осталась. – Борька сел на траву и вытянул ноги. – Все-таки схемка получилась удивительно удачной. В таких случаях главное – голову зря не ломать. Хоть по комнате ходи, хоть руки заламывай, – все бесполезно. А если просто взять да послушать, может иной раз и услышишь. Нет, я правду говорю.

– А чего ты мне это объясняешь? Я и без тебя знаю, – ответил Олег.

С косогора они спустились к заросшей камышом мелкой речушке. Стояли на бревнышках моста и смотрели, как вода треплет длинные, темно-зеленые водоросли.

– Конечно, хорошо здесь поселиться, – говорил Борька. – Но города будет не хватать. Ни конференций тебе, ни прочего трепа. Обалдеть от этой секретности!

– А много ты на конференции ходишь?

– Потому что неинтересно. Было бы интересно – ходил. Куда-нибудь за кордон махнул бы с лекциями выступать.

– Там своих хватает.

– Для ученого признание очень важно. Да и вообще – глупость какая-то эти представления, что мы в осажденной крепости. Надоело это уже. Рано или поздно, а придется с миром замириться.

– А кто его обижает?

– Вот ты! Человек вроде вменяемый, – говорил Борька. – А чуть что – сразу империалист. Ну, может и не империалист, а так... Вот, мол, мое и никому не отдам.

– Всякий нормальный человек свое абы кому не отдаст.

– А кто у вас забирает? Кто? Все живут тихо-мирно. Никакие свои особенности не выпячивают. Вот тебе скажи: никаких особенностей у вас нет, ты первый заорешь: «Как бы не так!».

– Что ты хочешь сказать? Что никто ни от кого не отличается?

– Послушай, ты знаешь, что я – парень из деревни, – быстро заговорил Борька. – Простецки – некуда. Вот и объясни мне: в чем мои особенности?

– Тебе? Про особенности? Пожалуйста! Ты не любишь всякую меру. Не любишь бить в одну точку. Зато обожаешь вопросы задавать. Себе самому!

Борька скривил физиономию и спросил:

– В каком это смысле я не люблю меру?

– В прямом. И еще ты, хоть недолго злишься, но надолго обижаешься.

– Это все словеса! И только!

Ирина стояла у входа в Дом дружбы народов на Калининском и выглядела даже важнее обычного. Билеты на концерт достала ее мать, и кроме Олега были приглашены Вика и Артамонов.

– Если эти змеи опоздают, мы их ждать не будем, – объявила Ирина.

– А что за певица? – спросил Олег.

– С Ямайки. Очень длинное имя. Я не запомнила.

Подожли Вика и Артамонов. Она заулыбалась и чмокнула Ирину в щеку, а он молча кивнул и протянул Олегу руку.

В буфете Вика громко сказала:

– Шампанское есть!

Артамонов принял задумчивый вид и, как подобает поэту, стал сосредоточенно разглядывать лепнину на потолке. Олег отстоял в очереди и принес бокалы с вином и шоколадку.

– Где эта Ямайка находится? – спросила Вика. – Где-то в Атлантике?

– У нас в классе девочка была, Люба Папкина, – сказал Олег. – Она всегда говорила: «Антрактический океан».

– В этом что-то есть, – заметил Артамонов и допил шампанское.

Вика долго и подробно рассказывала о новой приятельнице жене представителя какой-то фирмы в Москве.

– Они весь свет объездили! – уверяла Вика. – А дома у них прислуга обед готовит.

– Чужие люди в доме – я не представляю это как... – Ирину этот треп сильно раздражал.

– А что такого? – изумилась Вика.

– Ну, ведь наймиты! – объяснила Ирина. – Кто знает, что у них там на уме. Возьмут и плюнут в кастрюльку. В ходе классовой борьбы...

Певица с длинным именем была немолодой коренастой креолкой. Ведущий назвал ее «большим другом нашей страны». Она пела под гитару томным, красивым голосом.

После третьей песни возникла пауза, и ассистент стал возиться с микрофоном. Олег повернулся к Ирине:

– Понимаешь креольский диалект? А то я переведу. Вот, например, из последней песни: «Коварный идалго! Зачем ты проник этой темной ночью под кров несчастной женщины? Зачем ты схватил своими горячими руками ее смуглые плечи?»

После следующей песни в зале зааплодировали, а соседка слева – коротко стриженная дама средних лет – посмотрела на Олега и спросила:

– А эта песня, интересно, о чем?

– О чем? – переспросил Олег. – Ну, как же! «Ранним утром отплывали от родных берегов рыбаки. Долго махали им на прощание молодые рыбаки. Чайки несли их приветы любимым».

– Где эта Ямайка находится? – поинтересовалась дама.

– Ну, как же! В этом... в Антрактическом океане! – Олег широко раскрыл глаза и с удивлением взглянул на даму.

После концерта пошли мимо буфета к выходу.

– Шампанское у них очень вкусное, – напомнила Вика.

– Н-да, – согласилась Ирина.

Артамонов достал из нагрудного кармана книжечку и стал что-то записывать, а Олег пошел к очереди перед буфетной стойкой и подумал: «Что ж, в конце концов платить за все положено пассажирам!»

– Она неплохо поет, – сказала Вика. – Мне понравилось. Только туфли у нее уж очень задрипанные.

– А платье что, лучше? – усмехнулась Ирина.

Артамонов поставил на столик пустой бокал:

– Мы завтра в ДК «Красная Пресня» выступаем. Хотите, приходите.

Олег промолчал, а Ирина ответила:

– С удовольствием бы, но завтра я никак не успею.

В фойе Артамонов оказался рядом с Олегом и буркнул:

– Суетишься ты с этими рюмками.

В июне в приличном академическом журнале вышла Борькина статья. По этому поводу столы в его лаборатории были сдвинуты и накрыты белой бумагой, а сотрудницы увлеченно резали сало и любительскую колбасу. На подоконнике в литровой банке стоял большой букет гвоздик.

– Привет тебе, триумфатор! – сказал Олег, войдя в лабораторию.

– А ты чего не выступал на совете? – спросил Борька. – Я думал, ты выступишь, даже напоминать не стал.

– Там одни доктора к трибуне выстроились.

– Ты же в этом деле кумекаешь, – ответил Борька. – А то там началось и понеслось не в ту сторону.

Народу собралось много. Кое-как расселись на стульях, креслах и ящиках, разобрались со стаканами и вилками. Тарелок на всех не хватило.

Дамы из Борькиной лаборатории провозглашали тосты за начальника и старались поведать миру о неизбежности новых открытий.

– Тебя прям как Леонида Ильича чествуют, – сказал Олег.

– Не, я человек скромный. – Борька дожевывал кусок сала. – Но чего мне это стоит!

О статьях и открытиях скоро забыли и хором заговорили об отпусках.

– Все поехали на рыбалку! – орал Борька. – Знаете, каких я щук ловлю! Видели фотографии? Нигде так человек не раскрывается, как на рыбалке!

– Особенно, когда не клюет, – добавил Олег.

– Почему не клюет? – обиделся Борька. – У меня всегда клюет.

Пришел замдиректора Ляшко – большой и грузный человек. Сел на край стола, попросил:

– Мне водочки налейте. – И посмотрел на присутствующих: – Это вы чего? Очередную годовщину приказа о пьянках на рабочих местах отмечаете?

– Разве его не отменили? – удивилась дама из Борькиной лаборатории.

– Нет. Всех, небось, завтра в приказ по институту запишут.

– А вас?

– Я скажу, что участвовал, но неохотно.

– Все эти приказы надо отменить, как противоречащие традициям коллектива, – заявил Борька. – А то, что получается? Отметить ничего нельзя!

Людмила Даниловна из профкома объявила:

– Ребята! Кому нужен ковер, записывайтесь завтра у меня.

– Запиши меня, – попросил Борька. – Мне как раз новый ковер нужен. Так плохо было после одного юбилея! А ковер внизу у дивана лежал. Ну, повезли мы его потом к теще на дачу. Два дня чистили. Так его чистеньким там и украла.

Одна из сотрудниц рассказывала:

– Я так нервничала из-за этих схем, которые Борис Петрович представлял на совете. Переживала, как бы мы в них чего не проглядели. Из-за этих схем мне всю ночь кошмары снились.

– Мне на днях вообще приснилась нечистая сила, – перебил ее Борька. – Гляжу – обложка, окружила. Не вырваться от нее. Как быть? Что делать? Ну, думаю: креститься надо. Свят! Свят! Проснулся, лоб вытер и говорю себе: «Уф! Все-таки отбилась! Нас, комсомольцев, голыми руками не возьмешь!»

Слева от Олега кого-то вполголоса обсуждали две дамы.

– Не знаю, чего она так к нему привязалась, – говорила одна.

– Может, он как любовник... – предположила другая.

– Она сказала, что как любовник он очень необязательный.

По дороге домой Олег подумал, что можно было бы зайти в ДК и послушать выступление той девчонки. Но сразу возникло опасение, что там может оказаться Вика. Пришлось бы городить какую-нибудь глупость, вроде: шел мимо и вспомнил про концерт.

Ничего не решив, он сел у метро в троллейбус. Проехал одну остановку и подумал: «А с какой стати я должен думать о Вике?» И начал протискиваться к выходу.

Билетерша скучала у входа. В фойе никого не было. В приоткрытую дверь была видна освещенная сцена. Пел под гитару долговязый парень в куцем светлом пиджаке. Зрители занимали только первые ряды.

Олег сел в конце зала и сразу заметил Вику. Надо было потихоньку сматываться. Ситуация – глупее не придумаешь. Все, как нарочно. Но прежде, чем уйти, пересел поближе, и понял, что обознался. Девчонка просто немного напоминала Вику.

На сцену вышел Артамонов. С правой стороны включили сильный юпитер, и Олег увидел, что впереди, у прохода сидит Аня. Девушка с длинной челкой на лбу и пучком волос на затылке повернулась к ней и что-то спросила.

Он сел за ними, немного подождал и прошептал:

– Привет шлюпочным магнатам!

Аня чуть повела плечами, но не повернулась. Подружка с длинной челкой посмотрела сначала на него, потом на Аню, но промолчала.

– Что же вы сегодня не выступаете? – спросил Олег.

Аня прижалась к спинке кресла, повернула голову и тихо сказала:

– А, это вы!

– Разумеется! – ответил он. – Я думал, вы будете на сцене.

– Сегодня не буду.

Ее подружка обернулась и взглянула на Олега.

– Мы тоже решили приобщиться, – прошептал он. – Стихи написали.

– И что? Будете читать? – спросила Аня.

– Если только вам.

– Прямо сейчас?

– Извольте! – ответил он: – «Начало всех начал в конце концов хорошее начало».

Она повернула голову:

– А дальше?

– Вы от меня слишком много ждете. Дальше пока не сложилось.

После концерта они вышли на улицу. Подруга сделала серьезный вид и громко сказала:

– Тебя, я так понимаю, молодой человек возьмется провожать. А мне – к метро.

– Я вместе с тобой! – ответила Аня.

– А как же молодой человек? – удивилась подруга.

– Я с вами, – отозвался Олег.

Они перебежали улицу и трамвайные пути и пошли по скверу. Подруга разговорилась. Ругала одних выступавших и хвалила других. Рассказывала, что раньше тоже писала стихи. Но вдруг загрустила и замолчала.

– А как Артамонов пишет, вам нравится? – спросил Олег.

– Уж очень вычурно, – ответила Аня. – Одно подражание.

– Ну, почему же? – не согласилась подруга.

– Неестественное в нем что-то есть.

Подруга распрощалась с ними у перехода к метро:

– Меня Леной зовут. Наверное, еще увидимся.

Ане это не понравилось, и она отвернулась.

Они перешли улицу у Краснопресненского универмага. Олег предложил:

– Пойдем в кафе-мороженое на площадь Восстания?

– Ты знаешь, я сегодня очень устала, – ответила она.

– А телефон не просить?

– Просить. Давай по скверу погуляем. Хочешь?

Ему очень захотелось взять ее за руку. Дотронулся, будто невзначай до ее ладони и почувствовал, как она едва заметно отстранилась от него.

– Хочешь пломбир или эскимо? – спросил он.

Она посмотрела на него, улыбнулась и закивала головой.

Две маленькие девочки остановились посередине улицы на разделительной полосе, пропуская транспорт. Но одна вдруг рванулась вперед и оказалась перед желтой «Волгой». Раздался резкий и визгливый скрежет тормозов. Девочку бросило на асфальт, а машина заюзила и ударилась об ограду сквера.

Олег подбежал к ребёнку, подставил ладони под голову, смотрел в большущие, ничего не понимающие глаза.

Шофер распахнул дверцу машины и выкрикнул:

– Эй, помоги! Выбраться помоги!

Олег посмотрел в его сторону. Шофер кричал:

– Чего там с ней возишься! У... ё... Мне помоги!

Рядом оказались две женщины. Одна из них подняла девочку на руки.

Олег постоял еще немного и огляделся по сторонам. Ани рядом не было.

Месяца через два пришло письмо. Обратный адрес на конверте был написан красивым, ровным почерком: «ул. Заморенова». На тетрадном листке он прочил: «Прости, но тогда стало очень страшно за все. Ничего, что я взяла твой адрес в справочном бюро? Да?»

Он пожал плечами и разорвал письмо вместе с конвертом.

Глава вторая

Утром в квартиру Олега позвонили. На пороге стоял Пашка из соседнего подъезда. Никогда не дружили, но и не ссорились. В школьные времена играли в хоккей на дворовой площадке, а потом Олег время от времени останавливался возле Пашкиного гаража поболтать о рыбалке.

Пашка как всегда ухмылялся, и оставалось только гадать отчего – то ли собирался разозлиться, то ли, наоборот, развеселился.

– Ты ко мне? – удивленно спросил Олег.

– Слушай, надо ящик вниз стащить, – ответил Пашка.

Олег не понял и пожал плечами. Отказать было неудобно. Пашка никогда ни с какими просьбами не обращался, и значит на этот раз ему было очень нужно.

– Отец помер, – объяснил Пашка. – Хороню сегодня.

– Гроб в дом внести? – спросил Олег.

– Не, вчера с мужиками втащили. Теперь надо из подъезда выволакивать. До машины.

– Раз такое дело, могу и на кладбище поехать, – предложил Олег.

– Не надо, – ответил Пашка. – У них там каталки. Только вниз снести.

У подъезда стоял автобус с черными полосами по бокам. Шофер сидел на переднем сидении и курил.

– Этому хорьку заплатить обещал, чтобы помог. – Пашка кивнул на шофера. – Такую морду скосорылил...

Поднялись по лестнице на четвертый этаж. В дверях их встретил парень в белой футболке с засученными рукавами и спросил:

– Что? Нашел? Ну, вчетвером кое-как спустим. С передыхом.

Гроб стоял на столе в небольшой комнате. Пашка сказал, что надо закрыть его крышкой. Парень в футболке ответил, что так не дотащить. Спорили они громко и недовольно. Пашка все же согласился нести без крышки.

В прихожей гроб застрял. Пришлось держать покойного за плечи и поворачивать гроб немного набок. Ободрали обои на стене.

– Ой, шкаф осторожнее! – выкрикнула Пашкина мать.

– Хватит! Замолчи! – гаркнул на нее Пашка и сам схватился за гроб.

– Не, нельзя тебе, – попытался остановить его кто-то из соседей.

– А, подумаешь! – отмахнулся Пашка.

Вынесли гроб из подъезда. Пашка зло крикнул шоферу:

– Эй, спишь там, что ли? Открывай!

– Надо на табуретки. Здесь попрощаться, – предложила старушка-соседка.

– Не, хватит! Поехали! – оборвал ее Пашка.

Вечером Пашка опять зашел к Олегу. Ухмыльнулся и показал на поллитровку в кармане:

– Давай у тебя. А там – бабы. Надоели до смерти со своим оранием. Полдня орут и жрут. Всю ночь студень варили.

Олег достал из холодильника остатки колбасы и рыбные консервы. Пашка посмотрел на рюмки:

– Маленькие они у тебя какие-то... Ну, ладно.

– От чего отец умер? – спросил Олег.

– Поболел да помер. И не объяснили толком.

– Разве не написали? – спросил Олег.

– Нацарапали что-то в бумаге. Хрен разберешь.

- Да-а, жил человек и вдруг – нет его.
- Пожил да помер. – Пашка поморщился, давая понять, что разговор с сетованиями и соболезнованиями ему ни к чему.
- В какой крематорий ездили? – спросил Олег.
- Не помню, как называется. У кольцевой дороги. Там, в крематории все раз-два и готово. И поезжай поминать. А все равно житья мне спокойного не будет. У нас – видел? Комнаты – смежные. Даже если я в дальнюю перееду, а мать – в большую. Как толкотня была, так и останется. Это у тебя – хоромы. Вы тут с матерью вдвоем жили. Я помню, когда ее хоронили. Народу у вас много было.
- Она на «Трехгорке» работала. Все и пришли.
- А отца твоего я что-то не помню.
- Он в войну под бомбежку попал. Потом много болел. Рано умер. Когда мне три года было.
- Один ты теперь, – будто довольно проговорил Пашка.
- Олег попытался перевести разговор на другую тему и спросил:
- Когда в отпуск?
- Не знаю. Я со старой работы шел. – Пашка разлил водку по рюмкам. – Ребята зовут в Сибирь поехать мосты красить. Заработок – во! А то бы – и смотаться. Вон, люди живут! Нужны деньги – пошел и взял в кредит. Только потом ходи, переоформляй.
- Это где такое?
- Ясно, что не у нас.
- Пашка закусил рыбными консервами.
- У матери были кое-какие деньгата. Я хотел у нее на новый мотоцикл взять. А теперь все потратила. Туда – десятку, сюда... Дорогое дело – хоронить. Правда, мамаша своими деньгами управлялась.
- А когда за урной ехать? – спросил Олег.
- Хрен ее знает. Мамаша, кажется, где-то записала. Еще тоже возни будет. На кладбище их захоранивают. Или – в стенку... Когда выяснилось, что я на свет появлюсь, мамаша сказала папаше, а он ей: что, оставлять хочешь? Хе. Вот так...

Они поднялись по ступенькам ладного, недавно отреставрированного особняка в переулке за Таганской площадью.

- Возьми пригласительные! – скомандовала Ирина. – А то получается, что я тебя веду. На одном из глянцевых, нарядных листочков было отпечатано: «Господину Залесову».
- А что, они именные? – удивился Олег.
- Естественно. Так бы тебя не пустили. Еще и документы потребуют.
- Дежурный с повязкой на рукаве попросил их остановиться, посмотрел пригласительные и спросил:
- Вы, простите, из какой организации?
- Комитет общественных связей, – важно ответила Ирина.
- Пожалуйста, на второй этаж. – Дежурный показал на широкую лестницу.
- Иринин брат, большой и насупленный, стоял у входа в зал, шлепал носком черного ботинка по карему, начищенному паркету и слушал седого, широкоплечего человека в светлом пиджаке. Собеседник взял брата за локоть, что-то негромко сказал и пропал в толпе.
- Сергей Павлович увидел Ирину и Олега, подождал, пока они подойдут, и протянул руку:
- Вот, видите, теперь здесь занимаемся делами. Много встреч, много разных бесед. Запускаем большую программу сотрудничества. Очень много предложений из-за рубежа.

К Сергею Павловичу подошли худая женщина с воздушным шарфом на плечах и Пискунов – успевший примелькаться на телеэкранах новомодный политический деятель, сторонник решительных перемен всего и вся. Оттеснили в сторону Ирину и Олега и заговорили о каком-то совещании в Ленинграде.

Публика была одета пестро: в черных костюмах и строгих платьях, в мохеровых кофтах и неглаженных брюках, в рубашках и джинсах. Была заметна неловкость от необычного зрелища и удивленность. Во всяком случае Олег чувствовал их в себе, но не ощущал в Ирине и ее брате.

Из-за плеча появилась голова того самого седого человека в светлом пиджаке. И вопрос в сопровождении натянутой улыбочки:

– А вы у нас кто?

Олег вытянул лицо от удивления, а Ирина равнодушно ответила:

– Из комитета по общественным связям.

– Очень приятно! – сказал седой человек и представился: – Вейтер Михаил Борисович – управляющий директор здешних мест. Будем сотрудничать. И надеюсь, вы у нас часто станете бывать. – И обратился к Олегу: – Это здание у нас полностью готово, а сейчас отделаем основное здание нашего центра на Варварке. Позвольте вашу визитку. Нет? Жаль. Вот вам моя. И, пожалуйста, в тот зал. Покушать бутерброды. И виски там есть.

– Надо как-нибудь сюда Вику притащить, – тихо проговорила Ирина. – Она любит всякие тусовки.

В зал быстрыми шагами вошел парень с сумкой на плече, выкрикнул:

– Всем привет! – Высмотрел в толпе кого-то из знакомых, заорал: – А! И ты здесь!

Ирина отвернулась, шепнула:

– Во! Видел? Пресса прибыла.

Включили большую люстру. В углу зала загудел микрофон.

На возвышение поднялась статная дама в брючном костюме и заговорила с легким акцентом:

– Господа! Мы рады приветствовать вас здесь, в наших стенах в Москве! Сообщаем вам, что мы начинаем нашу миссию в этой стране, которая сейчас так хочет расстаться со своим прошлым. Мы видим свою задачу в том, чтобы поддержать эти усилия. Своим присутствием мы обеспечиваем необходимое содействие. – Дальше даму начала подводить русская грамматика.

После этого выступления возникла небольшая заминка. Кого-то звали и разыскивали. Опять загудел микрофон. На возвышении появился Михаил Борисович Вейтер:

– Господа, сложный современный период нынешней России – это период перехода от старомодного традиционного общества к обществу глубоко модернизированному и потому нетрадиционному. Эти слова надо выделить в качестве ключевых в разрабатываемой концепции предстоящих преобразований. Традиционное общество основано на многочисленных долженствованиях и глубоко вязнет в разных путах, а современное – базируется на снятии табу и широких личных свободах. Мы хотим, чтобы именно к такому обществу шла Россия, отбрасывая свой имперский менталитет и превращаясь из поработителя в друга всех народов.

После Вейтера что-то долго бубнил старичок-историк. Публика начала шептаться и гудеть. Объявили Пискунова. Ему сразу аплодировали. Он церемонно раскланялся.

– Сегодняшние задачи перестройки и демократизации общества, э... – И бодрым голосом: – Предоставление гражданам политических прав основывается на экономических свободах вплоть до собственности. Э... Укрепление и развитие этих прав...

Всех пригласили в соседний зал. В дверях возникла толчея. Сергей Павлович и Вейтер остановились у ближнего столика.

– Тут у нас все как дома. – Вейтер обращался к Ирине: – Лучшее обслуживание – это самообслуживание. Вам чего налить? И уже Сергею Павловичу: – В принципе, очень интересно было бы в вашем регионе семинар организовать. Человек на пятьдесят. А потом наиболее подготовленные могли бы поучаствовать в нашем семинаре в Вене. Но это – позже. После вашего ознакомительного визита. Людей, наверное, можно на семинар подобрать.

– Много у нас проблем накопилось, – важно говорил Сергей Павлович. – Особенно – с очередями.

– Правильно! – поддержал Вейтер. – И с очередями. А что вы там теснитесь? – Он обращался к Ирине и Олегу. – Пожалуйте сюда, молодые люди. Рыбки из Норвегии попробуйте. – И показал пример.

На улице было холодно. Но Ирина сказала, что ей обязательно надо дожидаться брата. Он появился только через полчаса. За это время из дверей особняка вынесли и погрузили в «Волгу» два бесчувственных тела. Одно принадлежало общительному репортеру, другое – старичку-историку.

Шофер стоял возле машины, заглядывал внутрь и неизвестно кого спрашивал:

– Куда их вести-то?

Вышел Сергей Павлович. Деловито объявил Ирине:

– Я тебя до дому подбросить не смогу. Мне – в гостиницу. Надо несколько важных звонков сделать. Еду в Вену.

Выбрались из темных переулков и стали переходить площадь у метро.

– Все туплю ободрала, – говорила Ирина. – Тоже мне, подвезти он не мог... Может, нам тогда к тебе поехать? Ты меня не зовешь. Совсем скучным стал. Я подумала: может, мне с собой Вику взять? Чего ты на меня посмотрел? Должна же я тебя как-то развлекать.

В курилке два дня подряд обсуждали последнюю демонстрацию в центре города.

– Пискунов из Ленинграда! – говорил Борька. – Ну, молодец! Как врзал!.. Про цеховскую мафию! Так вот вслух и назвал.

– Следователь из прокуратуры выступал, рассказывал, как дело вел, а его быстро свернули. – Веселов тоже был в курсе последних событий.

Олегу все это в конце концов наскучило, и он сказал:

– Показывали вашего кумира, пьяного в дребодан, а он потом говорил, что ему рот на киноплёнке растягивали.

– Это сами телевизионщики подтвердили, – оборвал его Борька.

– Так и было, – поддержал его Веселов. – У нас в Пушкино парень живет, на телестудии работает. То же самое говорит!

Олег спросил Борьку:

– Вот, ты знаешь что-нибудь о таких возможностях?

– А кто там чего знает! – отмахнулся Борька.

– Но главное даже не это. А то, что ваш кумир болтал, – Олега этот разговор начинал злить. – А нес он удивительную глупость! И что? Телевизионщики за него говорили?

– Охота тебе за партапаратчиков заступаться? – спросил Веселов.

– И, правда! Хи-и! согласился Борька.

– А вы чего за секретаря обкома так заступаетесь?

– Он – уже бывший!

Веселов докурил и нервно сказал:

– Мы живем при системе, которая в тридцатые годы создана. Надо когда-то ее ломать или не надо? Это система себя как империя ведет!

– Почему империя – это плохо? – спросил Олег.

– А на черт она нужна?

- Чтобы народы не передрались!
- Почему тогда в той же Европе не дерутся? – раздраженно спросил Веселов.
- Там уж сколько дрались! – ответил Борька.

Веселов помолчал и важно сообщил:

– Мы хотим образовать свою партию. Прежде всего, это должно быть сильное интеллектуальное ядро общества. Должны быть люди, специалисты в своем деле, способные анализировать и предвидеть.

– И кто к вам запишется? – лукаво спросил Борька.

– Очень интересный народ подбирается.

– Чувствую, туда все попадут, кто в свое время в КПСС пролезть не сумел, – сказал Борька.

– Я там не был и тем горжусь. – Веселов недовольно посмотрел на Борьку.

– А чего тогда ходил, просился? – спросил Борька.

– Я? Ну, и ходил! Ну, и что? – Веселов бросил в урну окурок и ушел.

Борька посмотрел ему вслед, состроил рожицу и захихикал:

– Вот еще – партийный деятель у нас появился. А насчет кумира – это ты зря. И неважно, растягивали ему рот на пленке или нет. Надо же как-то с партократией бороться. Только такие люди, как он, и могут все это сломать.

– Пустые они все какие-то... – ответил Олег. – Что твой Пискунов, что прочие.

Творческий вечер Артамонова был устроен в каком-то человеколюбивом обществе из тех, что появлялись тогда в изобилии, и потихонечку превращались в коммерческие конторы. Открытие задержали на полчаса. Публика прохаживалась по фойе и разглядывала фотографии митингов и новых вождей. Наконец, всех пригласили в зал. Зажглись юпитеры. На сцену вышла Виктория Георгиевна Нивецкая и объявила, что будет ведущей «этого замечательного вечера». На ней было длинное темное платье и крупные белые бусы. Появился сам триумфатор – в джинсовой куртке и кроссовках.

Олег повернулся к Ирине и спросил:

– А где Вика?

– Может, еще придет, – равнодушно ответила Ирина.

– Начнет, наверное, со своего «На смерть поэта»? – Олег кивнул в сторону сцены.

– Не злорадствуй. Он, кстати, спрашивал, придешь ли ты.

О Высоцком Артамонов так и не прочитал. Зазвучало нечто иное. В нескольких интерпретациях было произнесено: «Тяжелая расплата – для них, для них...»

Нивецкая объявила, что тоже будет читать, но из опубликованного:

– Сейчас не очень пишется. Наверное, потому что время так динамично и так неистово политизировано. И это – хорошо. И еще хорошо, что столько разных общественных дел. Но все это, конечно, только до поры. Наше главное дело – писать. И мы с ним справимся. Мы еще скажем о своем времени точно, четко, ярко!

Опять читал Артамонов. И не моргнув глазом, заявил:

– Я рад, что доказал себе очень важное. Что способен подняться над реальностью и творить свое искусство.

Предоставили слово приглашенным. На сцену вышел Белкин – поседевший и стареющий, в ярком зеленом пиджаке.

– Жесточайший пресс политической цензуры раздавил всех истинно талантливых, – говорил Белкин. – Настоящая глубокая поэзия оказалась загнанной на кухню, стала уделом немногих. Но как бы ни хотела власть, она не могла вытравить цензорскими чернилами вечно живое слово!

Олег пожал плечами и шепнул Ирине:

– Слушай, но ведь это тот самый Белкин, который: «И партия, старший товарищ, вперед поведет комсомол!».

– Ну и что? – Ирина недовольно посмотрела на него. – Не мешай.

Через боковую дверь в зал вошла Вика, остановилась и стала высматривать свободное место.

– Все-таки пришла! – прошептала Ирина.

– А что такое? – не понял Олег.

– Ты что? Творческий вечер, да еще здесь! Сама Нивецкая ведет. В двух журналах подборки вышли. Понятно? Вот Вика и бесится.

Последним выступал худенький длинноволосый парень лет восемнадцати:

– «Когда под натиском врагов полки России отступали, и черный гнев в ночной покров...»

На первых рядах зашумели. Кто-то свистнул. Пожилая дама тонким голоском выкрикнула:

– Не надо нам тут шовинизма!

Парень запнулся, а Нивецкая быстро сказала в микрофон:

– Можно еще много выступить, но пора чувствовать поэта. А где чувствовать, как не на пиру! Всех просим пройти в соседний зал.

– А почему, собственно, шовинизм? – громко спросил Олег.

– Не заводись, – оборвала его Ирина. – Пошли!

Все поднимались с мест и выходили из зала. В фойе стояла Вика.

– Как ты, подруга? – Ирина тронула ее за плечо. – Даже к телефону не подходишь.

– Весь вечер вчера дома была, – удивилась Вика.

Подошел Артамонов. По-свойски обнял Вику и Ирину за талии, чмокнул обеих в щеки:

– Ну, как, красавицы мои! По-моему, нормально прошло. Что ж, теперь можно коньячку себе позволить. – И посмотрел на Олега.

Со второго этажа по лестнице спускались Вейтер и молодой человек в черной водолазке, угрюмый и неприветливый.

– Виктория Георгиевна! – Вейтер окликнул Нивецкую: – Что у вас сегодня? Вечер поэтов? Отлично! А послезавтра у нас собрание прессы. Очень надеюсь, что вы выступите. Да? Отлично.

Вейтер говорил что-то еще, уже совсем тихо, а молодой человек стоял рядом, недовольным тяжелым взглядом рассматривал публику и теребил ворот водолазки.

В углу зала полная дама громко выговаривала длинноволосому парню, выступавшему последним:

– И в такое переломное время вы зачем-то вытаскиваете из чулана всю эту рухлядь и еще начинаете ею любоваться! Весь этот хлам давно должен быть выброшен. Это отравляло жизнь миллионам людей!

Парень внимательно посмотрел на даму и выкрикнул:

– Да кто вы такая, чтобы меня учить? Откуда вы взялись?

Ирина схватила Олега за локоть и повела в следующий зал. Публика стояла у накрытых столов с поднятыми бокалами. Выступающий говорил о нежных струнах артамоновской поэзии и предложил выпить за дам. Слово тут же взял Белкин. Объявил, что гении нынче вообще-то есть, и многозначительно оглядел присутствующих, будто ждал, что они догадуются, о ком идет речь.

В конце июля Борька взял отпуск на неделю и укатил на рыбалку. Как раз в это время приехал заказчик из Челябинска и заявил, что в их разработку надо срочно вносить измене-

ния. По ходу дела выяснилось, что в документации есть ошибки Борькиной лаборатории. На совещании в министерстве Олег попало за весь институт. Он злился, что его самым наглым образом подставили – и начальство, и Борька. И как раз в это время Веселов рассказал ему, что Ирина собралась увольняться. По-хорошему, надо было бы позвонить ей и расспросить, как да что. Но не захотелось.

Через пару дней Ирина позвонила сама:

– Слушай, у меня к тебе дело есть. Зашел бы поговорить. Я теперь в доме напротив, на новом месте.

– Это как? – не понял Олег.

– В окошко тебя вижу, – развеселилась Ирина. – Сейчас раму открою и рукой помашу. Не, заклеена, зараза. Ну, я – через улицу. Прямо напротив института.

На другой стороне улицы стояла высотка НИИ удобрений. Олег выглянул из окна и увидел возле их подъезда два грузовика.

– А при чем – ты и химия? – спросил он.

– Заходи, узнаешь. Мы с братцем офис сняли. Пять комнат. Пока тут только я и тетка-вахтерша.

– А куда удобрения делись?

– На других этажах. Или – уже в поле. Выписывать тебе пропуск?

На первом этаже прежнего НИИ все было заставлено большими и маленькими коробками. Грузчики в синих спецовках тащили к выходу ободранный шкаф. На полу были уложены перевязанные тесемками толстые папки. Уборщица со шваброй в руках обсуждала с вахтером, мыть или не мыть лестницу.

Олег поднялся в лифте на пятый этаж и оказался в широком коридоре. Перед дверью стоял маленький столик. За ним сидела старушка в очках.

– К Ирине Павловне? – важно спросила она, оторвав глаза от журнала. – Прямо и направо.

Ирина сидела на подоконнике в большой пустой комнате и болтала по телефону. Положила трубку и сказала:

– Вот, сюда перебираюсь. Еще ни столов, ни стульев.

– А что здесь за переполох? – спросил Олег.

– Газеты надо читать, товарищ дорогой! Братец у себя там, в местах бывшего обитания уже три малых предприятия открыл. Теперь вот здесь. Я неделю в исполком ходила, как на работу.

– И что вы будете делать? – поинтересовался Олег. – Шить или пироги печь?

– Вагонами будем разные разности поставлять отсюда – туда. Представляешь, сколько работы! И бухгалтера надо найти, и мебель купить. Еще у братца идея взять в аренду колхоз под Москвой и устроить там что-то вроде имения. Цветы выращивать, колбасный цех открыть. Вот такие перспективы. Хочешь к нам?

– В имение?

– Хоть бы и туда.

– Если только Котовским!

– Тогда лучше объясни, какие мне компьютеры для офиса покупать, и что такое «факс»?

Из коридора донеслись вопли и ругань. В комнату быстро вошел чем-то очень разозленный Сергей Павлович и закричал:

– Надо же, старая карга! Спрашивает: «Кто я такой!» Еще меня расспрашивать будет! Дура! Буду я ей объяснять!

– Это кто? – спросила Ирина.

– Бабка, которую ты у двери посадила! Вот, зараза безмозглая! «Кто я тут такой!»

Братец попыхтел, отер лоб платком и только после этого вроде бы заметил Олега. Наклонил чуть набок голову, ссутулился и протянул руку:

– Вот, начинаем раскручивать новое видение, работать с современными моментами. Ирина считает, что мы должны на вас рассчитывать. Так что включайтесь.

– Я только по научной части, – ответил Олег.

– Разным надо заниматься. – Братец уже не ссутулился, а стоял прямо и поправлял очки – Я об этом определенно всегда заявляю, и в этом отличие моего мнения.

Ирина повела брата показывать другие комнаты, а Олег смотрел в окно на маленький трехэтажный домик их института за бетонным забором. Ирина заглянула в дверь, быстро проговорила:

– Слушай, у нас тут – надолго. Потом договорим. Хорошо?

Борька был в своей лаборатории один. Увидел в дверях Олега и закричал:

– А-а! Ты! Заходи!

Олег уселся на старый ободранный стул и спросил:

– Ну, и чего поймал?

– Это – потом! Сейчас – о нашем деле!

– У тебя тут дышать нечем. – Олег кивнул на окно. – Открой хоть форточку.

– Много свежего воздуха – тоже вредно. – Борьке было не до этого. – Всего надо в меру. Человек должен жить в собственной атмосфере, как всякая планета. Я все обдумал. Правда, ты молодец, что это предложил. Надо жидкость пузырить излучением, а потом измерять. Я проверил в одном ленинградском НИИ. Они что-то подобное пытались сделать для подводной лодки. Но с излучением ничего поделаться не смогли.

– Надо сначала до кипения доводить, – сказал Олег. – Тогда небольшое излучение понадобится.

– Что? – заорал Борька. – Украл! Хи-и! Я это на рыбалке придумал! А ты никому ничего не ляпнул?

– Я сегодня утром об этом подумал.

– А я – позавчерась! Позавчерась! – Борька поднял руку, будто погрозил указательным пальцем.

– Но возни будет много. Излучение должно быть направленным. Почти в одну точку. И в лаборатории надо будет защитное оборудование ставить. А то в кого попадет – кровь запузырится.

– Я об этом не подумал. – От удивления Борька даже выпятил нижнюю губу.

Среди ночи Олег проснулся от сильной капли. Вышел в коридор, включил свет и увидел на полу кухни большую лужу. Этажом выше жили новые соседи. Олег долго звонил в их дверь, но ему никто не открыл. На следующем этаже заспанный толстяк недовольно буркнул, что у него в квартире не течет. Пришлось бежать в ЖЭК и будить дежурную.

Приехала аварийная бригада. Сантехник в спецовке и кепке открыл дверцу за сливным бачком и подставил руку под капли. Понюхал пальцы и задумчиво произнес:

– Н-да, не похоже, вроде бы на канализацию.

– Ну-ка, я! – Второй сантехник тоже подставил руку под капель и, поразмыслив, подтвердил: – Не похоже. Пошли в подвал воду перекрывать.

Утром Олег столкнулся на лестничной клетке с соседкой и стал объяснять, почему нет воды. Женщина охала, то ли по поводу залитой квартиры, то ли из-за того, что воды долго не будет.

По лестнице медленно спускалась важная пожилая дама. Грозно посмотрела на Олега и объявила:

– Это я живу в квартире над вами! И как вы только смеете! Как вы смеете распускать про меня сплетни, что я дома не ночую! Я была дома! Возможно, выходила за газетой. Возможно!

Во дворе у гаражей стоял Пашка и разговаривал с маленькой старушкой.

– Привет! – крикнул Пашка. – Ну, чего? Ездил? – Подразумевалось, ездил ли Олег в этом году на рыбалку.

– Не успел. Может быть позже, в сентябре.

– А я пару раз сгонял, – говорил Пашка. – На Волге был. Однако гаденыша на блесенку зацепил. Килограмма на полтора! А тебе не нужно чего для рыбалки? – Он показал на сгорбленную старушку.

– Вот, продаю. – Она держала в руках кирзовые сапоги и плащ-палатку. – От мужа осталось, а сыну не надо.

– Плащ у тебя, бабка, возьму. – Пашка пощупал материю. – Не должен промокать. И шлем вот этот, танкистский. Хорошая штука для зимней рыбалки. Никакой ветер не продует. – Он нацепил шлем на голову.

Олег ответил, что ему ничего не надо. Старушка расстроено говорила:

– Муж берёт, а сыну не нужно. Он не ездит никуда. И сожительницы у него такие непутевые. И одна, и вторая. Чуть что – в милицию его. И сразу недели на две.

Была суббота. Улицы казались пустыми. Олег доехал на троллейбусе до Белорусского вокзала и пошел по улице Горького вниз, к центру. На площади Маяковского возле памятника стоял раскладной столик, и несколько человек собирали подписи под каким-то открытым письмом. Пригревало солнце. Олег подошел к столику, стал читать разложенные листки, но так и не понял, против кого и чего предлагалось подписаться.

На Пушкинской возле здания редакции собралась толпа с плакатами. К вывешенным на стендах свежим газетам было не протолкнуться. Громко спорили невысокая женщина и средних лет мужчина.

– А зачем нам армия? – почти кричал мужчина. – Зачем столько денег тратить? Ну, кто на нас нападать собирается? Кто?

Чуть дальше в толпе слышался нервный женский голос:

– Никогда они ничего не сделают для народа! Разве они захотят нам зарплаты до европейского уровня довести?

В сквере за памятником Пушкину начался митинг. На ступенях появился человек с мегафоном и объявил:

– Слово предоставляется Председателю комитета гражданских прав Григорию Эдуардовичу Пискунову.

– Господа! – выкрикнул оратор под неутихающие аплодисменты публики. – Нынешний партократический режим продемонстрировал свое полное нежелание выполнять требования народа. Власть не хочет проводить крупномасштабные экономические реформы, способные поднять уровень жизни населения. Сейчас только демократически мыслящие деятели способны решить эти задачи!

Следующей выступала полная дама в очках.

– Главное – это нейтрализовать врагов демократии! – кричала дама. – Все эти партийные боссы только и видят... – Дама потрясла в воздухе кулаком, но забыла уточнить, что именно боссы видели.

В середине августа институт опустел. Даже буфет закрыли и из всей охраны оставили только одного вахтера на проходной.

Ворота во дворе противно заскрипели. Олег приподнялся в кресле, увидел, как на улицу выезжает машина директора и подумал: «Вот и шеф на дачу смотался».

Позвонила Ирина:

– Слушай, я ничего не понимаю. Что это за заявления? И куда Горбачев подевался?

– Как куда подевался? – не понял Олег.

– Ты радио слушаешь? Включай. Я тебе потом перезвоню.

Диктор ровным и бодрым голосом дочитал одно обращение и принял за другое.

Раздался телефонный звонок. Ирина спросила:

– Ну и чего?

– Насколько я понимаю, это – переворот, – ответил Олег.

– А чего делать?

– Понятия не имею.

– А у нас говорят: может хоть порядка больше будет.

– Хрен его знает! – чистосердечно признался Олег.

– А знаешь, что войска в Москву входят? – спросила Ирина.

– Это брехня, наверное.

– Ну, да! Танки! И что сейчас делать? В банк бежать?

В комнату вошел Борька:

– Слышал? Да? А шефа на совещание вызвали.

– Я думал, что он на дачу удрал, – ответил Олег.

– Все так думали! Я уж обрадовался и портфель стал собирать. Вот тебе, бабушка, и

Юрьев день!

Пошли в приемную шефа. Секретарша смотрела телевизор. По одной программе зачитывали обращение, по другой показывали балет.

– А говорят, что в Москву войска входят, – сказал Олег.

– В «Новостях» показывали, – ответила секретарша. – На центральных улицах уже стоят.

В дверь заглянул Веселов.

– Светоч демократии! – обратился к нему Борька. – Что такое на белом свете делается!

– А, разберутся, – отмахнулся Веселов и ушел.

Борька перещелкал пультом разные каналы:

– И кто его знает, к чему все это? И как закончится?

В комнате Олега они заварили чай и включили радио. Никаких новых сообщений не было.

– В субботу по городу прогулялся, – рассказал Олег. – Все-таки наша публика немного не в себе.

– А танки в городе? – спросил Борька.

– Тоже бред какой-то...

Олег позвонил Ирине, спросил, есть ли новости.

– Никто ничего толком не знает и понять не может, – раздраженно говорила она. – И брательник мой как сквозь землю провалился. Нигде его нет!

– Уже в партизанах! – предположил Олег.

– Я боюсь, что по другому адресу. А у меня товар на таможне. Все, пока!

Допили чай с пряниками. Послушали по радио очередные «Последние известия».

– Надо выяснить, что обо всем этом думает народ. – Борька стал набирать номер: – Алло! Это что такое? Это – торговая точка? Очень приятно. И как вы там поживаете? Нет ли у вас в продаже шашек? Нет, ни шишек. Слышали: «Шашки наголо!» Вот такие нам и нужны. Жаль, что нет. Хи-и! А события обсуждаете, поди? И какие мысли у коллектива? – Борька продолжал разговор и передавал его Олегу: – Что? Половина коллектива празднует победу над бардаком? А вторая? Скорбит и рвется защищать демократические начала в жизни общества? Нет, не рвется? А что тогда? А, ведет словесные брани и чаи гоняет с печеньем. С

удвоенным аппетитом. А кто рвется грудью защищать? Евдокия Ефремовна! Вот, здорово! Уже отказывается? Как же так! Говорит, что в подвале отсидится? Да? Зря размечталась! Не отсидится? Что? В люк не пройдет? Хи-и!

Борька положил трубку и сказал:

– Во, как у них здорово в овощном магазине! Говорят: если что, в подвал заберутся.

Во второй половине дня Олег сбежал с работы и поехал в центр города. На Садовом кольце недалеко от Октябрьской площади троллейбус обогнал военную колонну: четыре танка медленно двигались за милицейской машиной с мигалкой. У пресс-центра МИДа стояли танки и бронетранспортер. На броне сидели солдаты. Вокруг толпился народ. Кто-то фотографировал.

Олег вышел из троллейбуса на площади Восстания. В переулке у здания Комитета по радиовещанию тоже стояли танки. Мальчишка-танкист разговаривал с пожилой женщиной:

– Сами ничего не знаем! По тревоге подняли, когда ремонтом занимались – и сюда. Даже переодеться не успели.

На мальчишке был грязный, замасленный комбинезон и старая пилотка без звездочки. На плече висел автомат.

Подошел седой мужчина. Сразу закричал:

– В кого стрелять приехали? Стрелять-то в кого? В нас?

Мальчишка пожал плечами и отвернулся.

– Чего вы к нему привязались! – громко сказал Олег. – Прислали его, он и стоит. И стрелять ни в кого не думал. Вы сейчас пойдете домой обедать и дальше возмущаться, а ему тут стоять.

Олег вернулся на Садовое кольцо, перешел на другую сторону и свернул в переулок. У здания Верховного Совета стояли несколько бронетранспортеров. Вокруг толпились люди. Разговаривали с солдатами и норовили залезть и посидеть на броне. Ближе к стадиону «Красная Пресня» собрались две-три группки и бурно обсуждали события. Женщина расклеивала листовки на столбах.

На следующий день было все то же. По всем телеканалам зачитывали официальные сообщения, крутили старое кино и концерты классической музыки. Не происходило ничего.

С утра Олегу не работалось. Каждый час волей-неволей включал радио и выслушивал старые сообщения. Пришел Веселов, равнодушно сказал:

– Мне двоюродный брат из Риги звонил. У них там праздник. Все друг друга поздравляют.

После обеда на работе появился Борька. Посмотрел на Олега взглядом старого заговорщика и тихо сообщил:

– Все у Верховного Совета собираются. И депутаты там, и Ельцин у них спрятался. Ночью будет штурм. Представляешь, что может случиться? Пойдешь туда?

– Не знаю, – ответил Олег. – Не нравится мне все это.

– А штурм нравится?

Включили радио. В «Новостях» объявили о введении в Москве комендантского часа.

– Слышал? Что я говорил! – Борька прошелся по комнате.

– Н-да, устроили игру для всего города, – ответил Олег. – Теперь вся Москва спать не будет.

Утром передали, что в городе произошли столкновения и есть жертвы. Олег позвонил Борьке. Трубку никто не взял.

Транспорт ходил, как обычно. Олег доехал до метро «Краснопресненская» и пошел мимо стадиона к Верховному Совету.

Начался сильный дождь. Народу на улице было немного. У Горбатого моста лежала груда из мусорных баков, железных бочек и досок. Из нее торчали новенькие, с синими пят-

нами, арматурные прутья. Баррикада не баррикада – так заграждение. Столбы были расклеены отпечатанными на машинке, размокшими листовками, – вроде бы какой-то военный чин отказался перебрасывать свою часть в Москву, а начальство милицейской школы заявило о поддержке Верховного Совета. Во всех листовках говорилось о чем-то неопределенном.

Со стороны Калининского проспекта стояли внушительные баррикады. Людей возле них не было. От дождя все прятались у стены здания.

Олег пошел вверх по Калининскому. У парапета туннеля над Садовым кольцом собралась небольшая толпа. Транспорт по Садовому не шел. У выезда из туннеля стоял брошенный бронетранспортер с открытыми люками. В метрах в пятидесяти от него поперек улицы раскорячился измятый троллейбус. Между ними на асфальте багровело пятно. Возле него лежал букетик алых цветов. В толпе кто-то говорил:

– Вот идиоты! Ехали к Верховному Совету, а заехали в туннель. Стоило им повернуть, там бы и оказались.

– Может, они туда и не ехали.

– Ну, да! Кого ж они тогда штурмовать собрались? Верховный Совет!

– Откуда вы взяли, что собирались?

Олег стоял у парапета, смотрел вниз и не мог понять, как у выезда из туннеля могли оказаться люди, и почему сильно помят троллейбус.

На работе все было по-прежнему, – никого в коридорах и запертые комнаты. Оконное стекло затуманилось от дождя. Во дворе посреди луж стояла директорская машина.

Борька дремал в кресле. Открыл глаза и вскрикнул:

– А! Манкировал борьбу на баррикадах! Слабо противостоят сатрапам!

– Слышал, сегодня люди погибли. – Олег сел на стул.

– Я видел. При мне было. – Борька потер рукой лицо. Открыл крышку электрического чайника, заглянул внутрь и сунул вилку в розетку. Стал доставать из шкафа чашки и повторил: – Был, видел. Н-да...

– Много народу погибло? – спросил Олег.

– Ехали по Садовому бэтээры, а им выезд из туннеля троллейбусом перегородили. И стрелять начали. А в темноте кто-то под колеса попал.

– Кто стрелять стал? – не понял Олег.

– Не знаю. Из толпы. – Борька помолчал. – Вот ты бы стрелял по солдатушкам? То-то и оно, братец!

Ближе к вечеру по радио передали, что из Москвы выводятся войска, а с Горбачевым кто-то разговаривал по телефону, и за ним в Форос поехала делегация Верховного Совета.

Дома Олег смотрел в теленовостях, как Горбачев в свитере и с внучкой на руках спускается по трапу самолета. Потом показали митинг на площади у Верховного Совета. На экране мелькнула физиономия Пискунова и полной дамы в очках. Телекамера остановилась на человеке в плащ-палатке и танкистском шлеме. Человек стянул с головы шлем и поднял руку. Олег узнал Пашку. Диктор торжественно произнес:

– Мужественный молодой офицер, один из тех, кто не пожелал выполнять преступные приказы и привел свою воинскую часть на защиту Верховного Совета, на защиту законности.

С утра все собрались в курилке.

– Какая победа! – восхищалась Галина Васильевна, появившаяся на работе после отпуска. – В первый раз народ сам выбрал себе власть и не ошибся. Таких людей в Верховный Совет выбрали, что они в трудную минуту не растерялись.

– Я понимаю, что переворот, – говорил Борька. – Ну, начался! А с чего вдруг закончился? Почему все разбежались?

– Что вы говорите такое! – изумилась Галина Васильевна. – Что бы они сделали с такой силой!

Олег хотел отмолчаться, но все же сказал:

– По-моему, все просто объясняется. – Взрослые мужики, жизнь прожили, и что к чему знают. Хотели сделать, как считали нужным. А тут мальчишки набежали Верховный Совет защищать. И что их убивать за это? Свои же, олухи. Вот, те, кто все затеял, и плюнули на это дело.

– Ну, что вы! Как же так! – не поверила Галина Васильевна. – Такое народное движение! Я сама не ходила. Но Борис, какой молодец! Он-то был! Нашел в себе мужество!

– Н-да, побывал, – отозвался Борька. – Понесло меня туда. А вот он не поперся. – И кивнул на Олега.

– А ты тоже... Ходил там, ходил, и ни кем не покомандовал. А то сейчас интервью бы направо-налево раздавал.

– Если я чем-нибудь возьмусь командовать – только броненосцем. Желательно – восстановившим.

По площади вокруг клумбы двигался обычный транспортный поток, а на тротуаре у «Детского мира» стояли люди и смотрели на высокую тумбу, оставшуюся от памятника Дзержинскому. Сутулый парень громко рассказывал:

– Подогнали ночью кран и свалили. А тумба, оказывается, даже к фундаменту не прикреплена.

– Куда памятник увезли? – спросили из толпы.

– Не знаю, – ответил парень. – Тут ночью машина скорой помощи стояла. Я им сказал, что памятник красивый был. Они на меня орать начали.

Перед зданием КГБ ходил полный мужчина со значком депутата Верховного Совета и говорил всем, кто хотел остановиться и поглазеть на здание:

– Не надо тут стоять! Всех просили тут не собираться! Лично Борис Николаевич просил.

– А ему какое дело, где я стою, – недовольно пробурчал старик в соломенной шляпе.

У здания ЦК валялись листовки. В одной из дверей были выбиты стекла, а по вывеске прошла длинная трещина.

Возле стены Китай-города у памятника Свердлову собралось человек пятьдесят. Кричали, что памятник надо свалить. У кого-то в руках оказалась белая бельевая веревка. Ловкий лохматый малый забрался на пьедестал, обвязал скульптуру человека в тужурке за шею. За конец веревки схватились человек десять. Дернули раз-другой и сообразили, что свержение идола может быть лишь чисто символическим.

– Для Дзержинского – кран подгоняли, а этого – оставили, – закричали из толпы.

Со стороны гостиницы «Москва» появилась шумная толпа. Впереди шел военный с погонами майора. Несколько человек из прибывшей толпы тоже попытались тянуть веревку, а их предводитель стал зачитывать требование об освобождении кого-то из милиции. Рядом с ним, нахлобучив на голову танкистский шлем, стоял Пашка.

В институтском буфете, первый день открывшемся после отпусков, кормили жареной навагой и рисом. За столиком у окна обедали Борька и Веселов. Олег подсел к ним и спросил:

– Слышали про шефа?

Они кивнули и промолчали. Прошел слух, что директор подписал в министерстве письмо о поддержке ГКЧП, и теперь его снимут.

– Варяга, наверное, пришлют. – Веселов допивал чай из граненого стакана. – Кто-нибудь из министерских устроится захочет.

– Сейчас передавали, что Горбачев заявил о выходе из партии и роспуске ЦК, – сказал Олег.

– А чего ему еще делать остается? – Веселова это известие оставило равнодушным.

– Надо же! Продал он *ваших* и сбежал, – хихикнул Борька и посмотрел на Веселова.

– Я-то тут причем? – удивился Веселов.

– А кто в партию просился? – Борьке эта тема явно нравилась.

– И ты хотел! – ответил Веселов.

– Вот уж нет. Куда не хотел, туда не хотел. Мы вон даже, – Борька кивнул на Олега, – несколько раз на какие-то диссидентские сборища ходили.

– Теперь будете в мемуарах писать о борьбе с режимом. – Веселов поставил на стол пустой стакан.

– Это мы с дуру на такие сборища поперлись, – ответил Борька. – Да-а, чего-то тянет меня в связи с последними событиями на самокритику. Как говаривали у нас в Первой конной: «Иногда не всегда получается».

Троллейбус мягко качнулся, перевалил через трамвайные рельсы и покатил, звеня на ходу, вдоль черной, узорчатой ограды сквера. Олег будто по привычке посмотрел на дома на другой стороне улицы. Та девчонка жила в каком-то из них.

Жалел, что выбросил ее письмо и, успокаивая себя, подумал, что это ничего не изменило бы. Не звонить же спустя столько времени. Или вышла замуж, или переехала. И о ней только известно, что номер квартиры – восемнадцать.

Троллейбус подкатил к остановке. Олег стал пробираться к выходу. Было тесно. Заворчали недовольные. Двери успели захлопнуться. Троллейбус тронулся и через несколько метров встал на светофоре. На следующей остановке Олег вышел и зашагал обратно к метро.

В небольшом, вытянутом дворе стояли два дома. Можно было запомнить номера и позвонить в справочную. Но это казалось слишком долгим. Ждать было некогда.

По тротуару прогуливалась полная пожилая женщина.

– Не знаете, Аня в восемнадцатой квартире живет? – спросил Олег.

– Что? Гм... – женщина посмотрела недовольно. – Там – Наумовы! – Она произнесла это таким тоном, будто не знает, кто живет в этой квартире, было глупо.

Олег повернулся, чтобы уйти. Женщина сказала ему вслед:

– Аня в двадцать восьмой живет. Третий подъезд. А что надо?

Он поднимался на четвертый этаж и думал: «Ну, тетка! Прислала сюда! Не нужно было идти. А, ладно, скажу, что ищу кого-то». – И он нажал кнопку звонка. Никто не отозвался. Олег повернулся к лестнице, чтобы уйти.

Зазвенела цепочка. Дверь открылась. Олег увидел Аню. Она вытирала руки маленьким белым полотенцем и говорила:

– Да? Вот так? Я не догадалась, что это ты, когда выглянула и посмотрела...

– А... – Он чуть было не спросил: «А здесь живет...»

– Я картошку чищу. Пришла, в холодильник посмотрела... Надо было что-нибудь купить.

«А для кого – картошку?», – подумал он.

– Ты здесь просто случайно? – спросила она. – Или картошку будешь?

– Я прямо с работы, – ответил он.

На вешалке висел белый плащ. На полу валялись туфли и тапочки. Коридор вел в маленькую кухню с белым шкафчиком и столом у окна. На холодильнике стояла ваза с алыми флоксами.

Аня вошла за ним, несколькими секундами позже. Ему показалось, что в прихожей она посмотрелась в зеркало.

– Я изменилась?

– Пополнела немного...

– Ну, это как-то даже... Сказать такое!

– Это я да... Из другой оперы. Я шел сюда и не думал, что тебя найду.

Она чистила картошку, стоя у раковины, вполоборота к нему, а он сидел на табурете и смотрел то на нее, то в окно – на угол дома напротив, на площадь с памятником, круглую крышу станции метро и заполненную машинами улицу.

– Пишешь песенки? – спросил он.

– Совсем редко. – Она смахнула со лба прядь волос и посмотрела на него. Лицо покраснелось, а глаза были чуть уставшими.

– Времени на стихи не стало?

– Просто что-то произошло. Люди плохо стали песни слушать. Я ведь два года по распределению в Тульской области в училище работала. Маленький такой поселок у станции. Одно время мы с ребятами часто концерты устраивали, а потом люди перестали ходить.

– А кто-нибудь из новых бардов появился?

– Появляются. Но мне никто не нравится. А ты чем занимаешься?

– В НИИ.

– И диссертацию пишешь?

– Давно написал.

– Я и не думала, что ты такой важный.

– Что ж я, впечатление легковесного человека произвожу?

– В общем-то – да! – ответила она, помолчав.

– Вот-те на! А я-то надеялся, что у вас на хорошем счету.

– В общем-то – да! – Она включила воду и стала промывать картошку. – Но что-то насторожило.

– Что именно!

– Я тогда не знала, что ты диссертацию пишешь.

В дверь позвонили. Аня смутилась. Быстро пошла открывать. Из прихожей доносились голоса.

– Заходите! – говорила Аня. – А у меня гость.

Олег вышел в коридор. В тесной прихожей стояли высокий лысеющий мужчина с бородкой, красивая черноволосая женщина и щекастый мальчик лет двенадцати.

– Вот, мой гость! – Аня оглянулась и посмотрела на него.

Олег представился. Мужчина протянул ему руку и улыбнулся, а женщина посмотрела пристально, будто усмехаясь.

– Это мой папа – Николай Петрович. И его супруга Елена Викторовна. А вот – мой братик!

– Только не родной, а сводный, – буркнул мальчишка.

– Но ведь брат! – назидательно сказал Николай Петрович.

– Много о вас слышали! Самого лестного и хорошего! – Елена Викторовна обращалась к Олегу: – Очень приятно, что можем, наконец, познакомиться.

– И мне очень приятно! – ответил он.

– Ой, не...! Я вам ничего о нем не могла рассказывать! – обиженно говорила Аня. – Зачем же...

– Ну, что вы, Анечка! – оборвала ее Елена Викторовна. – Молодые люди должны знать, что о них помнят. Им это нравится.

– А обо мне? – спросил мальчик.

– И о тебе! Но не сейчас, а позже, – ответила Елена Викторовна. – Мы в «Башмачок» приехали и решили зайти просто так, без звонка.

- Мы пойдем за ботинками? – спросил мальчик, посмотрев на мать.
- Подожди, потом. – Она поправила ему воротничок куртки.

Прошли в комнату, обставленную старой мебелью: комод с зеркальцем и маленькими ящиками, и большой шкаф с резной дверцей, столик для цветов на высокой ножке. А в больших и маленьких рамках на стенах – фотографии, рисунки готических соборов, китайская графика и северные пейзажи.

Мальчишка посмотрелся в зеркало комода, показал себе язык и повернулся к матери:

- Ух, какое здесь все! Ничего интересного! Одна музейщина! Да?
- Помолчи! – Мать дернула его за рукав.

– Сейчас картошка закипит, если кто хочет, – предложила Аня. – И чай будем пить. Олег, помоги мне стол на середину поставить.

Аня доставала чашки из серванта, а женщина стояла рядом, рассматривала посуду и говорила:

– Как мне вот это блюдо подошло бы. Прямо под цвет моему синему сервизу. Давай поменяемся на мое белое блюдо?

- Это – бабушкино, – ответила Аня.
- Мое тоже старинное.
- Наше лучше, чем ее, – заявил мальчишка.

Олег сказал, что ему пора уходить. Аня помолчала, а женщина усмехнулась и посмотрела на нее:

- Что же вы так быстро! Мы ведь ненадолго. Чуть посидим и уйдем.
- Далеко живете, наверное? – спросил Анин отец.
- Почти рядом. На Стрельбищенском.
- А, соседи!
- Это там, у кладбища, – заметила дама.

Аня подошла к комоду и что-то быстро написала на листочке бумаги. Открыла Олегу дверь, вышла за ним на лестничную клетку и передала свернутый листок:

- Это тебе! Ты позвонишь? Да?

Он не ответил, только прикрыл на миг глаза в знак согласия. За дверью мальчишка закричал:

- Робкие какие женихи!

На улице было темно и ветрено. Пахло пылью. По мостовой несло листву. Домой идти не хотелось. Олег свернул в сквер и зашагал к Шмитовскому проезду. За зданием исполкома свернул в переулок и по узкому разбитому тротуару добрался до Звенигородского шоссе. За черным забором в сплошной темени шумели на ветру деревья Ваганьковского кладбища. Звенел трамвай на повороте. Начинал накрапывать дождь. Вдруг полило как из ведра, так, что ветер оказался будто прибитым к земле и засуетился у самых ног.

Из дома Олег позвонил Ане. Услышал ее голос и сказал:

- Алло! Решил проверить связь. Вы там одна или с гостями?
- Все ушли.
- Ты на меня не обиделась, что я смотался?
- Наоборот, спасибо тебе.
- За что? – спросил он.
- За деликатность.
- Ну, это – пожалуйста. Этого у нас сколько угодно. Но только не бросайте меня одного.
- Это не от нас зависит. Это время покажет.

Ирина заглянула в комнату и заулыбалась:

- Привет! Как хорошо, что вы тут оба! Я пришла вас проведать.

Борька раскинул руки и закричал:

– Ой, красавица наша! Совсем нас забыла!

Ирина была в длинной, с отливом, норковой шубе. Запахнула ее, села на стул, предвзрительно оглядев сидение:

– Я у себя в офисе такой ремонт провернула! Столько денег ухлопала, но почти все, что хотела, сделала. Только с ковровином меня, кажется, надули. А у вас тут чего?

– Как пчелки работаем! – закричал Борька. – Установку новую готовим. Ах, что за шуба! Тепло, поди в ней. – На улице было на нуле.

– Она у меня – новая. А вы лучше бы ремонт сделали. – Ирина посмотрела на стены. – У вас в здании кругом такая зашарпанность, что заходить в хорошей одежде даже как-то неудобно.

– В такой-то шубе – и к пролетариям умственного труда! – Борька покачал головой.

– Конечно, неудобно, – повторила Ирина. – Сразу начинают на тебя странно поглядывать.

– А ты как увидишь кого в спецовке, – говорил Олег, – сразу руку вверх вот эдак поднимай: «Рот фронт!». Чтобы своих знали.

Борька захихикал, а Ирина посмотрела на них и сказала:

– Вы тут сидите и развлекаетесь за государственный счет. Вам бы покрутиться часиков пятнадцать в день. Да среди всякого жулья, которое только и норовит надуть. Поесть нормально – и то некогда. Хоть завела себе домохозяйку. В квартире убирается и ужин нам с маман готовит.

– А не боишься? – спросил Олег.

– Чего?

– Мало ли как... В ходе классовой борьбы...

– Знаешь, не надо мне тут... – прервала его Ирина.

– Но работа тебе на пользу пошла, – серьезным тоном заявил Борька. – Выглядишь, ну просто обворожительно! Обволакивающе как-то. И ничуть не амбициозно. Даже в шубе – вполне демократично.

– А что это у вас теперь справа от ворот? – спросила Ирина. – Сделали дырку в заборе и киоск открыли?

– Это вот я! – оживился Борька. – Моя творческая идея, поддержанная начальством. Но покамест бизнес не заладился. И теперь я вам точно могу сказать, в чем главная угроза капитализму! В прожорливости пролетариата! Кого ни возьми на работу, сжирают шоколадных конфет по полкило в день. Как в них только влезает! Они кого угодно на этих конфетах разорят.

– Послезавтра у меня в офисе – презентация. – Ирина объявила об этом с важным видом. – Приходите оба. Посмотрите, что за народ теперь вокруг. Жульены я в ресторане заказала. С вами хоть похихикать можно будет. Хотя вы и гадости любите говорить. – И обратилась к Олегу: – Переведи мне здесь с английского про поставки. Я никак не разберу.

– В холле бывшего НИИ удобрений Олега и Борьку остановила любезная дама и спросила, куда они направляются. Проверила по списку и проводила до начала коридора. Возле белой двери висела табличка «Зал приемов», а рядом – выцветший, незакрашенный прямоугольник. Скорее всего, раньше там было написано «Столовая». За дверью была большая комната с зеркалами и гардеробом. У вешалок красовался здоровенный мужик в фуражке с кокардой. Борька передал ему свою куртку и спросил:

– Мил человек! А что за кокарда такая? Из какой армии?

– Хрен ее знает, – признался мужик. – А фуражка мне впору.

Ирина стояла у входа в зал. На ней было черное платье с бахромой ниже колен. В руке она держала маленькую лакированную сумочку.

– Здравствуйте, господа! – важно сказала она.

– Рады приветствовать! – также важно ответил Борька. – Разрешите представиться. Представители научно-исследовательских кругов на вашем балу: статс-сотрудник Мешков и господин Залесов.

Ирина успела шепнуть Олегу:

– Присмотри, пожалуйста, за другом, чтобы не напился.

Столы были накрыты в правой части зала и отгорожены ширмами. В левой части толпились гости. Артамонов что-то рассказывал двум молодым женщинам. Олег не сразу его узнал, – поэт был одет в строгий темный костюм и коротко пострижен.

– У вас тут и творческая элита. – Олег обернулся к Ирине.

– Он у меня помещение на складе арендует, – шепнула она. – Сейчас швейные машины завозит. Собирается что-то шить. Оказывается, все свои джинсовки он сам себе шил.

– Талант! – Олег чуть приподнял брови.

– Еще бы!

– А стихи?

– Там и стихи будет писать. На складе... Только бы деньги за аренду платил. Это меня больше всего волнует.

Стали прибывать важные люди. Здоровались с хозяйкой, внимательно разглядывали присутствующих и выбирали себе собеседников по представлениям о собственной значимости.

Появился Сергей Павлович. Расцеловался с сестрой, подошел к Олегу и спросил:

– Как поживаете? Приватизируетесь или до вашего ведомства это еще не дошло? Тут дело такое! Надо быть начеку! Вовремя успеть. – Увидел кого-то из знакомых и ушел.

Борька спросил:

– Это кто такой?

– Не видишь, что ли... – недовольно ответил Олег. – По образованию – идеолог; по убеждениям – служащий.

– Далеко пойдет, – отозвался Борька и узнал кого-то среди проходящих мимо: – Во! Из нашего министерства! Сан Саныч! Привет тебе, привет!

Подошла Ирина, серьезная и покрасневшая:

– Вроде бы все собрались. Главное, что клиенты в сборе. Знаешь, в старом анекдоте: если в контору забрался воры, пусть что угодно выносят, но только, чтобы список клиентов оставили... Из министерства тоже много народу. Братец туда переходит.

– А депутатство? – удивился Олег.

– Не до того! Сейчас такая дележка начинается. Надо быть поближе к этому самому. А то можно без всего остаться.

Вернулся Борька и громко объявил:

– Сан Саныч здесь! Отличный мужик! Мы с ним раз пять в командировки ездили. Втолковать ему чего-нибудь, правда, нелегко. Ему что игнорирование, что интегрирование, – все едино.

Началось основное действие. Ирина, осторожно вышагивая на высоких каблуках, поднялась на сценку в углу зала, натянуто-радушно заулыбалась и заговорила о том, что, наконец-то, удалось собрать вместе друзей, коллег, уважаемых партнеров, и что теперь все знают, где офис их фирмы.

Выступили Сергей Павлович и невысокий кругленький человек, отрекомендовавшийся деловым партнером. Сергей Павлович энергично заявил:

– Хочу выразить всем присутствующим большое человеческое и вместе с тем депутатское спасибо! – И дальше, видимо по привычке, о том, как много сделано и предстоит сделать.

Кругленький человек сказал, что хочет «высказаться в порядке соображений» и долго рассуждал о трудностях ремонта в холодном климате.

Борька наклонился к Олегу и зашептал:

– Это – бывший здешний хозяйственник. Брался проповедовать пьяному дворнику трезвый образ жизни.

Бывший хозяйственник вдруг заявил:

– Как сказал недавно наш президент... – и стал зачитывать длинную цитату.

– Вот, люди! – изумился Борька. – Надо же! Даже из этого, из нынешнего цитаты выщипывают.

– Вообще-то, – отозвался Олег, – президент без царя в голове, конечно, не особо смотрится.

– Тебе бы только критику навести, – буркнул Борька.

Официанты начали убирать ширмы, и присутствующим открылась вторая половина зала. Борька подтолкнул Олега и шепнул:

– В таких делах главное – не теряться. За мной!

Их соседями оказались два средних лет мужчины в темных костюмах, но без галстуков. Борька услужливо налил им коньяку расспросил, кто они такие и даже попытался найти общего знакомого, но запомнил его фамилию.

Ирина поговорила с Артамоновым и подошла к ним. Откуда ни возьмись, появился Михаил Борисович Вейтер и спросил:

– Ирочка, а вы говорили, что будут люди с вашей прежней работы.

Она немного растерялась, помедлила, будто соображая, слышал ли кто-нибудь их разговор, и нехотя ответила:

– Вот, собственно. – И показала на Олега.

– А! – удивился Вейтер. – Я думал, что это ваш сотрудник. – И обратился к Олегу: – Вот моя визитка. Я консультирую комиссию по приватизации. Мы разрабатываем проекты нормативных документов. – Высмотрел на столе подходящий бутербродик и налил в бокал белого вина. – Процессы сейчас очень быстро развиваются. Времени на адаптацию мало. Частный интерес очень мощно заработает. Ведь либеральные принципы универсальны. Они расставят все на свои места достаточно скоро. Рост потребления элиты – это важный пример для остальных.

– А вдруг социалисты правы окажутся, – влез в разговор Борька.

– Это в чем? – развеселился Вейтер.

– В том, что демократия – это форма найма парламентариев крупным капиталом.

– При чем тут найм? – удивился Вейтер. – При чем тут это? Собственники – сами по себе; парламентарии – сами по себе. Дикость какая-то представлять, что одни других нанимают. Это, молодой человек, вы сильно путаете реальные вещи.

– А поконкретнее можно сформулировать, что мы путаем? – спросил Борька, нежно улыбаясь после четырех рюмок коньяка.

– Да как же! Либерализм, демократия – это этика и свобода каждого, кто хочет реализовывать свои устремления. – Вейтер всем видом показал, что продолжать разговор ему неинтересно и окликнул кого-то у соседнего столика.

Ирина тоже ушла. Борька подлил себе коньяку:

– Началось с колбасизации экономики, а закончиться может фиг знает чем.

На другой стороне широкого стола весело проводила время компания из трех человек. Один из приятелей говорил другому:

– Яков! Всегда будь таким, какой ты есть! А можешь быть лучше – будь!

Откуда-то сбоку донесся громкий бас:

– Не, ребята, в ближайшие годы золотого сечения не предвидится!

Олег подумал, что пора уходить; тем более что Борька налил себе еще одну рюмку.

В фойе Ирина провожала гостей и обещала, что на днях обязательно к ним заедет. Сергей Павлович стоял у стойки вахтера и раздраженно разговаривал по телефону:

– Как это?! Как кобель сбежал? Да ты что! – И пояснил Ирине: – На даче пес решетку сломал. – И опять в телефонную трубку: – А вы чего там все смотрели?! Прогрыз даже? И куда? К соседской суке? И еще забор разворотил! Вот, зараза! А сука большая или маленькая?

Борька оглянулся и шепнул Олегу:

– А это для кого значение имеет? Я что-то не врубился... А в целом компания здесь подобралась интересная и поучительная. Как говорилось у нас в красном эскадроне: «Позор пессимизму мрачных!» Хи-и!

Олег позвонил Ане в воскресенье утром и предложил:

– Пойдем куда-нибудь. В кино или кафе. Хочешь?

– Ко мне сегодня приехать должны, – сказала она. – Картошку привезут. Девочки посылают, а наш бывший ученик привезет. Не знаю, сможет ли он целый мешок до квартиры донести.

– Если двоек ему не ставила, донесет.

В Анином дворе Олег опять столкнулся с недовольной женщиной и поздоровался. Она посмотрела на него подозрительно и что-то шепнула подруге, с которой прогуливалась.

Аня открыла дверь, и Олег сразу спросил:

– Привезли? Нет еще? А картошка какая? Что за сорт? В коровняк сажали-то, али как?

– Все расскажут, когда привезут.

Олег прошел в комнату. Окно было приоткрыто. Ветер трепал занавеску. Она стелилась по журнальному столику, задевала высокую вазу.

– Садись. – Аня показала на кресло у журнального столика.

– А ты?

Она отодвинула стул из-под накрытого скатертью стола и села:

– Ну и как дела?

– Так удачно на этой неделе получилось, что расчеты пошли. Сам рот разинул от удивления. В общем, оказался в лидерах.

– А я опять думала: как-то стремительно ты возник. Не было, не было – и вдруг!

– Это плохо или хорошо?

– В том-то и дело, что я не знаю. – Она отвернулась к окну.

– Это я тебе не могу объяснить – чем не угодил.

– Не в тебе, конечно, дело, – тихо говорила она. – Просто я тебя другим представляла. Или нафантазировала.

– Ты хочешь сказать, что в людях не разбираешься, и поэтому обо мне ничего путного подумать не можешь.

– Почему не разбираюсь? – удивилась она.

– Потому что считаешь меня темной личностью.

– Если бы так было, я бы тебя в гости не пригласила. Но ты красуешься, если ловишь меня на словах.

Раздался звонок в дверь. На пороге стоял здоровенный детина. Перед ним на полу лежали два почти полных мешка.

– Анна Николаевна! – выкрикнул детина. – Здрасьте! Во! Доставил! Еле вас нашел! – И вытер нос рукой.

– Здравствуй, Толя! Проходи! – строго сказала Аня. – Картошку, пожалуйста, вот сюда, в угол. А теперь руки мыть и обедать.

– Не, я уж поеду. – Толя отрицательно покачал головой.

– Поешь и поедешь.

Она кормила ученика куриной лапшой. Олег сидел за столом за компанию и пил чай.

– Вы, если чего, всегда знайте, что уж картошки-то мы вам привезем, – говорил Толя. – Время какое-то стремное настало. Всё впопыхах. То одно, то другое.

– А у тебя как дела? – спросила его Аня.

– Были тут всякие неприятные вещи, да вроде бы пронесло. Ведь, по правде сказать, я в школе книжек не читал. А тут – во! Каких две толстенных прочел! На две недели хватило. Одна – про морские сражения; другая – про Африку.

– Я всегда вам говорила, что читать интересно. – Аня стояла у окна, сложив руки на груди.

– Еще бы! – Толя доедал лапшу. – А так просто сидеть – через два дня тошно стало.

– Где сидеть? – не поняла Аня.

– Да ехали мы с Димкой на его машине возле рынка. Идут какие-то двое. Не наши! Не понравилось им, что мы близко ехали. И бац! Ногой по крылу. Ну, мы вылезли и поговорили. Потом оказалось, что они в больницу попали. А вечером нас наряд забрал. Вот я книжки и читал.

– А дальше как? – спросил Олег.

– Покамест мы там, это, с Димкой книжки читали, те двое в больнице лекарства сперли и вдарились в бега. Их потом по всему району ловили. Они, до того, как к нам задраться, телушку в совхозе стащили.

Толя прощался долго. Стоял в дверях, пригнув голову и повторял:

– Я вам, Анна Николавна, своей картохи привезу. Чего мне! Я тут раз в месяц бываю. С предприятия сюда часто машины гоняют.

Аня мыла посуду и говорила:

– Помню, придешь в школу, у крыльца все заплевать успели, а в коридорах даже девочки жутко ругаются. Я думала, буду им стихи на уроках читать, и они другими станут.

– Может быть и стали, – сказал Олег. – Почему бы и нет.

– Не знаю.

Вечер был ветреным и сырым. В конце аллеи фонари светили из белесой жижи тумана. Таял недавно выпавший снег, сходил с дорожек и с еще зеленых газонов сквера.

– Я здесь с бабушкой всегда гуляла, – говорила Аня. – Когда маленькой была – по полдня. С одной стороны до другой. Вот оттуда, от Пресненского вала всегда несся какой-то гул. Будто там что-то рушилось. А в той стороне, – она показала в сторону Звенигородского шоссе, – только звон трамваев. И как будто – с той стороны все плохо, а с этой – хорошо. И я всегда гадала – уйдет плохое или нет.

– А мне казалось – плохое – это пока мы еще не выросли. – Олег ступил чуть в сторону, обходя большую лужу. – А как мы вырастим – все исправится. Наверное, в детстве всем так кажется.

– Я об этом не думала. Мне часто тревожно бывало.

– О чем?

– О том, что дальше будет. Даже по ночам казалось, будто откуда-то с той стороны гул нарастает.

– Впечатлительная вы барышня.

– На то и барышни.

Борька отложил газеты на край заваленного книгами и папками длинного стола и посмотрел на Олега:

– Если бы люди не писали статей в газеты, осталось бы неизвестным, каким мусором у них головы забиты.

– Это ты по какому-нибудь поводу или в общефилософском плане? – спросил Олег. – И вид у тебя какой-то несобранный. Научный работник, знаешь, каким должен быть? Как артиллерист! Чисто выбрит и полон творческих замыслов!

– Я тут вчера расположил к себе одну даму. – Борька зевнул и откинулся в кресле. – Ну, и расположился у нее до утра. Лучше бы домой спать поехал. Терпеть не могу чужие диваны. Вчера еще в парке гуляли, и я ей руку на плечо положил. А теперь у меня плечо болит. Вот уж, действительно: время обнимать, а время – уклоняться от объятий. А на той неделе ездили к ней на дачу. Я печку топил.

Правда, малость надымил. Хи-и! Она мне и говорит: «Все дрова сжег! Гиппократ вы эдакий!» Хи-и!

– Зато ты у дам – на хорошем счету, – заметил Олег.

– Мне один мудрый мужик говорил: к сорока пяти годам для нормального человека самым необходимым актом становится акт познания.

– Это ты к тому, что надо об установке поговорить? – спросил Олег.

– Не, это я просто так.

– Слушай, а зачем нас Ляшко вызывает?

– Ясно, что не к добру, – буркнул Борька. – Чем-нибудь да озадачит. Ой, как мне к нему идти не хочется!

Ляшко показал, чтобы они садились за большой стол, а сам прошелся по кабинету, скрипя паркетом, и невзначай проверил, плотно ли закрыта дверь. Уселся напротив и провел рукой по ежику седых волос:

– Ну, дело вот в чем! Варягов на наш институт не нашли. Не до нас, видно. Сегодня подписали приказ о моем назначении... А знаете, что ночью было?

– Что? – спросил Олег.

– В Минске эти трое подписали соглашение о ликвидации Союза.

– Ну, это еще ничего не значит, – ответил Борька.

– Не, союзные органы деморализованы и разгромлены. Да-а, кто бы мог такое подумать! А весной на референдуме сколько процентов за союз было? Семьдесят шесть? Вот вам и мнение народа! Эх, как тогда Брежнев ошибся. Уж какой был по молодости орел! Как в шестьдесят четвертом переворотом раскрутил! А такого дела не заметил. Зачем-то при себе Юрия Владимировича держал. А казалось, что мы это когда еще пережевывали да выплюнули... Это все старое. А вот сейчас самая буза и пойдет. Вы меня поймите: я тут ненадолго. Тоже, в моем возрасте надо и честь знать. Но когда у нас здесь буза начнется, я с ней не справлюсь. Поэтому думайте и через пару дней ко мне с соображениями приходите.

Глава третья

В дом отдыха Олег поехал в середине марта догуливать неиспользованный отпуск. Весна была холодной. Не вовремя начались снегопады, и автобус пробирался от шоссе по чистому белому полю.

За мостом начинался подъем на пригорок. Машина долго буксовала в рыхлом снегу. В конце концов, шофер заглушил мотор, отрыл дверцу и крикнул пассажирам, чтобы выходили и шли с километр пешком.

Пятиэтажное здание дома отдыха оказалось почти пустым, – все постояльцы размещались на двух первых этажах. В номере было промозгло и неудобно. Пришлось обогреться рефлектором.

Катался по полдня на лыжах в густом еловом лесу, спал после обеда и листал по вечерам принесенные из библиотеки книги. На шестой день все это жутко надоело. Сидел в номере, бродил вокруг здания по единственной расчищенной дорожке и жаловался самому себе на жизнь. Горевал, что движется она ни шатко, ни валко, и что на работе ничего путного до сих пор так и не получилось, что после смерти родителей никого из близких не осталось, и что единственный на белом свете человек, кому хочется позвонить – это Аня.

В доме отдыха телефон-автомат не работал. Потасился за пять километров в соседнюю деревню, нашел почту и заказал телефонистке Москву. Почти час не соединяли. Сидел на скамейке и разглядывал объявления на стенах. Сильно пахло разогретым сургучом. В углу были сложены проштампованные жирными шоколадными печатями почтовые посылки в желтых фанерных ящичках. Телефонистка объявила, что номер в Москве не отвечает, а через пять минут почта закроется.

На улице стояла темень. Горели только два фонаря на краю деревни. В поле сильно дул ветер и неслась метель. Пробирался по еле различимой дороге и думал: может быть, это просто блажь, и быстро забудется и пройдет это желание позвонить сейчас именно ей.

На следующий день к дому отдыха покатали два красивых автобуса. Люди с дорожными сумками проворно кинулись в фойе. Поднялся галдеж. Кто-то пробовал командовать, куда и кому идти, но его не слушали. Олег пытался обойти толпу стороной. У лестницы его хлопнули по плечу. Обернулся и увидел Пашку.

– И ты тут! – выкрикнул Пашка. – А я тебя в автобусе не приметил. На семинар?

Олег объяснил, что здесь почти неделю и спросил:

– И чего у вас тут будет?

– Ну, как же! Лекции и дискуссии для политически подкованных. Эти – «круглые столы»! Ну и банкет!

Толпа стала расхватывать у стойки ключи от номеров и талоны на питание. Пашка кинулся в самую ее гущу и крикнул на прощание:

– А кормят здесь как? Ничего? – И не стал дожидаться ответа.

В обед все столики в столовой оказались занятыми вновь прибывшими. Старые постояльцы толпились у входа. Пожилой мужчина пытался объясниться с чужаками и говорил:

– Позвольте, но это мое место. Уже десять дней.

– Ничего не знаем и очень кушать хотим, – отвечала ему бойкая черноволосая дама и деловито разливала в тарелки суп из алюминиевой кастрюли.

Из кухни вышла повариха в белом халате, командным голосом попыталась растолковать прибывшим, чтобы рассаживались в правой стороне зала. Но народ уже жевал.

Пашка окликнул Олега, показал на свободное место за своим столиком:

– Тут не зевай! А то голодным останешься.

Пашкин сосед – мужчина средних лет с вытянутым лицом и густой шевелюрой – внимательно посмотрел на Олега и сказал:

– Мы с вами, кажется, где-то встречались. Может быть, у Вейтера Михаила Борисовича? В его фонде? Да? – И представился: – Григорий Эммануилович!

– На прошлой неделе у нас под Истрой семинар был, – говорил Пашка. – Но я порываться успел. С два десятка нахватал.

– И там интересные выступления были, и здесь, – задумчиво произнес Григорий Эммануилович. – В общем, к одному все сходится. Лидер сейчас есть. Сильный человек найден. При хорошей организации дела все препятствия для него вполне устранимы.

– Главное – рыкнуть может, – поддержал Пашка.

– Это уж да! – подтвердил Григорий Эммануилович. – Но только надо, чтобы в нужную сторону рыкал. Вот тут советы активной общественности необходимы. Это главное! И через близких правильное воздействие.

– И материальная заинтересованность в успехе! – объявил Пашка.

– Самое важное – целеустремленный человек, – серьезно сказал Григорий Эммануилович.

– И похохмить умеет, – хихикнул Пашка. – В этом, как его, в Бостоне, что ли. Ха! На шасси!

– Это все сплетни! – ответил Григорий Эммануилович. – Враги такие вещи про него придумывают! А что им остается?

Пашка расправлялся с куриной ножкой и говорил:

– У нас Григорий Эммануилович по философии спец. Такую нам в Истре лекцию закатил! Открыв рты, слушали. Про либеральные ценности и современное общество. – И он посмотрел на лектора, все ли так, и не перепутал ли чего.

– На самом деле, эта проблема – очень интересная, – согласился Григорий Эммануилович. – Традиционное общество основано на различных табу, а современные ценности состоят в выражении внутренней свободы личности. – Тоже принялся за куриную ножку, попытался откусить и поморщился.

– За границей однополые браки всю регистрируют, – хихикнул Пашка.

– А браки между родственниками? – спросил Олег.

– Все подряд, небось. – Пашка посмотрел на лектора.

– Браки между родственниками во всех странах не разрешаются, – сказал Олег. – Иначе же что? Гемофилия у потомства. Это, как раз, пример того, что цивилизация основана на табу.

– Не совсем удачный пример, – отозвался Григорий Эммануилович.

– На какой-то стадии развития племени начинают замечать, к чему приводят родственные браки, и возникает запрет. – Олег посмотрел на лектора. – Получается, что цивилизация возникает благодаря табу. А как орган надзора появляется государство.

– Государство возникает не из-за этого, а из-за борьбы классов, – бодро выговорил Григорий Эммануилович.

– Это уж вы из марксизма хватили, а не из либерализма, – ответил Олег.

– Вы многие вещи путаете, – спокойно заметил лектор.

Участники «слета» уезжали через два дня. Долго толпились у входа, ожидая автобусы, а когда они появились, женщина в светлой дубленке открыла дверь в фойе и закричала:

– Эля! Быстрее! Быстрее!

Началась суматоха. Все побежали к автобусам и затолкались у дверей.

Странно, почему у них все так бурно, подумал Олег. Как будто эвакуация.

Ирина позвонила ему на работу в конце дня и первым делом спросила:

– Ты чего там затеял? Домой, что ли, собираешься? А я гостей принимаю. Викторию Георгиевну Нивецкую! Мы тут вдвоем сидим и водку пьем. И сами себе наливаем. Представляешь! – И совсем ласковым, капризным голоском: – Приходи к нам! Хорошо? Я тебя в холле встречу. А то, правда, – вдвоем.

Он стал отнекиваться, говорить, что устал и хочет домой.

– Я тебя прошу! – Ирина помолчала. – Ты мне по одному делу нужен.

В холле бывшего НИИ удобрений она ждала его у стойки охраны.

– Слушай, вот не было печали! – говорила она тихо и быстро.

– Припирается сегодня ко мне эта Нивецкая и сидит уже два часа. У меня дел до фига, а она села и ля-ля-ля. Как из пулемета.

– А с какой стати она – к тебе? – не понял Олег.

– Она к Артамонову приперлась. А его нет сегодня. Ну, решила заодно меня на что-нибудь расколоть. Может, при тебе она клянчить не будет. Все мне про какой-то альманах заливает. Она думает, я деньги печатаю, чтобы на альманахи раздавать.

В углу большого кабинета стояли журнальный столик и низкие мягкие кресла. Нивецкая сидела, закинув ногу на ногу. Взглянула на Олега и сказала:

– Ну да, я знаю, что вы старый Иришин друг. А я – друг новый.

– Налей нам, пожалуйста. – Ирина села в кресло и придвинула на середину столика овальное блюдо с бутербродами.

– Я тут сижу и отрываю Иришу от дел, – говорила Нивецкая.

– Но поэты так редко куда-то выбирают. И беседуем мы о таком важном – о жизни, о времени. – Она подняла рюмку. – Ирочка, за вас, умница вы наша! За ваши способности устраивать все так, как хотите вы!

Поэтесса была слегка растрепанной. На висок свисала прядь волос. Кулон на золотой цепочке съехал набок, а синяя блузка была расстегнута на верхние пуговицы.

– Алексей мне о своей новой вещи рассказывал, – Ирина говорила об Артамонове серьезным тоном.

– Сейчас он очень мало работает, – ответила Нивецкая. – Я понимаю, что он устраивает свои дела, и ему трудно. И когда их устраивать, как не в период первоначального накопления. Но все-таки жаль. Он очень талантливый. Теперь выясняется – во всем, за что берется. – И она посмотрела на Олега. – А молодой человек ничего нам не рассказывает!

– Молодой человек вечно в изобретениях, – ответила Ирина.

– Да? Как интересно! Вы знаете, я расскажу вам о себе. Из меня слово клещами не вытащишь после того, как я поработаю. Просто – ноль эмоций. Все отданы. Все в словах. Я, наверное, как электронная машина. Сейчас, если хочется писать – только что-то жесткое, однозначное, своевольное.

– Еще по полрюмочки, – предложила Ирина.

– Пожалуй, – согласилась поэтесса. – Так вот, нынешнее время дает массу возможностей. Вот еще чуть-чуть – и всех этих отморозков разгонят. Насчет царства свободы не знаю, а пустыня для всякого хлама, всяких традиций тут точно должна быть. Вы, может быть, этого не понимаете. Но до чего тяжело было раньше. Я должна была всем этим бонзам кивать и за кусок хлеба это туземное дерьмо расхваливать.

Ирина расставила на столике чашки, нажала кнопку переговорного устройства, попросила кого-то:

– Кофейку нам принесите.

– А недавно у меня был случай, – говорила поэтесса. – Приезжала в Москву моя старая приятельница – филолог из Австрии. Повезла я ее в Михайловское. И вертихвостка-экскурсоводша – через слово: вот вам русская природа, русская природа. Я не выдержала, подхожу к ней на остановке и говорю: неужели вы не понимаете – люди разных национальностей на

экскурсию поехали. Разве так сложно догадаться, что им неприятно, когда вы про русскую природу долдоните.

– А какая же у нас природа? – изумился Олег.

– Что? – встрепелась поэтесса. – А, так! Тогда я вам скажу: не должно быть этого самого слова! Просто – не должно! Оно других обижает!

– А кто будет решать, какие нам слова себе оставить? – Олег посмотрел на собеседницу.

– Решим! Не беспокойтесь! Увидите!

Ирина попыталась переменить разговор и громко заговорила:

– Давайте лучше я вам свои фотографии покажу. Я два месяца назад в Кельне на выставке была. – Хотите?

– Не хочу! – ответила поэтесса и отвернулась.

Олег поднялся на четвертый этаж, и нажал кнопку звонка. Сверху по лестнице спустились молодая женщина и маленький мальчик с серой кошкой на руках.

Мальчик внимательно посмотрел на Олега и сообщил:

– Этот кот – деревенский. Нам его только привезли. Поэтому он всего боится.

– Деревенский? – Олег недоуменно пожал плечами. – Сразу и не догадаешься. Выглядит, как городской.

Аня открыла дверь и смутилась. Ему было весело смотреть ей в глаза эти несколько мгновений, а она пыталась спрятать взгляд и чуть щурилась. На ней было прямое белое платье с короткими рукавами. Молодая женщина и мальчик оглянулись и смотрели на нее. Она кивнула им и сказала Олегу:

– Заходи, пожалуйста.

В прихожей он протянул ей букет цветов:

– Ну, что в таких случаях говорят? Вам, бардам и поэтам, виднее.

В комнате Аня взяла из буфета вазу и ушла на кухню. Олег прошелся по комнате, взглянул за окно на спесивую темную тучу над домами в конце улицы. Стал рассматривать золоченые корешки старых книг за стеклом книжного шкафа. Вернулась Аня. Поставила вазу с цветами на журнальный столик, спросила:

– Хочешь старые фотографии посмотреть? Я недавно из альбома достала. Вон, на комод.

На желтоватом снимке был приземистый одноэтажный дом. У его правой стены – распахнутые ворота во двор с низкими постройками.

– Я, кажется, тебе рассказывала. Бабушка шла домой. И в нее выстрелили прямо вот здесь, у ворот. Пуля ей пальто и кофточку разорвала.

– Я помню, ты говорила.

– На месте этого дома теперь серая пятиэтажка стоит. Это у стадиона «Красная Пресня».

Пришли другие гости: улыбчивая, голубоглазая Леночка, степенная и серьезная Жанна и ее муж Юрий – высокий и курносый, с чуть косолапой походкой.

– Ой, мы успели до дождя! – говорила Леночка. – А вчера утром я под такой ливень попала. Хорошо в плаще была. Еду вечером домой, полезла зачем-то в карман, а он полон воды. Представляете! – Она посмотрела на Олега.

– Н-да, большое неудобство, что в карманах дырки не делают. – Олег покачал головой.

– Ну и ладно, если вы так, – ответила Леночка и обратилась к Ане: – А ты знаешь, что Юра в Египте был? И пирамиды видел.

Юрий сел в кресло у журнального столика и положил руки на подлокотники:

– В командировку ездил. Смотрел, как проект выполняется. А к пирамидам нас только в последний день отвезли. И еще в музей, где мумии.

- На мумии, наверное, страшно смотреть. – Леночка поморщилась.
- Ничего, смотрели.
- Притащить мумию в музей – это, по-моему, нарушение прав человека, – сказал Олег. – Его-то, бедолагу, никто не спрашивал, хочет ли он на кладбище тихо обретаться или в музее, на полке пылиться.
- А как же наука? – спросила Леночка.
- Не, я бы не захотел в музее выставляться, – ответил Олег.
- Я бы тоже, – согласилась Жанна. – Не хочется, чтобы экскурсоводы в меня указкой тыкали.
- Какие вы все нежные! – Юрий взял с полки журнал.
- Потом будут другие люди, они не станут вас в музеях выставлять, – заявила Леночка. – Они будут хорошими.
- Вряд ли до такого дойдет, – засомневался Олег.
- Вы что же? Не верите, что в будущем люди станут другими? – серьезно спросила Леночка.
- А почему они до сих пор лучше не стали?
- Почему не стали? И вы верите, что так будет всегда? – громко спросила Леночка.
- Как достойный сын своего отечества, очень не хотел бы верить.
- Последней пришла статная женщина лет пятидесяти. Аня ввела ее в комнату и представила:
- Мария Васильевна – друг всей нашей семьи. Все, больше никого не будет.
- А ватрушка сегодня в программе? – спросила Жанна.
- Должна быть хорошей, – ответила Аня. – Я сама творог сделала. Из молока и кефира, чтобы не кислил.
- Юра разлил шампанское по бокалам. Мария Васильевна встала, осторожно отодвинув стул:
- Давайте выпьем за нашу Аню! – Она подняла свой бокал. – Я знаю Аню с четвертого дня ее жизни. Моя мама и Анина бабушка всю жизнь очень верно и трепетно дружили. И для нас вся их семья – как родные. И спасибо тебе, что ты так сохраняешь память о своих – и о маме, и о бабушке.
- Аня отвернулась, смотрела в окно, моргая глазами, а они все разом, перебивая друг друга, заговорили.
- Леночка попросила Олега положить ей салат и спросила:
- А вы пойдете на референдум?
- Не знаю. – Олег пожал плечами. – Я в девяносто первом на референдум ходил, за СССР голосовал. А в конце того года же все и кончилось.
- Это когда было! – ответила Леночка. – А то – сейчас.
- На этот референдум я пойду, – отозвался Юрий. – Я на выборы и демонстрации хожу. Но голосовать буду и за президента, и за Верховный Совет. Пусть и те, и эти у власти остаются. Когда-то надо учиться договариваться.
- А я никак понять не могу, зачем люди на демонстрации ходят, – сказал Олег.
- Это вы серьезно? – удивился Юрий. – Ну, как же, зачем ходят? Хочется, чтобы все было нормально и как у всех.
- Но при чем тут демонстрации?
- Ой, может, не будем лучше о политике! – прервала их разговор Жанна. – Сейчас – одни будут про одно, другие – про другое. Заспорят до хрипоты! Мы все-таки на дне рождения!
- Лучше еще шампанского, – предложила Леночка.

За окном потемнело. Начался ливень. Сильный ветер ворвался в открытую форточку и раздул занавеску.

– Надо же, какая ранняя гроза, – говорила Мария Васильевна. – Значит, лето теплое будет. Моя дочка в июле в Калининскую область на турбазу собирается. Я ей говорю: поедешь на экскурсию в Старицу, попадешь в места, где имение твоего прадедушки было. Может, согласишься, что там осталось. Я ни разу не была, но поехать всю жизнь хотела.

– А где у вас имение под Старицей было? – спросил Юрий.

– Я точно не знаю. Рядом деревня Подвязье.

– Правда? – удивился Юрий. – Мой отец оттуда.

– А сейчас вы в Москве живете? – спросила Мария Васильевна.

– Я здесь родился. А отца из деревни совсем маленьким привезли.

– Надо же! Земляки! – изумилась Жанна.

– Это – не земляки, – поправил ее Олег. – Это по-другому называется. Имение-то, поди, сожгли?

– Нет, там потом дом инвалидов открыли, – ответила Мария Васильевна.

– Значит, смирные в Подвязье мужики жили, – сказал Олег. – Не у старой, видать, барыни. Вы же не любите всякие мятежи! – Он посмотрел на Марию Васильевну.

– Я? Мятежи? Да с какой стати? О чем вы говорите!

– А Юрий демонстрации любит!

– Это не мятежи!

– Лиха беда – начало! – Олег кивнул на Юрия: – Так что у ваших крепостных, Мария Васильевна, выросли воинственные потомки.

– Нет, мы мирные люди. – Юра помолчал. – Нам просто хочется, чтобы все было, как в других странах, и без всяких фантазий.

– В одночасье ничего не бывает! Ой, надо же какой дождь! – Мария Васильевна смотрела в окно.

– А все страны одна от другой хоть чем-то, но отличаются, – заметил Олег.

– И что? У нас все должно быть не как у всех? – спросил Юра.

– И чуть что – экспроприация? – поддержала его Мария Васильевна.

– Первый вопрос – это, не ко мне, а к представителям помещиков-землевладельцев. – Олег посмотрел на Марию Васильевну. – Про особенности – это они должны объяснить. А про экспроприации – вот, пожалуйста, обращайтесь к потомкам крепостных.

– Я и говорю! – прервала их Аня. – Все запутано и перепутано. И на все вопросы – по сотне ответов. И не в них дело. Потому что совсем не в том главное. А главное в том, что так не хватает хорошего!

Аня стояла на платформе метро у первого вагона, как и договаривались. Одной рукой она держала за руку братишку другой – поправляла у виска белый платок. Мальчишка морщил лоб и осоловело оглядывался по сторонам. Рядом пронзительно заревел отходящий поезд.

– Здравствуй! – Она посмотрела на Олега чуть растерянно. – Я думала, мы опоздали.

– Приветствую вас, молодой человек! – сказал Олег.

Мальчишка скривил рожицу, отвернулся и нехотя произнес:

– Прифэт!

– В кафе-мороженое лучше не ходить! – объявила Аня. – У меня с утра горло першит. Саша может простудиться. Давайте просто погуляем и посмотрим город. – И она обратилась к мальчику: – Сегодня праздник. Первого мая обычно тепло. Только в этом году вдруг так холодно.

– Я знаю, – ответил Саша. – Поздравляли уже. В праздник очень мороженого хочется.

– Но если холодно сегодня! – строго ответила Аня.

– Мороженое дорожает день ото дня. – Мальчишка насупился. – Тает и дорожает. Его надо есть, пока не подорожало. Столько стоит, что у мамы уже денег нет. А у тебя?

– Я не из-за денег, – говорила Аня. – Я тебе еще давно обещала. Но сегодня – и без мороженого замерзнешь.

– И, вправду, господа, при такой-то дороговизне в кафе надо идти сегодня, – сказал Олег.

– Ну, нет же! – Ане его слова не понравились.

– Ты, как хочешь, а я иду! – Мальчишка подвинулся ближе к Олегу. – А ты, если не хочешь, можешь нас у входа подождать.

– Что? – вскрикнула Аня и дернула мальчишку за руку. – Это что у меня еще?

– Вам, педахохам виднее, – подразнил ее мальчишка.

– Господа и товарищи! – объявил Олег. – План таков: по случаю праздника приглашаю вас в кафе. Предлагаю принять в мероприятии самое деятельное участие.

Аня сделала недовольный вид, даже отвернулась, а мальчишка сказал:

– Участие не приму, а мороженое съем.

Они поднялись по эскалатору и в густой толпе вышли на улицу. На тротуаре было тесно. Спустились по ступеням и остановились у одной из колонн концертного зала.

– Ой, сколько военных сегодня! – Аня смотрела на площадь. – Но ведь парад отменили? Да?

Улица Горького была перегорожена машинами с зелеными брезентовыми крышами. В несколько рядов стояли солдаты и милиция. Перед ними собралась большая толпа. Было много знамен. На другой стороне площади у гостиницы тоже виднелись военные.

– А когда салют будет? Вечером? Здесь? – спрашивал мальчик. Поднимался на цыпочки и пытался оглядеться.

В трескучий мегафон резкий голос выкрикнул:

– Проход в центр города закрыт! Всем повернуть в сторону Белорусского вокзала! Не собираться на тротуарах!

– Разве сегодня парад? – удивилась Аня.

С Первой Брестской на площадь вышел строй людей в пятнисто-сизой форме с металлическими щитами в руках. Прогрохотал вдоль кинотеатра и выстроился в цепь.

И вдруг толпа загудела, пришла в движение, отхлынула от милицейских рядов, бросая знамена. И стало видно, что там началась драка. А у кинотеатра милиционеры быстро отодвинули турникеты, и люди в касках и со щитами в руках и двинулись на толпу. Двое человек вырвались, побежали по газону у памятника Маяковского. Но милиционеры из оцепления бросились им наперерез, ударами дубинок повалили на землю.

– Ой, они бьют человека! – вскрикнула Аня. Схватила брата и прижала к себе.

Перед тротуаром, где они стояли, начала выстраиваться милицейская цепь. Олег схватил Аню и мальчишку за руки, быстро повел в сторону.

– Но ведь это ужас какой-то! – говорила Аня. – Вот так вдруг, ни с того, ни с сего.

– Что-то новенькое в нашей грешной жизни, – ответил Олег.

Они зашли в кафе на площади Восстания. Было прохладно, и за столиком пришлось сидеть, накинув куртки на плечи.

Мальчишка съел две ложки мороженого и спросил:

– А за что их били? Или они просто так бьют?

– Толпа хотела в центр города идти, – сказала Аня.

– Почему там ходить нельзя? – спросил мальчишка.

– Ну, сегодня праздник, – нехотя говорила Аня. – Вот улицу и перекрыли.

– Ты сама испугалась и кричала: «Ой, бьют!», – напомнил мальчишка.

У метро мальчик долго стоял у лотков и разглядывал игрушки. Но так ничего и не попросил. На эскалаторе Аня сказала:

– Странный какой-то сегодня праздник получился. И людей совсем мало. Как будто никто в гости не поехал. А утром приходила соседка со второго этажа. У нее отец в больнице умер. Так все подорожало, что даже гроб не купить. В морге ей сказали, что сейчас и без гробов хоронят. Мы ей собрали в подъезде, кто сколько мог.

Аня позвонила ему поздно вечером, спросила:

– Не спишь еще? А я все про сегодняшнее думаю. В голове не укладывается. И еще Саша все видел. И главное – хоть кого-то это взволновало? Хоть кто-то хочет и может такое прекратить? Чтобы не было больше никогда! Страна из всех этих революционных жестокостей с такими трудами выходила. И вдруг в самом центре Москвы такое! Неужели не понятно, что это ужас? Я даже тебя не понимаю! Ты можешь так спокойно это воспринимать!

– А как я, по-твоему, должен был на все это реагировать? Ну, как? – почти выкрикнул он.

– Я даже про другое. Я про то, что нормальные превратятся в ненормальных, если такая жестокость будет на улицах. Неужели трудно понять, что подобные вещи просто так не проходят!

– Ты мне все это говоришь? – раздраженно спросил он. – А почему именно мне?

– А кому мне все это сказать?

Он вздохнул, недолго помолчал и уже спокойно ответил:

– Ладно, перестань об этом вспоминать и спать ложись. А завтра, будьте уверены, я такой вам мир устрою – пальчики оближешь!

– Ну, вот, ты опять...

По телевизору передавали новости. Олег щелкнул на другую программу, увидел большой, заполненный почтенной публикой концертный зал. Кинокамера скользнула по сцене, по сосредоточенным лицам людей за длинным столом. У микрофона стояла Нивецкая и читала:

– И ненависть моя сожжет постылую державу...

Телефон зазвонил, когда Олег выходил из кабинета. Пришлось вернуться и поднять трубку.

– Привет! Куда ты пропал и глаз не кажешь? – спросила Ирина. – Я вчера с твоей приятельницей на приеме в банке столкнулась.

– Это кто такая? – не понял Олег.

– Нивецкая! Кто еще! Опять начала у меня деньги канючить. Но я ей сразу жестко – нет и нет. Она со мной сразу другим тоном. И заявляет: «Какие-то странные, непонимающие у вас знакомые!» Ну, ты, разумеется! Представляешь, эта жопа будет мне советовать, с кем спать!

В Иренином монологе было перемешано все – и неудовольствие поэтессой, и обида на него. Он так это понял и промолчал.

– Сегодня у Сергея день рождения, – другим тоном проговорила Ирина. – Он ко мне заедет, посидеть и отметить. Тебя тоже приглашал.

– А меня, с какой стати? – удивился Олег. – И дарить что-то надо...

– Вот еще! Поздравим, да и все.

– Он начнет опять...

– Я тебя прошу! – настойчиво говорила Ирина. – Мне с тобой спокойнее. Разбавишь разговор.

В приемной Олегу показно заулыбалась дама средних лет – новая Иренина секретарша. Поднялась из кресла и распахнула дверь в кабинет.

Ирина сидела за столом с телефонной трубкой в руке и что-то записывала. Кивнула ему и показала, чтобы присаживался. Он отодвинул стул, сел и оказался, как на приеме у начальства.

– Меня попросили с тобой об одном деле поговорить. – Ирина положила трубку.

– Это кто же?

– Веселов ваш! Говорит, что старик Ляшко ничем не занимается, институт забросил. Проку от него никакого не стало.

– А от Веселова много проку!

– Он говорит, что его завлабы поддерживают, и он почти со всеми договорился. В общем, они хотят институт преобразовать.

– Во что?

– В общество, наверное. – Ирина чуть крутилась в кресле. – И это разумно, наверное. Потом все можно будет под себя подгрести. Скупите у бабок из бухгалтерии и библиотеки их доли и будете рулить.

– А заказы кто нам будет давать?

– Как давали, так и будут.

– Ты мне все это предлагаешь, – сказал он после паузы, – а сама прекрасно знаешь, что твой Веселов даст мне при первом удобном случае под зад коленом.

– Ну, почему? – Ирина скривила губы. – Просто надо будет за этим пройдохой приглядывать.

– Ты его по комсомолу лучше меня знаешь.

– Знаю. Ну и что? Малый как малый. Договориться можно. Или у тебя какие-то другие планы? Чего Ляшко с Борисом говорят?

– Ириш, ты это от чистого сердца спрашиваешь или по шпионской миссии?

– Ну, ё...! – Она разозлилась. – Я знаю, какой ты лапоть, и хотела тебя с этим пройдохой Веселовым свести. А ты мне – про шпионство! Мне-то какого... все это надо?

В кабинет быстро вошел Сергей Павлович. Сделал несколько неуклюжих шагов по бежевой ковровой дорожке и заорал:

– Чего за бардак! Куда груз дели? Ни одна зараза не знает!

– Из Москвы отправили, – растерянно проговорила Ирина.

– Неделю назад ушел! Без тебя знаю! А куда делся?

Он подошел к Олегу, молча протянул руку и обратился к Ирине:

– Давай ко мне!

Они вернулись только минут через сорок. Сергей Павлович продолжал какой-то начатый разговор:

– Вообще-то с ними надо пожестче. А ты тоже, не хлопай ушами, когда они тебе заливают.

– У нас с ними все обговорено, кто, что делает.

– Это все – бе-бе, что написано, – ответил Сергей Павлович и покрутил рукой в воздухе.

Уселись за журнальный столик. Разлили вино по бокалам.

– За что пьем? – деловито спросил Сергей Павлович.

– За тебя! – Ирина натянуто улыбнулась. – Чтобы все складывалось отлично и во всем везло!

– Хорошо бы, – мечтательно произнес Сергей Павлович. – Эх, подфартило бы! Именно сейчас!

Ирина поставила пустой бокал на столик:

– О подарке забыла! – Подошла к шкафу и вернулась с маленькой коробочкой. – Мы с Олегом дарим тебе запонки.

Сергей Павлович проворно открыл коробочку и ахнул:

– С камнями! Во, здорово!

– Это Ирина вам дарит, – уточнил Олег.

– Ух, ты! Красота! – говорил Сергей Павлович. – Я их сразу надену. – Он вытащил из рукава не слишком свежую манжетку белой рубашки.

– И к галстуку подходит, – заметила Ирина.

Пили за дела и успехи, ели бутерброды с красной рыбой. Сергей Павлович вытирал руки салфеткой и говорил:

– Если сейчас повезет, ого, как можно развернуться. А то – вон, что происходит! В Верховном Совете приняли закон о приватизации и думают, что всё поровну разделят. Ведь бред какой-то! Разве так бывает? Все мало-мальски ценное обязательно к умным попадет. И есть в стране профессиональные управляющие. А то вдруг придумали делиться со всякими шаромыжниками. На кой ляд это кому нужно! Кто такие законы принимал, должен был понимать, что себе приговор подписывает. Такие законы не нужны никому. Так, клочок бумаги. Правда, я за один такой успел проголосовать. Ну, это я так, сгоряча.

– А кто делить будет? – спросил Олег.

– Вот тут-то и заковырка – кто!? – неизвестно чему обрадовался Сергей Павлович. – Вокруг этого – вся заморочка. Как тут карты лягут. Если бы на референдуме за роспуск Верховного Совета проголосовали, совсем другое дело было бы. А из-за дураков он у власти остался. Теперь вон, вокруг нефтянки, что делается. Вот, мы и думаем, как нам быть? Вчера Геннадий Харитонович правильно говорил. Смотрели его пресс-конференцию? Говорил: если что-то начнется, привлекать и милицию, и армию. Вплоть до пальбы! Так и сказал! А что? Такие дела надо быстро решать!

– И что? Тихо и мирно эту ситуацию теперь не разрулить? – спросила Ирина.

– Поздно уже. – Сергей Павлович поднялся из кресла. – И незачем с кем-то делиться.

Он молча протянул Олегу руку. Ирина пошла провожать брата в приемную. Дверь осталась приоткрытой. Были слышны их голоса. Сергей Павлович опять начал из-за чего-то ругаться.

Ирина вернулась в кабинет и приоткрыла окно. Развалилась в кресле, закурила и попросила налить вина.

– Знаешь, за что мы выпьем? – сказала она. – За нас с тобой. Все-таки подружаем мне ты был неплохим. Во всяком случае, я никогда ни о чем не жалела. Что называется, замуж собралась выходить с легким сердцем.

– И когда же? – спросил он.

– Очень скоро. Я все ждала, что брательник тебе об этом ляпнет. Но на него иной раз прозрение находит. Или просто забыл.

– Этим, наверное, и должно было закончиться.

– Это еще почему? – Ирина взглянула на него удивленно и недовольно.

– Такой жанр.

– Не в жанрах тут дело, а в тебе.

– Почему во мне?

– Сам знаешь. Но давай выпьем. И все-таки я тебя не оставлю. Не внушаешь ты мне доверия.

– Это в каком смысле?

– В каком хочешь. Знаешь что! Поехали к тебе. Может, я еще раздумаю замуж выходить.

– Нет уж. Решено, так решено.

– Все равно поехали. Надо же нам проститься. Да?

– Что еще за идея? – Он скривил физиономию. – Нет уж, таких жанров не бывает.

– Это уже с твоей стороны... Вообще-то ты никогда со мной не церемонился.

Он поднялся из кресла. Отводил взгляд, разглядывая комнату, и старался отогнать от себя мысль, что Ирина была сегодня очень хороша.

– Ну и иди! – Она отвернулась.

Шел домой и навязывал самому себе мысль о том, что все когда-то проходит, и что Ирина должна была уйти и, наверное, он давно это ждал. Но вспоминалась ее квартира, звон трамваев и все то, о чем было лучше не думать сейчас, когда в его жизни ее уже не было.

В субботу утром его разбудил ранний звонок. Поднял трубку и услышал Иринин голос:

– Хочу с тобой поговорить.

– Чего вдруг? – спросил он.

– Я обо всем этом подумала. Меня, честно говоря, возмущает твое свинство.

– Это в каком смысле? В общефилософском?

– В прямом.

– А как твой брат?

– Чего ему сделается! Жеребца вчера себе купил.

– Почему не кобылу?

– Куда все – туда и он. Будут кобыл покупать – и он со всеми.

– Чего ты сегодня такая задерганная?

– А какой мне быть? Я все-таки не думала, что ты ко мне так потребительски относишься. – Она помолчала и сказала: – А что? Не правильно разве?

– Считаю, как хочешь, – раздраженно ответил он.

– Я хочу знать! – почти выкрикнула Ирина! – Я хочу знать, права я или нет?

– А что тебя так задело?

– Ты издеваешься, что ли? Просто я никогда не думала, что окажусь для тебя пустым местом.

– У тебя с работой все нормально? – спросил он.

– У меня вообще все нормально, – ответила она почти спокойно. – Только, кажется, дурнею.

– Это ты кокетничаешь.

– Если бы... Но интересно, кого ты себе в конце концов нашел. Какую-нибудь молохольную. В очках и со скрипкой.

– Ты сегодня не в форме.

– Зубы мне заговариваешь. Но я это тебе все равно запомню.

– Что именно?

– Хамство твое.

– Странные у тебя, Ирина Павловна, сегодня фантазии.

– Что, хочешь сказать, что все это – окончательно? Да? Ну и... с тобой!

– Давай на этой высокой ноте...

– Я к тебе сейчас приеду!

– С какой стати? – резко ответил он.

– А! Ты не один! Тем лучше!

Он помолчал и бросил трубку.

Борька быстро вошел в комнату, сел на стул и, не здороваясь, спросил:

– Слышал? У нас тут тоже начинается.

– А кто у них за главного? Веселов?

– Разумеется, – ответил Борька, перебирая карандаши в стаканчике. – Сейчас их делегация была у Ляшко. Требуют собрания. Он им сказал, что на собрание не пойдет и пусть решают без него. Ты в их команде участвуешь?

– С какой стати? – изумился Олег.

- Я так и подумал, что они врут.
- А что? Говорили?
- Разумеется. Пойдешь на собрание?
- Надо идти. Не одни же идиоты соберутся.
- Скажи мне, ты Веселова нашим начальником представляешь?
- В страшном сне.
- Тогда я пошел.

Собрание началось в конце следующего дня. Нежданно-негаданно появился чиновник из министерства, – всем улыбался и кивал головой, приветливо поблескивая лысиной.

Веселов был серьезен и деловит. Заявил, что собрались сегодня по инициативе коллектива, дабы разобраться в ситуации, и проговорил часа полтора. Показывал любопытствующим собственноручно составленное штатное расписание, уверял, что зарплату можно поднять раза в два и осторожно намекал на участие в зарубежных проектах. Ему долго аплодировали человек двадцать.

На сцену поднялся Борька. Чиновник из министерства попытался его остановить:

– Простите, но у нас тут список выступающих.

– Я как раз там и записан, – ответил Борька. – Вы посмотрите получше. Итак, господа и товарищи! О чем сегодня идет речь? А речь идет о том, что сейчас у нашего коллектива есть отличный шанс воздержаться от участия в общероссийской смуте. Я боюсь, что многие из вас, выразив желание стать коммерсантами, не совсем осознают, что рискуют оказаться не просто в чужой шкуре. Они рискуют оказаться в шкуре неубитого медведя. Особо зарвавшихся на этом поприще следует призвать одуматься и поумнеть.

Дамы из бухгалтерии почему-то приняли это на свой счет и зашумели.

– Бухгалтерия – это нет! – провозгласил Борька, без тени смущения. – Бухгалтерия – это святое! Нужная часть любого организма. Вот так! Но посмотрим, что получается. Все, у кого есть изобретения, и кто тащит темы, желают работать с Морозовским институтом и остаться с государством. Все, у кого ни изобретений, ни тем нет, желают на вольные хлеба.

– Это не аргумент! – выкрикнул Веселов.

– А я сейчас покажу вам, господа и товарищи, что как раз в этом-то и аргумент, – говорил Борька. – Мы, здесь присутствующие, знаем, за некоторым исключением, что такое теория устойчивости, и знаем, как система из устойчивости выходит. Все это мы в стране в последние годы видим. Находятся центры нестабильности, канализируется недовольство, потом вбрасывается информация, вроде нового штатного расписания. Все у нас то же самое, только в меньших масштабах. А если в системе показатели устойчивости начинают меняться, то она в конце концов диссипатирует. А предыдущий оратор был оптимистичен, как автомобиль без тормозов. И совершенно напрасно.

Дама из бухгалтерии подняла руку:

– У меня вопрос, который еще не задействован в ваших ответах. Мы – коллектив женский, мы понимаем, что без мужских рук не обойтись. Но почему бы институту не зарабатывать деньги на платных консультациях?

– ... Только на консультациях таким же женским коллективом, – ответил Борька. – Так что? Будем голосовать? Кто – за? Кто – против? Кому – наплевать?

Борька вошел в лабораторию, огляделся, нет ли посторонних, и почти выкрикнул:

– Сам, понимаешь, удивлен до невозможности! Ты знаешь, всегда был не прочь поучаствовать в разных беспорядках. Зачинщиком, случалось, выступать. А тут – раз, и подавил. Не знаю, как получилось!

– Хочешь, чтобы тебя похвалили, – ответил Олег.

– В общем-то, да! Почему – нет? Но ведь олух Андрюша Веселов – это не Емельян Иваныч!

Веселов распахнул дверь, не постучавшись, и последнюю фразу должен был слышать. Сунул руки в карманы и прошел к окну:

– А чего Ляшко не появился? Боится, что ли?

– Зачем он тебе понадобился? – спросил Олег.

– Нас не хватило? – съерничал Борька.

– Послушал бы он, какие мнения на его счет есть. – Веселов отодвинул занавеску и выглянул во двор. Вы ему расскажете?

Олег ждал, что Борька сейчас вспылит, но не угадал. Тот выждал паузу и спокойно проговорил:

– Не о чем, собственно, рассказывать. Ну, собрались, помололи воду в ступе. О деле – и слова не прозвучало. Так, хор недовольных.

– Ты сегодня хватил с теорией устойчивости. – Веселов продолжал смотреть в окно. – А я надеялся, что Ляшко придет. Хоть поговорили бы, что с институтом надо делать.

– Для того чтобы такие разговоры вести, в делах надо разбираться. – Борька сел за стол и сложил перед собой руки.

Веселов отвернулся от окна и прошелся по комнате:

– Будто только вы в них чего-то понимаете. Еще надо видеть, что кругом делается.

– Я по простоте душевной всегда думал, что революции романтики устраивают. Не, они только хворост и боеприпасы подносят. А устраивают – несостоявшиеся. – Борька говорил все это Олегу.

– Такими заявлениями ты просто свои комплексы засвечиваешь, – ответил Веселов. – А все очень просто – людям хочется нормальной, свободной жизни.

– Послушай, Андрюша! – с расстановкой говорил Борька. – Я не первый год тебя знаю. И ты мне, пожалуйста, не рассказывай, что тебе какая-то свобода вдруг понадобилась. И всем вашим нынешним вождям, то бишь бывшим цековским функционерам она – до лампочки. Вы потреблять рветесь – это другое дело. В конце концов, каждый занимается тем, что у него лучше получается. Только не врите про свободу. Вы в ней ни... не понимаете.

Веселов ухмыльнулся, помолчал и сказал:

– Опять ты на меня собственными комплексами давишь. Ну, не психоаналитик я для тебя! А все мы – просто теми временами недовольны, и новых хотим.

– А в старые вы чем занимались?

– Хренью всякой!

– Вот и я про это! – сказал Борька. – Вы свою бездарность на времена списываете.

– Ой, можно подумать! Лауреат нашелся! – вскрикнул Веселов.

– Не лауреат, но все же! – Борька был чем-то доволен. – Не, все-таки я правильно в это дело ввязался. А то представляешь, Андрюша, ты стал бы тут заправлять! Так хоть что-то останется до лучших времен.

– Времена другие, может, и настанут, – ответил Веселов. – Вот, президенту свою власть укрепить бы и всю эту шелупонь разогнать, чтобы палки в колеса не ставила.

– По-моему, это ты так ляпнул, не со зла, но по глупости, – говорил Борька. – И опять же думаешь, что в работе не сложилось только из-за времен. Прямо тебе скажу: если кем-то здесь когда-нибудь стану, ни за что тебя не потерплю. Уж, извиняй заранее.

– Это – взаимно, – спокойно ответил Веселов и ушел.

С минуту сидели молча. Борька забарабанил пальцами по столу и спросил:

– Может я это зря? Не с Андрюшей, конечно. А насчет революций... Ведь есть же какая-то тяга к справедливости.

Они вышли из первого вагона электрички и поднялись по крутой лестнице на переходный мост над путями. Поселок тянулся по обеим сторонам железной дороги. Среди деревьев проглядывали низкие домишки. Левее виднелось несколько многоэтажек.

– «Перловкой» называется потому, что чаезаводчик Перлов стал строить здесь дачи, – объяснила Аня. – Это ему китайский магазинчик на нынешней улице Кирова принадлежал.

Прошли по неширокой площади, мимо магазинчиков, палаток и большой киноафиши в полукруглой железной рамке. У тротуара стояла зеленая тележка на велосипедных колесах, с сиденьем и под выцветшим зонтиком. В старых фильмах с таких тележек торговали газированной водой.

– Тети Тани нет сегодня. – Аня показала на тележку. – А раньше – с самого утра. И до того, как последний сеанс в кино закончится. Четыре копейки – с сиропом. Вода была вкусная-вкусная, с малиновой пеной.

– А где Тайнинское село? – спросил Олег.

– По этой улице прямо. Но далеко.

– Возле этого села Гришка Отрепьев встретился с матерью настоящего царевича Дмитрия. Они вместе долго по дороге шли, и он ее как-то уговорил, чтобы сына в нем признала.

– Такие истории только в смутные времена могут случаться, – ответила Аня.

– Вроде нашего...

Они свернули в переулочек, пошли вдоль ветхого серого забора из некрашеного штакетника. Кривая калитка закрипела и открылась только наполовину. К дому вела дорожка из ушедших в землю, бурых кирпичей. Дом был ладным и статным, – в три больших окна и с застекленной террасой. Недалеко от крыльца вокруг вкопанного в землю подгнившего стола росли высокие старые липы.

Аня открыла стеклянную дверь длинным ключом. На разогретой солнцем большой террасе сильно пахло пылью. Вдоль стен стояли два дивана, закрытые сизыми покрывалами, а посередине – длинный стол.

В комнатах мерещился запах нежилы. К печи из белого изразца было придвинуто красивое кресло с резными подлокотниками. На стене между окнами висело от пола до потолка большое зеркало в деревянной оправе. Перед ним на полочке лежали какие-то безделушки.

– Я ту половину дома сдаю, – говорила Аня. – А сюда иногда приезжаю. Правда, теперь совсем редко. Но бабушка не велела продавать.

В саду густо разрослись старые яблони с темной корой. У забора стояли два сарая. Один – бревенчатый, под ржавой металлической крышей, другой из досок с большими щелями и выбитым окном. Ближе к дому за кустами крыжовника виднелось странное сооружение из красного кирпича – невысокое и круглое.

– Это – погреб, – объяснила Аня. – В него в конце зимы снег набивали. До начала июня не таял. Я всегда на него смотреть бегала. А вот яблоня, у сарая. Ее дедушка посадил, когда я родилась. Жалко, если дом все же снесут. Давно собираются. Сколько раз говорили, что вот-вот.

К Язуе они прошли широким переулком. У берега по асфальтовой дорожке прогуливались мамы с колясками. На другой стороне узкой речушки стояли многоэтажки нового квартала.

– Мне бабушка рассказывала, что и где тут было. А когда гости приезжали, я должна была для них экскурсию проводить. Вот здесь плотина была. Вон, там, у моста, видишь, круглый бугор. Это – насыпанный остров. На лодках по запруде катались, а на острове чай пили. Вон там, где сосны, Перлов первые дачи строил. Мой дедушка участок под дачу у тайнинских крестьян купил. Когда-то дорога на Сергиев Посад через Тайнинское село проходила. Там был путевой дворец Елизаветы Петровны. А у Язуы берега крутые-крутые были.

Говорят, не везде можно было на санках съехать. Сейчас земля будто села. Соседка рассказывала, что раньше на Яузе в обрывистых берегах ласточки гнездились.

Вдоль берега они дошли до маленького пруда. В воде просматривались темно-зеленые водоросли. Посередине плавали обломки досок. На пеньке сидел мальчишка с самодельной удочкой.

– Как, клюет? – спросил Олег.

– Сегодня что-то плохо, – сознался мальчишка. – Вот позавчера было! Ух, я таскал!

– Позавчера – известное дело, всегда самый клев, – ответил Олег.

– Особенно после дождя! – Мальчишка вытащил из воды леску, оглядел крючок и с размахом забросил обратно.

Дома они пили чай за небольшим круглым столиком. Олег придвинул к нему большое кресло, а Аня сидела напротив на узком диванчике под старой картиной.

– Если дом будут ломать, я это зеркало в Москву заберу, – говорила Аня. – Хотя мне его ставить некуда. Но очень жалко. Я с детства в него смотрелась. И в комод до сих пор бабушкины вещи. – Она открыла ящик, стала что-то перебирать. – Я тебе рассказывала, что в бабушку стреляли. Вот, посмотри.

Она достала блузку с перламутровыми пуговицами. У плеча ткань была разорвана и обтрепалась бахромой.

– Это – пуля прошла. Как бритвой резануло.

Начался дождь. Они вышли на террасу. Стояли у окна, смотрели, как быстро густел, насыщался зеленый цвет старого сада и клонились к земле яблоневые ветки.

Есть что-то совсем удивительное и трогательное в этих редких встречах, говорил он себе, положив руки на её плечи, стараясь заглянуть в глаза. Она попыталась отвернуться и поправила волосы у виска. Мелькнул алый камушек сережки. Передумала и посмотрела на него. В ее глазах не было обиды. Но так ясен казался ее страх перед обидами.

– Я собираюсь уехать дней на десять, – сказал он. – Хочешь, поедem со мной.

– Вдруг взять и поехать? – будто вслух подумала она.

– Ага! – подтвердил он.

– В этом что-то неожиданное и очень тревожное. – Она отвернулась к окну.

– Чего ты боишься?

– Ты совсем меня не понял, – ответила она.

Три криквы, шумно хлопая крыльями, поднялись из камыша, пронеслись над водой и стали подниматься в вышину.

– Вон! Полетели! – выкрикнул Олег, подняв голову и провожая птиц глазами.

Аня повернулась в его сторону и неуверенно спросила:

– И что? Мы по ним будем стрелять?

– Здрасьте! А вы как думали! – ответил Олег. – Это же – охота.

– А рыбу ловить? – с надеждой спросила Аня.

– Попробуем. Если не удочкой, то сетку поставим.

Дул сильный ветер. Лодку качало на волнах, и брызги при взмахах весел летели в лицо.

Закат не был виден из-за темно-синей тучи. Ее края чуть розовели, а выше, далеко-далеко светились алым цветом перистые облака. Солнце выглянуло на миг из узкой длинной прорехи и горело, перечеркнутое темной косой полосой, веером разбрасывало перед собой яркий, сыпучий свет.

Тучи сомкнулись. Стало темно.

Остров был рядом, за стеной камыша. Но протока все не показывалась. Совсем недалеко от лодки раздался вращающийся посвист крыльев, мелькнула, понеслась к середине озера стайка чирков.

Лодка обогнула остров. На другой его стороне ветра не было. Камыш не раскачивался и только еле слышно гудел.

Аня показала на одинокую ветлу среди камыша:

– Может туда пробраться?

– Если там болотина, мы палатку не поставим, – ответил Олег. – Ну, давай попробуем.

Он повернул лодку, несколько раз сильно загреб воду и врубился в заросли камыша. Вынул из уключины весло, встал на корму и, упираясь в вязкое дно, начал проталкивать лодку к берегу.

Старая кривая ветла стояла на маленьком зеленом островке. За ним оказалось поросшее осокой болотце. Дальше начинался твердый берег.

Олег разжег костер у самой воды и приладил над ним черный, выдавший виды походный котелок. Аня поправляла горящие сучья, отмахивалась от дыма и говорила:

– Надо же, ни одного огонька вокруг. Ни дороги, ни деревни. Так люди веками жили. И новости с годичным опозданием узнавали.

– Спокойнее было, – отозвался Олег.

Палатку он поставил у молодых елок, вдоволь набросав лапника под ее днище. Бросил рюкзак у входа. Повесил на шнурок маленький фонарик.

– Сюда может кто-нибудь приплыть? – спросила Аня.

– Вряд ли. Если только вроде нас. Или клюкву собирать.

– А здесь она есть?

– Наверное. Завтра поищем.

Костер догорал, и угли по его краям засветились малиновым цветом. Дальний берег стал совсем черным. Только правее, на Западе ещё светлела над горизонтом узкая полоска.

– Ты что? Замерзла? – спросил он.

– Так, ничего. От воды холодом тянет.

Олег полез в рюкзак, вытащил свитер с большим воротом, скомандовал:

– Надевай!

– Не надо. Я согрелась уже, – запротестовала Аня.

– Знаешь что! Давай без разговоров. – Он сунул свитер ей в руки.

В палатке было тепло. Пахло слежалой тканью. Укрылись спальными мешками и прижались друг к другу. Олег спросил:

– Ну, согрелась?

– Ой, так-то – хорошо. А лодку не украдут?

– Тут чужих нет. И не ходит никто.

– Но все равно тревожно, что нет жилья вокруг. И лес – страшно, и люди рядом – страшно было бы.

– Привыкнешь. Завтра одна по всему острову ходить будешь.

– Слушай, а как рыбу на костре в сковородке жарить?

– Покажу, – ответил Олег. – Как костер догорит, поставь два камушка, а между ними углей нагрести.

– А я все думала: буду рыбу тебе жарить – она и сгорит. И ты ругаться начнешь.

– С какой стати я ругаться должен?

– Ну, так. Если сгорит.

– Ты уж постарайся.

– Меня после волн до сих пор качает.

– А у меня в ушах поезд стучит. Это ещё что? Эх, комар все же пробрался.

Рассвет был тихим. Но сильно затуманило, и камыш у берега плавал в сплошной белой мути.

Олег собрал ружье, накинул через плечо патронташ и пошел вдоль берега. Метрах в ста от палатки вроде бы проглядывала протока. Вернулся за лодкой. Протащил ее по воде, увязая сапогами в пузыристой, черной тине. Выплыл через протоку к озеру.

Потянул легкий ветерок. Туман начал пропадать. Проступали очертания островка. На большой высоте проскочила стайка уток.

Шорох утиных крыльев раздался где-то правее. Втянул голову в шею, прислушиваясь, резко повернулся и увидел над водой двух крякв. Мушка ружья поймала летящую птицу и плавно проскочила вперед. Раздался грохот выстрела. Олег почувствовал, что не попал. Успел схватить на мушку вторую птицу и выстрелил в угон.

Кряква вытянула перебитое крыло и плюхнулась в воду. Олег понял, что получился подранок. Суетливо перезаряжал ружье и видел, как птица быстро приближается к зарослям камыша. Для выстрела было далековато. Прицелился получше, стараясь попасть в голову, и выстрелил. Дробь ударила по воде вокруг птицы. В ту же секунду кряква нырнула.

Быстро плыл к тому месту, стараясь не потерять его из виду и громко шлепал веслами по воде. Там, где птица нырнула, было неглубоко. В воде виднелись длинные водоросли. Вынул весло из уключины, попытался попасть в бурое пятно среди темно-зеленых стеблей. Со дна на поверхность вырвались крупные пузыри. Всплыла мертвая утка. Радости охотничьей добычи не чувствовалось. Отрада была лишь в том, что подранок не пропал.

– Олег! Олег! – кричала Аня. – Ты где?

Подплыл через протоку к островку, увидел на берегу Аню и поднял со дна лодки убитую утку.

– Я думала, они улетели, – печально проговорила Аня. – А что ты теперь с ней делать будешь?

– Раз убили – должны съесть.

– А чистить?

– Сейчас ошпилю.

– Грохоту сколько было! – Аня покачала головой. – Как из пушки палили. Прямо бой какой-то. У меня руки дрожат. Я подумала: что-то у тебя взорвалось. Жалко, что ты в нее все-таки попал.

– Как-то нескладно получилось.

– Что нескладно? – не поняла Аня.

– Упала утка не с первого выстрела.

Аня показала на котелок у костра:

– Пока тебя не было, я кашу сварила. Но чуть подгорела. Так быстро все на костре.

Днем они поплыли на лодке вокруг острова искать клюквенные места. Солнце припекало. На легком ветерке шумели заросли камыша. На берегу желтели березы. Стая дроздов с шумом и гамом обклевывала высокую рябину.

Одно болотце у берега оказалось слишком вязким, и по нему было не пройти; другое – совсем сухое, в больших кочках. Но ягод попадалось мало.

Недалеко от берега среди низколесья виднелись развалины дома, – остатки бревенчатых стен под рухнувшей крышей и съехавший на сторону навес над сгнившим крыльцом.

Прошли по траве мимо провалившегося колодца. Стали пробираться через заросли малины. С потревоженных ветвей осыпались перезрелые клеклые ягоды. Среди кустарника не сразу заметили очертания старых могил. На двух из них уцелели кованые, покрытые ржавчиной кресты.

– Надо же! Вот, видишь как! – Аня показала на них рукой. – Нет нигде имен. Кто такие? Как прожили? Мне от этого всегда так обидно. Удивительная какая-то несправедливость в таком запустении.

Холмик – и ничего. Как жалко, что имен нет. Если человек их видит, значит вспоминает. А тебе все равно?

– Почему «все равно»? – Олег остановился возле крестов. – Мне тоже обидно. Я так не хочу. Хотя, может быть, вот так и спокойнее. Да еще на острове.

– Не, как-то лучше со своими.

Вернулись к лодке. Олег оттолкнул ее от берега:

– На нашей стороне острова уютнее. Лес да вода. А то – всю эту поруху видеть.

– Вон, вон! Гляди! – вскрикнула Аня.

Над озером летел журавлиный клин. Пять птиц отстали и пытались его догнать.

– Не курлычат! – сказал Олег. – В молчании улетают.

– А это к чему?

– Не знаю – к чему. Не курлычат – и все.

Отчалили от берега. Вода была тихой. На середине озера кружили чайки. Высматривали стайки малька, кидались вниз и поднимались, часто взмахивая крыльями.

– На обед лапшу с уткой сварим, – предложил Олег. – Будешь есть?

– Мне не очень почему-то хочется. Я лучше чай с бутербродами.

– Как хочешь.

– Можно, я вечером с тобой на рыбалку поеду?

– Одна не хочешь оставаться? Из-за кладбища?

– Не из-за этого. Там же – кресты. Я таких мест не боюсь. Страшно, когда темень кромешная и лес.

У тинки Олег попробовал бросить спиннинг. Блесна полетела чуть дальше, зацепилась за камышину.

– А как этой штукой рыба ловится? – удивилась Аня.

Лодка подошла к зарослям камыша. Олег намотал свободную леску на катушку спиннинга, опустил руку в воду и вырвал со дна длинный стебель с зацепившейся за него блесной.

– Вот видишь. – Он показал блесну Ане. – Я эту штуку забрасываю, а щука ее в воде увидит и схватит.

– У, это какую же дуру надо найти, чтобы она железяку по доброй воле схватила.

Поплыли вдоль камышовых зарослей. Олег бросал спиннинг с десятков раз. Вытаскивал из воды стебли зацепившихся за крючки водорослей. Бросил в очередной раз и почувствовал, что опять зацепил. Стал наматывать туго идущую леску и надеялся, что блесна вырвется из тины. Метрах в десяти от лодки на поверхность из воды выскочила щука. Резко повела в сторону, изогнулась, чуть было не достала хвостом до лески, ударила по воде. У самого борта лодки щука кинулась вперед, будто хотела намотать на себя леску, и обессилила. Олег схватил рукой металлический поводок повыше блесны, и перекинул рыбину в лодку.

Аня вскрикнула, поджала под себя ноги, резко облокотилась о борт лодки.

– Тише ты! – буркнул он. Подтащил щуку к себе, стал рассматривать, как ловчее вытащить из ее пасти тройник и довольно сказал: – Граммов восемьсот будет. А может и больше.

– Я думала, за ноги схватит, – растерянно говорила Аня. – Сколько тут всяких напастей.

Ночью задул сильный ветер. Заставил лес протяжно загудеть, затрепал прибрежный камыш. Поползли тучи – низкие и густые. Похолодало, и время от времени принимался барабанить по воде дождь.

Под ветер и дождь текли два последующие дня. Аня мерзла, время от времени пряталась в палатку. Олег жег костер. Сидел возле него на бревнышке, кутался в плащ и смотрел то на сизый горизонт широкого, открытого пространства, то на огонь в березовых сучьях.

Подходила Аня. Садилась рядом, прижималась, положив голову ему на плечо. Он спрашивал:

– Ты ничего? Согрелась?

– И ветер, и облака, и безлюдье такое, – говорила она. – Как-то от всего этого немножко тревожно.

– А мне – наоборот. Удивительный какой-то покой. И от сизого неба, и от простора. Ни о чем не думается. Даже о работе.

– Понятно, что и обо мне...

– Ты же рядом.

– Все равно.

К вечеру ветер стал тише, и в облаках засинели просветы. Олег сказал, что поедет охотиться к берегу.

– Так далеко? – спросила Аня. – А почему здесь не хочешь?

– Не летает утка. А там, – он показал рукой, – болота. Она в них держится.

– А как я одна буду?

– Чего тут страшного? Нет же никого. Я вернусь, как смеркаться начнет.

Он выгребал против несильной волны. Смотрел, как отдаляется их островок с алой палаткой над желтой полосой густого камыша. Лодку относил чуть в сторону, и алое пятнышко потерялось среди леса.

У берега буйно росла осока и высокий, раскидистый кустарник. Олег причалил среди больших кочек, вышел на нетвердую болотистую землю. Под ногами захлюпала вода.

Вдоль берега он прошел километра два. Только однажды далеко впереди, над лесом мелькнула стайка уток. Пора было возвращаться.

Но поплыл не к острову, а вдоль берега, к зарослям камыша вдали. Из-за кустов выскочила тройка чирков. Стрелять пришлось, когда стайка была над осокой. Последняя птица падала камнем в траву, совсем недалеко от воды.

Он искал ее с упорством и азартом. Вроде бы упала у самого края, и место он успел приметить. Но птицы не было. Начинало темнеть. Наконец, он понял, что искать бесполезно.

Поднялся сильный ветер. Дальний берег и островок среди озера слились в сплошной темной полосе под еще светлым небом.

Олег старался держать направление, то и дело оглядывался, искал глазами алое пятно среди леса. Из-за густых облаков совсем быстро потемнело. Он стал грести быстрее. Оглянулся в очередной раз и заметил впереди стену камыша. Но то ли остров, то ли берег. Не понять. Ветер мог снести лодку в сторону.

Плыл вдоль камыша, вытирал рукавом пот со лба. Вглядывался в темень впереди, но не мог ничего различить.

Огонек он заметил совсем далеко, в той стороне, откуда плыл. Подумал, что на берегу кто-то разжег костер. Не верилось, что там мог быть их остров. Но рядом тянулась сплошная стена камыша. Даже деревьев за ней не было видно.

Он проплыл вперед еще с километр, понял, что это бесполезно и повернул назад.

Послышался крик. Но слова остались неразличимы. Чуть позже померещилось: «Олег! Олег!» Проталкивал лодку сквозь камыш, видел впереди мельтешение костра и крикнул:

– Аня! Аня!

Она подошла ближе к лодке. Закрыла лицо ладонями и разрыдалась.

– Не надо! Не надо! – твердил он, пытаясь поцеловать ее. – Я же говорил, что приплыву, как стемнеет. Ну, поплутал! Совсем немножко.

– Я думала: что-то случилось, – говорила она, всхлипывая: – Я все передумала. Здесь ничего нельзя. Ни поплыть, ни позвать. – Она опять заплакала.

– Ну, не надо, – говорил он, прижимая ее к себе. – Я же здесь. Я больше не поплыву так далеко. Успокоилась? Да?

Ночь была холодной, с ветром и дождем. Над палаткой гудели деревья. Слышался плеск воды у берега.

Олег почувствовал, что Аня не спит, спросил:

– Ты, наверное, замерзла? Подвинься поближе.

– Не, сейчас уже ничего, – с хрипотцой ответила она.

– Горло застудила?

– Может, сорвала голос, когда кричала. И низ живота еще разболелся.

– Давай тебя погрею.

– Не надо. – Она попыталась отвернуться. – Ой, правда, у тебя руки такие теплые.

– Знаешь, поедем завтра домой, – предложил он.

– Так вдруг? А твой отпуск?

– Пожили на озере, рыбу половили, хватит.

– Но ведь ты еще хотел.

– Не, пора, – ответил он и подумал: «Не буду же я ее здесь в холоде мучить».

Утром в последний раз разжигали костер. Варили кашу в котелке и пили чай из озерной воды. В непонятной спешке собирали палатку и рюкзаки. Погрузили вещи в лодку. Аня посмотрела на опустевшую поляну:

– Странно, но так обидно отсюда уезжать. Как будто со всем успели свыкнуться.

К дому егеря они добрались только к вечеру. Автобус к станции давно ушел. Надо было ночевать в деревне.

– А чего расстраиваться-то? Чего? – Дородная, словоохотливая егерша стояла на ступеньках высокого крыльца: – На терраске у нас остановитесь. Чайку с утра попьете, да поедете. А хотите, вон, в бор, за брусникой еще успеете. Наберете, сколько захотите.

Егерша кормила их горячей картошкой. Рассказывала, что муж наловил с утра рыбы и подался на базар. Расспрашивала об их житье на острове и качала головой – то удивленно, то понимающе:

– Конечно, хорошо поехать ягоды пособирать и порыбачить. Но в палатке, да на земле? Ой, я бы не смогла. У меня осенью и зимой – вон любимое место! Лежанка за печкой!

Олег лег спать на железную кровать у террасного окна. Аня и хозяйка долго сидели на кухне и тихо разговаривали.

Утром хозяйка дала им в дорогу вареной картошки и соленых огурцов. Попрощались. Хотели уходить. Хозяйка обняла Аню, из-за чего-то расплакалась и махнула рукой на прощание.

Шли к автобусной остановке. Олег спросил:

– И о чем это вы с хозяйкой полночи болтали?

– Так, обо всем. У нее дочка в Москве. В техникуме учится. Она за нее боится. Жить, говорит, очень тяжело стало. Тревожные какие-то времена.

Глава четвертая

Вечером двадцать первого сентября в «Новостях» зачитали президентский указ об отмене конституции и разгоне парламента. Олег стоял перед телевизором с чашкой в руке, нагнулся, чтобы сделать звук громче и плеснул чай на пол. Раздался телефонный звонок, и Аня быстро заговорила:

– Алло! Ты слышал? Да? И что же теперь будет? А я не верила, когда ты об этом говорил. Я думала, что ты выдумываешь. Но они сейчас будут между собой договариваться? Да?

– Не знаю я ничего... – ответил Олег. – Я сам с дуру надеялся, что обойдется.

– Мне сегодня на работе показали газету. Представляешь, такие известные люди подписались под обращением к президенту о разгоне парламента. Даже поэты. Они-то почему не видят, как это противно – если одни будут понукать другими.

– Это-то – ладно, – проговорил Олег, – как бы до стрельбы теперь не дошло.

– Ну, ты сразу о таком! Ты всегда все утрируешь.

– На днях по телеку одного музыканта показывали. Он кричал Ельцину: бейте их, бейте!

– Я видела, – ответила Аня. – Он просто злой.

– А Пливецкая обращение подписала?

– Она – да. Она – тоже злая.

Борька стоял на лестничной клетке у подоконника, взъерошенный больше обычного. Пожал Олегу руку и продолжал говорить курившему рядом Веселову:

– Нет, я твоей логики понять не могу. Ну, как же так – «ничего особенного не произошло»? Была возможность эволюционного развития! Теперь-то нет! Теперь одна сторона ломит свое! Так или не так? Какой бы конституция ни была, но она давала возможность находиться в определенном поле. А теперь, вместо поля все – в этом самом месте!

– Была – одна, будет – другая! – отмахнулся Веселов. – Какая разница? Ты ту не читал, и эту – не прочитаешь.

– Не буду! – охотно согласился Борька. – Но если можно одну в корзину выбросить, то чем другая лучше? И что после этого останется в голове у всякого сержанта милиции, к которому мы по грешному делу можем угодить? А? Если президенту можно, то почему сержанту нельзя?

– Но послушай! – Веселов заговорил медленно и обстоятельно. – Должен же в стране, наконец, быть порядок, а не бардак! Должны же быть реформы?!

– Андрюша! – воскликнул Борька. – А помнишь старые, добрые тоталитарные времена! Что ты мне тогда про законы говорил? Надо их соблюдать или не надо?

– Они могут и устареть! – Веселов махнул рукой с окурком. Пепел полетел ему на брюки и стал его стряхивать.

– Ну, какие законы устарели? – спрашивал его Борька. – О приватизации – и то закон есть.

– Вообще-то я не пойму, чего вы так переполошились. – Веселов пожал плечами. – И у нас всё должно быть как у всех.

– Это ты серьезно? – Борька помолчал. – Ты думаешь, что человек, разогнавший парламент, будет без дураков демократию разводить? Не, братец. Не для того перевороты устраивают. Конституционный суд принял постановление об отрешении президента от должности? Принял? А *ваши* на это дело внимание обратят?

– Ну, а что это решение значит?

– Вот, я и говорю, что демократы вы все еще те...

Олег вышел из метро «Краснопресненская» и повернул к стадион. Лил дождь. Было темно. На троллейбусном круге стояли милицейские машины. Переулок к Верховному Совету перегораживал неровный милицейский строй. Перед ним теснилась толпа с зонтиками. Высокая молодая женщина в темном плаще громко и назидательно говорила милиционерам:

– Конституция – это закон прямого действия!

Милиционеры поглядывали на толпу с удивлением, молча слушали, покашливали и обдавали стоявших в первом ряду стойким запахом перегара. Время от времени перед их строем пробегал коренастый толстенький майор и недовольно поглядывал на свое подозрительно покрасневшееся воинство.

В толпе громко говорили: что за новости? С какой стати теперь по улицам не пройти? И когда такое бывало? Дождались под разговоры о свободе! Но было не столько раздражение, сколько недоумение – на дурь происходящего.

– Вам-то самим эта власть нравится? – спрашивал милицию пожилой мужчина.

Один из милиционеров, будто дремавший, приоткрыл глаза и рывкнул:

– Хватит орать на самое ухо! Я бы сейчас лучше дома сидел, а не тут с вами...

Вроде бы мильтоны, как мильтоны. Такие всегда стояли у стадиона в «Лужниках». Ловили выпивох и не давали толкаться у входа в метро. Им кричали: «Ну чего? Врезал наш „Спартак“ вашему „Динамо“!» Они пожимали плечами, говорили: «Нам-то, что? Мы не болеем!». С виду вроде бы все те же, но уже не подойдешь и не спросишь, как пройти. То ли надменность в них от приближенности к власти, то ли сознание собственного сытого превосходства.

Те, спокойные и пьяненькие были только в первый день оцепления. Их сразу убрали. Заменяли угрюмыми и молчаливыми солдатами из внутренних войск. Мальчишки в шинелях глазели на улицы огромного города и высотку у метро, на густую толпу и гадали: что же вдруг произошло, если им приказали защищать кого-то неизвестного им от этих тетей и дядей, стариков, старушек и своих сверстников?

И тогда перед толпой появились другие – в белых касках, черных куртках, с дубинками в руках. Они знали, что не принадлежат себе и ринутся вперед с первым криком команды и с неприязнью разглядывали тех, кто теснился перед их шеренгой и не обращал внимания на приказы «Разойдись!». И раскалявшая их злоба была сродни стародавней ненависти продавшихся в кабалу к свободным.

В тот вечер кордон милиции стоял у метро «Баррикадная». Дальше не пускали. Толпа гудела и возмущалась. В ответ хрипел и огрызнулся милицейский мегафон.

Вдруг милицейская цепь сдвинулась с места, разделилась и разошлась по сторонам. Толпа притихла, разглядывая открывшееся пространство улицы. Несколько человек вышли вперед, зашагали по брусчатке вниз, к зоопарку. Толпа устремилась за ними. И тут от стены кинотеатра отделилась цепь ОМОНа. Те, кто успел перебраться через ограждения и выскочить на тротуар, видели, как падают на мостовую люди из толпы, оглушенные ударами дубинок, как лежащих бью сапогами, не разбирая ни возраста, ни пола. И все это здесь – в городе, где родились и выросли, на улице, по которой гуляли! Вот уж, на их памяти невиданное и неслыханное по жестокости и маразму.

На работе было, как в отпускной период. Даже в курилке никто не собирался, будто за эти бурные годы успели все выяснить и обговорить.

Неожиданно появилась Ирина. Плотно прикрыла за собой дверь, села напротив и спросила:

– Ну и чего, бывший возлюбленный? Как отпуск провели?

Говорила она вроде бы равнодушно. Он мельком взглянул на нее. понял, что она обижена. Но выяснять отношения было бы ни к чему и он ответил:

– В отпуске рыбу ловил.

– А где?

– В Ярославской области.

Она полезла в сумочку за сигаретами. Искала глазами пепельницу на столе.

– Тоже в отпуске была. На острове жила. Мы по нему на «молли» катались.

– Это что такое? – не понял Олег.

– Машинка такая маленькая. Ездят на ней, когда в гольф играют. Слушай, а что ты обо всех этих событиях думаешь? Чем закончится?

– Не знаю, – ответил он, помолчав.

– Ты там, у Белого дома бываешь?

– Был. Посмотрел на современную жандармерию.

– Братец мой такой довольный последние дни ходит. Говорит, что в правительстве перетасовки будут, и ему вроде бы что-то светит. А мои все клиенты перепрыгались. Никаких заказов нет. Хочешь, пойдем ко мне пообедаем.

– Нет, не пойду.

Она помолчала и встала со стула:

– Тогда, пока.

Борька сидел за столом угрюмый, будто только что с кем-то поругался. Посмотрел на Олега и сказал:

– Сегодня в голову ничего не лезет. Какое-то дурацкое настроение. Я даже шлепнул пару рюмашек, чтобы развеяться. Хочешь, налью?.. Как хочешь. Хрень какая-то происходит. И Веселов меня своими разговорами опять завел.

– Охота тебе с ним отношения выяснять.

– Просто интересно! Как это можно на черное говорить белое и даже не морщиться.

– Был там – у Белого дома? – спросил Олег.

– И не пойду. И так все ясно.

– А я был.

– Не рассказывай. – Борька махнул рукой. – А вчера по телеку какое-то сборище на Манежной площади показывали. Толстая тетка кричала в камеру: «Расстрелять этот Верховный Совет мало!» О чрезвычайке восемнадцатого года размечталась.

От Трехгорного вала Олег добрался до Рочдельской и свернул в переулок. Два раза дорогу перегораживали милицейские кордоны. Через первый его пропустил пожилой милиционер; второй пришлось обходить дворами. Протиснулся между гаражами, ступая по доскам и битому кирпичу, и оказался у ограды детского парка. Три милиционера стояли метрах в двухстах возле калитки. Из ближайшего двора вышли двое парней. Огляделись и быстро полезли на ограду. Олег бросился за ними. Ребята спрыгнули вниз, а он засуетился, зацепился полкой плаща за металлический штырь и разорвал подкладку.

Над Домом Советов на фоне дымчатого сентябрьского неба развивались два полотнища – золото-бело-черный императорский штандарт и красное знамя. На площади у входа в здание стояла редкая толпа, – старики и молодые, много женщин, парни в зеленом камуфляже, пожилые офицеры в форме, мальчишки. Шел митинг. Выступали депутаты и политики. Один из них говорил:

– Сегодня ночью к нам попыталась прорваться подмога. Но напоролась на ОМОН. Все двадцать два человека избиты. Двое с сотрясениями мозга.

Выступал знаменитый актер из МХАТа имени Горького:

– Я сейчас здесь, потому что оскорблен и возмущен происходящим, как и вы...

Горбатый мост перегораживала баррикада из труб, камней и железных бочек. Было много знамен – императорских и советских. В нескольких десятках метрах, на другой стороне улицы стояло густое милицейское оцепление.

Митинг закончился. Стало тихо. День был прохладным и светло-облачным. И если смотреть вдаль, все было, как всегда. Знакомые дома на набережной, чуть левее – высотка на Смоленской площади. И тут, совсем рядом – военные грузовики, солдаты, баррикада.

На площади раздавали листовки и торговали старыми газетами. Новых не было. Ближе к детскому парку на газоне стояли палатки. Над некоторыми висели плакатики с названиями городов – Ленинград, Воронеж, Кемерово, Тула, Елец. У одной из них средних лет женщина печально говорила:

– Но почему же вас тут так мало сейчас! Когда у нас в Приднестровье наша судьба решалась, люди себя по-другому повели.

Вокруг Дома Советов двинулся крестный ход. Впереди степенно шел молодой священник, за ним – женщины с маленькими иконками в руках. Тихо запели. В белой куртке с поднятым воротничком и светлой косынке среди них шла Аня.

И все было так переплетено – злоба и животное желание отодрать от мира кусок пожирнее, и человеческое понимание своего жития и зыбкости происходящего, и дорогое право иметь свою веру и убеждение. Но даже сознание этой зыбкости не могло раздавить в нем радость оттого, что есть на белом свете его время и эта девушка, которую он нашел для себя, и его удивительно светлая нежность к ней.

Крестный ход прошел по набережной до милицейского оцепления, стал подниматься ближе к зданию. Аня чуть повернулась, наклонив голову, и было видно, что она что-то шептала.

Олег тихо подошел к ней и тронул за руку. Она едва взглянула в его сторону, тихо сказала:

– Я знала, что ты здесь.

– Ты как сюда попала?

– Я вокруг все переулки знаю. Вроде бы здесь должно быть очень тревожно, как в крепости. А на самом деле – как-то умиротворенно. И лица такие печальные, как будто знают – о том, что было, есть и будет.

– Никто не знает ничего, – ответил Олег.

– Нет, что-то очень важное здесь происходит, – быстро говорила она. – Я не знаю, как сказать. Может быть, я сама плохо понимаю. Но вот тут – белые и красные рядом. Будто окстились, и друг другу обиды забывать стали.

Вечером по петербургскому телеканалу показывали снятые накануне в Москве кадры разгона демонстрации на Пушкинской площади, – человек в милицейской форме за волосы тащил по асфальту женщину. Сразу после передачи выступил телевизионный чиновник и с задумчивым видом стал объяснять, что журналисты все преувеличивают, а пленку сняли несколько месяцев назад. Больше о происходящем в Москве не говорили ничего.

Среди ночи Олег проснулся и почувствовал, что не заснет. За окном было тихо, даже машины по улице не проносились. И в этой тишине пришло чувство, что прежней жизни уже не будет. Та, прежняя с ее представлениями о дозволенном и недозволенном оказалась разъеденной злобой и враньем. У той, прежней, оказалось так мало защитников, так мало тех, кому она была нужна.

Олег вытирал лицо ладонью, ворочался на постели и старался думать, что может быть все и не так безысходно, что может получиться по-другому. Но сам в это не верил.

Утром он столкнулся у подъезда с Пашкой. Сосед стоял у тротуара, широко расставив ноги, нагло ухмылялся и теребил в руках свернутую в трубочку газету:

– Не видно тебя чего-то. Уезжал, что ли? Нет? Думал, куда это ты пропал. Про тебя пару раз Эммануилович вспоминал. Ну, этот, с которым ты в доме отдыха травил про разные философии. Спрашивал, откуда это ты там взялся? Задел ты старика. Хе-э! Хорошо ты его тогда мордой об стол, хорька лопоухого. А то все из себя чего-то корежит. Мне от него вчера два раза звонили. На их сборища зазывали. Нет уж, сначала посмотрим, чем эта заварушка закончится. А эти, лопоухие, глядишь, еще и в лоб получают. Я у них был на одной сходке. Один тип так и сказал: этот Верховный Совет хуже, чем коммунажный. Если бы там одни коммунаги были – это полдела. А он ещё тем душком отдает.

– Это кто такое сказал? – спросил Олег.

– Ну, там кто-то... Из их братии.

На «Октябрьской» Олег вышел из вагона метро и сразу оказался в густой толпе. Поезд оторвался от платформы, резким гулом забил на мгновения шум сотен голосов. Людская масса опять загудела, стала прессоваться у эскалаторов. Многие пошли наверх пешком.

Площадь перед входом в метро и начало Ленинского проспекта были заполнены народом. Олег свернул влево, к Крымскому валу. Пролез между стеной дома и киоском по грязи и мусору и прошел по тротуару ближе к Парку Горького. Молодая женщина стояла у края мостовой, а девочка держала ее за руку и говорила:

– Ну, пойдем! Ты обещала! Работает карусель!

Олег заметил, как лицо женщины вдруг стало меняться, и обернулся. Толпа попятилась от Якиманки и начала сжиматься. На улице выстроилась цепь омоновцев в черных куртках и белых шлемах и двинулась вперед. Трещал мегафон. Но разобрать можно было лишь отдельные слова.

От злорадного грохота дубинок о металлические щиты толпа сжалась еще сильнее. Рывкнул мегафон. Ударили по щитам омоновцы. Толпа застыла, будто оторопела. Но вдруг охнула и резко качнулась.

Цепь ОМОНа разорвалась и откатилась к Якиманке. Людской поток устремился по Крымскому валу и сбил первый милицейский кордон. Движение толпы усилилось. Она уже приближалась ко второму кордону, а площадь еще была переполнена. Омоновцы оказались рассеченными на две группы, прижатые к парапету моста. Драка была скоротечной. Несколько человек в милицейской форме спрыгнули вниз на газон и побежали к входу в парк. Им на подмогу выскочили из-за киосков человек десять в штатском и кинулись на демонстрантов.

Толпа бежала по Крымскому мосту – мужчины, женщины, старики, дети. Поперек дороги стояли два милицейских газика. Несколько человек попытались перелезть через них. Пожилой мужчина спрыгнул на мостовую, крикнул парню:

– Флаг! Флаг мой подай!

У перил моста стояли два перепуганных солдатика – в бронежилетах поверх шинелей.

– А почему нас не пускали? А? Почему? – строго говорила им пожилая женщина в темной косынке.

– Нельзя вам туда, – сказал один из солдатиков.

– Как это нам нельзя? Это кто вас такому научил? – спрашивала женщина.

На мосту остались несколько групп солдат. Стояли, побросав металлические щиты и, ничего не понимая, глазели на людской поток. Омоновцы сбежали по боковым лестницам на набережную, уходили подальше, посматривая, не бросятся ли их догонять.

У метро «Парк культуры» на тротуарах стояли прохожие, смотрели на запруженную народом улицу, спрашивали, куда идут.

На подходе к Зубовской площади впереди закричали:

– «Черемуха!» «Черемуха!»

Шедшие впереди остановились. Но сзади толпа напирала. Олега толкали. Он попытался выбраться к тротуару, но не смог. В воздухе сильно пахло гарью. С Зубовской доносился рокот работающих моторов.

Парень в зеленой куртке забрался на крышу ларька и кричал:

– «Поливалка» развернулась! А-а! Вперед поперла!

Парень еще что-то кричал, а толпа двинулась вперед. Пожилой мужчина в плаще потерял ботинок. Попытался растолкать встречный поток и повторял:

– Где? Сюда! Мне его! Мой!

На Зубовской стояли несколько крытых брезентом военных машин. В кабине одной из них сидели солдаты. Из толпы им кричали, чтобы выходили, и грозились выбить стекла. На газоне у тротуара лежал на спине седой мужчина. Рядом с ним стояла молодая женщина с разбитым в кровь лицом.

ОМОН отходил по Калининскому проспекту к центру и по Садовой – к Площади Восстания. Мальчишка лет пятнадцати стоял посреди улицы и орал:

– Они прятаться, прятаться побежали! В посольство!

У мэрии ударили автоматные очереди. Толпа заныла, закричала женскими голосами, бросилась к скверу на другой стороне улицы. Олега толкнули. Он отлетел к тротуару, полез через низкий кустарник, царапая лицо и руки. Оглянувшись, увидел, что на мостовой остались лежать люди.

У гостиницы «Мир» толпа разоружала солдат из внутренних войск. Стаскивала с них бронежилеты, отнимала щиты. Кто-то закричал:

– А-а! Ранен! Ранен!

И сразу несколько голосов:

– Снайперы! Снайперы! На мэрии! На крыше!

По Калининскому бежали люди. Возле мэрии загудел грузовик. Зазвенели разбитые стекла. В здание бросились несколько человек.

Дом Советов был окружен кольцом из военных грузовиков и поливальных машин. Перед ними поблескивающей, полупрозрачной змей была растянута спираль колючей проволоки. Ближе к мосту ее сумели разодрать. Девчонка в сиреновой шапочке и мужчина в темной куртке и шляпе пытались оттащить ее в сторону. Проволока цеплялась колючками за асфальт и противно лязгала.

– А где ОМОН? Где? – кричал пожилой мужчина. – Они инвалида на Смоленской площади убили.

Олег прошел вдоль Дома Советов свернул к Рочдельской. У потухшего костра сидели два полусонных парня. Перед ними стояла маленькая женщина в длинном пальто и говорила:

– Разбежались все! И милиция и генералы! Мы сюда вот откуда – от Октябрьской площади приперли. И все бегом да бегом!

Парни смотрели на нее недоверчиво и переглядывались.

– Правда, нет вокруг никого, – подтвердил Олег.

У гостиницы «Мир» раздалась короткая автоматная очередь. Женщина с испугу пригнула голову, а один из парней выкрикнул:

– Во! И не разбежались!

Проход на Рочдельскую был перегорожен грузовиками. Олег полез на капот одного из них. Ребята у кострища встали и подошли ближе.

За машиной стояли два солдатика-водителя, курили и озирались по сторонам. Больше никого не было.

– Р-авняйсь! Смирно! – заорал Олег. – Кто такие? Как имущество бережете?

– А чего случилось-то? – боязливо спросил один из солдат.

– Чего случилось? – переспросил Олег. – Одно только ясно – разбежалось все ваше начальство.

– А куда нам? – спросил второй солдатик.

– Идите лучше куда-нибудь подальше отсюда, – посоветовал Олег.

Аня чмокнула его в щеку и спросила:

– Откуда ты такой растрепанный? Я тебе с утра звонила.

Он снял куртку, посмотрелся в зеркало:

– Даже не знаю, что ответить... Откуда я...

Они обедали в большой комнате за накрытым белой скатертью столом. Олег жевал макароны и рассказывал, как они бежали по Садовому кольцу и Калининскому, как по толпе стреляли из здания мэрии.

– Но ведь это не были какие-то там беспорядки? – спрашивала Аня.

– Нет, наверное.

– А все те, кто собрался там, они были озлоблены? Они хотели отомстить?

– Ну, знаешь ли, радостных там не попадалось. Какая радость, когда сначала бьют, потом стреляют... Когда толпа увидела убегающий ОМОН, я подумал: ой, что будет! Я думал, их на куски могут разорвать, за все, что последние дни было, когда они женщин и стариков ногами пинали.

– А что дальше будет? – спросила Аня.

– В этом-то все и дело.

– Но если колючей проволокой оцепили парламент, это же переворот! – Она смотрела на него большими, растерянными глазами. – И если теперь все увидят, что люди освободили парламент, то армия не сможет защищать Ельцина. И все это должны сказать по телевидению. Да? Тебе верится, что все хорошо закончится?

– Мне? Как тебе сказать... Хотелось бы, чтобы дальше была нормальная жизнь. Но ты видишь, сколько кругом истеричных. И они все что-то да ненавидят.

– Что ненавидят? – не поняла она.

– Кто – что... Кто-то считает, что не в то время родился и не от тех родителей. Кто-то – что не в той стране. И всем им что-то недодали. Всю жизнь виноватых в этом ищут.

– Слушай, а почему ты сегодня туда пошел? – спросила Аня.

– Ну, вранье не может же быть навсегда. И чувство, что какая-то страшная сила на нас накатилась. Не один я это почувствовал. Поэтому и стали у Верховного Совета собираться. Даже забыли ему, что он роспуск Союза поддержал.

Первый канал телевидения не работал; по второму объявили, что в Останкино идет митинг, а они выходят в эфир из резервной студии. Дальше понеслось про молодчиков у телецентра. Один за другим на экране появлялись известные либералы и демократы, кричали: «Где войска?!», «Почему нас не защищают?!». Заявляли, что в Москве – попытка переворота, и что в город надо срочно ввести армию.

– Вот так все и раскручивается, – сказал Олег.

– А почему митинг в Останкино? – спросила Аня.

– Наверное, парламент хочет обратиться к стране.

– Почему же они парламенту слова не дают?

– Сегодня по людям стреляли, – говорил Олег. – А ты спрашиваешь, почему слова не дают!

– Но если сейчас кто-нибудь выступит и все людям объяснит?

– Я, наверное, опять к Верховному Совету пойду, – сказал Олег.

– А я? Я с тобой!

Олег помолчал и ответил:

– Ты дома сиди. Ладно? В тылу! А я тебе буду звонить и докладывать об обстановке.
– Почему ты меня не хочешь с собой брать? Мне тут одной страшно будет.
– Не будет! Я же тебе говорил! Чтобы сюда прийти, я через машины перелезал. А сейчас – неизвестно что в городе. Ты готова получить по спине, ни за что, ни про что, резиновой дубинкой? Тогда сиди дома!

– А ты?

– Со мной ничего не будет! Я чуть что – в переулок.

– И я с тобой – в переулок. – Она встала и пошла к двери.

– С тобой только одна морока будет.

– Тогда и ты никуда не ходи. – Она выглянула из коридора.

– Я пойду, посмотрю и вернусь. – Он старался говорить спокойно. – А если поздно будет – пойду домой, а тебе позвоню.

– Ну, вот еще! Обязательно приходи ко мне! Я тебя ждать буду.

– А вдруг будет поздно?

– Все равно. Я спать не буду, пока ты не придешь. Я тебя дождусь. Ладно?

Она подошла к нему и обняла за шею.

– Ты меня как на фронт провожаешь, – Олег сказал. – Я просто посмотреть – как да что. И обратно.

– Ко мне!

– Хорошо! Ну, вот еще! Только плакать по этому поводу не хватало! Ну, пока!

Вечер был, будто совсем обычный. По улице Заморенова шли прохожие и ехали машины. Пресненские переулки успели опустеть. Горели фонари. Чернели проемы подворотен.

Площадь между детским парком и Верховным Советом была заполнена людьми. Стояли кружками, обсуждали события. Один из депутатов разговаривал с мальчишкой-корреспондентом. Из толпы спросили:

– Что в Останкино?

Депутат ответил, что обратиться к стране по телевидению парламент не смог.

– В Останкино всю стрельба идет! – выкрикнули из толпы.

Депутат показал на гостиницу «Мир»:

– А вот там сегодня огнеметы нашли! Зачем, спрашивается, их сюда притащили?

Олег прошел ближе к Рочдельской. Увидел у костра одного из тех парней, которые дежурили днем. Присел на ящик, сказал:

– Я тут после прорыва через машины перелезал. Возле них солдатики стояли.

– А, это ты! – ответил парень. – Меня днем сморило, задремал маленько, а тут прибегают, кричат...

– Солдатики, те двое, куда делись? – спросил Олег.

– Напуганные такие были. Мы им: «Вон, отсюда!» А они: «Нам попадет, если уйдем».

Потом делись куда-то.

Пожилый человек в шляпе поправил ящик, на котором сидел, и сказал:

– Пока все разбежались. Но вот, что дальше будет?

Подошел невысокого роста человек в форме морского офицера.

– А! Петр Саныч! Давай, посиди с нами. – Пожилый человек в шляпе подвинулся на своем ящике. – Какие новости?

Офицер сел у костра и снял фуражку:

– У Останкино дела неважно пошли. По людям огонь открыли. А на Тверской эти хотят своих вооружить.

– А чего ты тогда без оружия? – спросил пожилой.

– Надо будет – возьмем, – ответил Петр Саныч.

– Чего ваши там думают? Армия на чьей стороне будет? – спросил парень – сосед Олега.

– Работаем, со всеми переговариваемся. – Петр Саныч вытащил из кармана пачку папирос.

– А где «Днестр»? В Доме? – спросил парень.

– Чего мы тут будем обсуждать – кто где? – буркнул Петр Саныч.

– Я к тебе под команду запишусь, если что, – сказал пожилой человек в шляпе. – Ты из потомственных морячков?

– Еще ты! Отец на Балтике служил.

– А в революцию? – спросил человек в шляпе.

– Мичманом был. – Петр Саныч вытянул ноги к огню и поправил полы шинели. – Матросами командовал. А в Отечественную в Мурманске морские конвои охранял.

– Мой дед священником был, – сказал парень – сосед Олега. – В тридцатые в лагере погиб.

– Ты вроде говорил, что из партийных? – спросил его пожилой.

– Я считаю, не должно быть крупной частной собственности. Ну, считаю я так! – Парень стал для убедительности размахивать руками. – И в партию сам на заводе вступил. Никто меня туда силком не тащил. А эти все из партии сбежали и в демократы записались! Я же не побегу.

– У меня в семье – два деникинских офицера – дяди отца, – говорил пожилой. – Один – погиб, второй в Сербию уехал. Потом в Чехии жил. Мне там пришлось бывать. Даже могилку искать пробовал. Я полжизни дипкурьером служил. Помню, в Париже пошли мы с приятелем в музей д'Орсе. Идем по залу с портретами середины девятнадцатого века. Смотрю на женщину на большом портрете. Какие, думаю, русские глаза! Приятелю говорю: вылитая наша! Подхожу, читаю: графиня такая-то... «La tante du musicien Rimsky-Korsakov». Тетка композитора Римского-Корсакова! Рисовал какой-то художник с немецкой фамилией. А все равно наших сразу видно.

С Конюшковской к Верховному Совету повернули две машины. Выключили фары и заглушили моторы. Олег пробирался в их сторону, а навстречу по толпе неслось: «Расстреляли! В Останкино!». Но тогда эти слова так и остались неосознанными громадным большинством тех, кто стоял на площади. «А кто, кто стрелял?», – спрашивали вокруг. «Милицейский генерал приказ отдал». «Кто?».

Ночь была тихой и холодной. Олег шел по темным, пустым переулкам к улице Заморенова. Только в редких окошках горел свет. На мусорных баках сидели бездомные кошки. Из приоткрытой форточки двухэтажного дома слышался плач ребенка.

На перекрестке Олег повернул к Аниному дому. Вдруг услышал правее, со стороны Пресненского вала нарастающий гул. Вдали под белесым светом фонарей один за другим мелькнули три бэтээра.

Пока Олег добежал до конца переулка, бэтээры успели куда-то свернуть. Но слева, ближе к метро стояла колонна военных грузовиков. Солдат не было видно. Два офицера в куртках прохаживались по тротуару у головной машины.

К ним подошли высокий мужчина и женщина в кожаном пальто и шляпке.

– Вы тут стоите, а там что делается! – выкрикнула женщина и показала рукой куда-то в сторону. – Там-то что делается! У Белого дома бандиты и фашисты людей убивают! Ваших солдат! Они убивают, а вы своих граждан не защитите! Вы же – солдаты! А своих людей бросили этой фашистской мрази на растерзание! Когда же вы будете нас защищать?!

В ее спутнике Олег узнал Григория Эммануиловича.

– И как вы можете все это стерпеть! Вы! Военные люди! – опять закричала женщина.

– Там – зверства и разбои, – сказал Григорий Эммануилович. – Там ваших солдат истязали! – Он взглянул на Олега, схватил женщину за рукав и быстро повел за собой.

Олег подошел к военным:

– Вместо того, чтобы брехунов-пропагандистов слушать, сами бы подошли и посмотрели, что за народ у Верховного Совета собрался. Я оттуда иду.

– Идешь – и вали! – Один из офицеров оглядел его с ног до головы.

– По толпе у Верховного Совета стреляли, – сказал Олег.

– Чего ты с ним трепешься? – Второй офицер злобно смотрел на Олега. – Сказано тебе было: катись отсюда! По нашей колонне еще на въезде в город снайпера шелкали.

С грохотом и вонью выхлопных газов площадь перед метро переползли танки. Повернули на Трехгорный вал, направились к набережной. Они были уже далеко, а гул так и остался в ушах.

Олег быстро пошел к Верховному Совету. На четвертом этаже Аниного дома горел свет. То ли ее окошко, то ли нет. Олег не стал останавливаться.

Начинало светать. На Рочдельской за баррикадой стояли человек десять, молча вслушиваясь в гул моторов со стороны набережной. Кто-то спросил:

– Это танки?

– На Пресне – войска, – сказал Олег. – Никто не ответил.

– А если сюда подойдут? – спросил тот же голос.

– У меня племянник – офицер, – сказал кто-то сзади. Олег оглянулся и узнал дипкурьера. – А соседский мальчишка в Таманской дивизии служит. – И что? Они не увидят, кто тут перед ними? Подъедут и посмотрят. Не, давайте это дело спокойно перекурим.

Подошли к костру. Расселись на ящиках. Кто-то предложил:

– Чаю, что ли, вскипятить?

– Я здесь – чтобы дожидаться, когда армия подойдет, – говорил дипкурьер. – Они же не идиоты, увидят, сколько народа собралось.

Пришел Петр Саньч. Постоял у костра, сказал:

– Армия в город втягивается. Пытаемся связаться, поговорить. Проясняем обстановку. А кто устал, пойдите в подъезд, подремлите.

– Уже не заснешь, – ответил дипкурьер.

«Зря я к Ане не зашел, – думал Олег. – Как-то по-жлобски получилось. Пробегал мимо и не зашел. Надо было бы хоть на минуту. И чего так заторопился?»

Набирало голубизну небо над пресненской высоткой. Забелели редкие облака. Пронеслись одна за другой две стаи сизарей.

Где-то у стадиона начал нарастать гул. Повис в воздухе и вдруг раскололся, разлетелся по сторонам в грохоте пулеметных очередей. Сухим треском присоединились к нему автоматные очереди.

Люди побежали к подъезду Верховного Совета. Грохот усилился, забил собой все пространство вокруг. Пулеметы стреляли по площади со стороны Горбатого моста.

Олег полз вдоль стены дома. Несколько раз над головой что-то звякало о гранитную отделку цоколя. «Неужели пули? – думал Олег. – Здесь, у нас, почти возле дома! Чушь какая-то...»

Пулеметная стрельба стихла. Откуда-то сзади доносились автоматные очереди. Олег лежал, прильнув щекой к асфальту, слышал удары собственного пульса в висках.

В подъезд вносили раненых. Кто-то кричал: «Быстрее вы там! Ё...». Стеклопанельная дверь была в беленьких пулевых пробоинах. В фойе первого этажа все сидели на полу. Вход на лестницу охраняли трое парней в камуфляже, с автоматами в руках.

Олег побежал вверх по лестнице. На втором и третьем этажах возле окон стояли люди, осторожно выглядывали на улицу. Олег поднялся на следующий этаж. Посмотрел вниз на

площадь. На асфальте лежали тела убитых. От Горбатого моста тянул черный дым. Со стороны детского парка тяжело и медленно шел человек. Успел сделать несколько шагов, раскинул руки и упал.

На Дружинниковской показался бэтээр. Стал двигаться к баррикаде, не доехал до нее метров пятьдесят и остановился.

Человек в черном стоял на тротуаре, почти перед бэтээром с высоко поднятой правой рукой. И вдруг показалось: вот-вот машина тронется и попятится назад. Но бэтээр резко рванулся вперед, вильнул вправо на тротуар, на человека с поднятой рукой.

Закричала рядом с Олегом пожилая женщина:

– Священника убили!

Сверху по лестнице быстро спускались вниз несколько мужчин в камуфляже. Ребята пронесли на одеяле раненого. Кто-то крикнул:

– К окнам не подходить! Снайпер бьет!

Дверь в одну из комнат была распахнута. За столом над кипой папок сидела молодая женщина в ярком желтом пальто. Посмотрела на Олега и сказала то ли ему, то ли себе:

– Я вчера вечером домой собиралась. Мне в магазин надо было зайти. И почему не пошла!

Окно комнаты выходило во внутренний дворик. Светило яркое солнце. Тень от стула тянулась по ковровой дорожке. В солнечном луче плавали пылинки.

«А куда бежать? – спросил себя Олег. – Наверх? Собственно, зачем я решил убежать? Но я не собирался ни в кого стрелять. Ни стрелять, ни убежать. А священник стоял на тротуаре с поднятой рукой. Я так потом и скажу, что он стоял с поднятой рукой».

По коридору шла женщина в бежевой куртке, заглядывала в двери и громко повторяла:

– Все от окон! От окон подальше!

Холл перед лифтом был застелен большим темно-коричневым ковром. Вдоль стен на полу сидели люди. Олег сел, вытянув ноги.

– Чего, мужики? Ща штурм начнется, к нам ко всем шубин и придет, – сказал кто-то хрипловатым голосом.

– Оружия хоть бы дали.

– У них сто шестьдесят автоматов, и все короткоствольные.

– А говорили, тут оружия до...

По лестнице спускался Петр Саныч с автоматом на плече. Ему крикнули:

– Эй, морячок! Чего огнем не отвечаете.

Петр Саныч прошелся по холлу, остановился, негромко проговорил:

– Во, ё! Так в кого стрелять? В этих, что ли, засранцев восемнадцатилетних?

– А спецназ?

– Вот когда появятся, другое дело.

– Ну, ждите.

Из коридора в холл вошел грузный милицейский подполковник из внутренней охраны в нескладно надетом бронежилете и каске набекрень. Оглядел сидящих и объявил:

– Так! Все сейфы с этого этажа вниз, к дверям!

– Что, штурм будет? – спросил парень в вельветовой кепке.

– Во, ё! А сейчас что? – отозвался подполковник.

Женщина в желтом пальто быстро встала из-за стола, показала на двустворчатый железный шкаф, задвинутый за дверь. Долго не могла найти ключи, наконец, распахнула дверцы, стала вытаскивать с полок и перекладывать на стулья толстые палки. Ей начал помогать мужчина в черном пальто. Вытащил пачку бумаг и бросил на пол.

– Да, действительно, – растерянно проговорила женщина и тоже бросила бумаги себе под ноги.

Шкаф они тащили вшестером. Парень в вельветовой кепке сказал:

– Ну, мы самый тяжелый выбрали. Здоровее не нашли! Тише, ноги не отдавите!

Волоком спустили шкаф по ступенькам нескольких лестничных пролетов. Остановились, чтобы отдышаться.

– Если эти власть возьмут, так лет на двадцать. – Седой мужчина в черном пальто снял кепку, стал вытирать лоб платком.

На лестничной клетке второго этажа стояли два милиционера из внутренней охраны, пожилой мужчина с депутатским значком и несколько вооруженных человек в зеленом камуфляже. Общими усилиями шкаф развернули и бросили вниз в груду мебели.

Один из людей в камуфляже отрывисто скомандовал:

– Ребята! За мной пошли! Со стороны набережной надо входы заложить!

Прошли по заполненному людьми коридору второго этажа, попали в большое и светлое фойе. Откуда-то сбоку им закричали:

– Куда! Дурьё! Назад! Простреливается все!

И как в подтверждение забили со стороны набережной автоматные очереди.

Из-за колонны набережную рассматривал в бинокль человек в военном плаще. Говорил стоявшему рядом мужчине в камуфляже:

– Ни... не понимаю! Чего они с набережной вон туда, правее бьют. Там же их бэтээры! И по ним бьют и по нам.

Из комнаты несколько человек вынесли тяжелый коричневый сейф. Кто-то сказал:

– Выше поднимайтесь. Тут больше шкафов нет.

Они поднялись на два этажа выше, стали заглядывать в комнаты.

Здание дрогнуло от грохота разрыва. Дернулся пол под ногами. Звенели летящие из окон стекла. С потолка посыпалась штукатурка. Запахло цементной пылью. Несколько мгновений прошли в густом гуле. И снова взбесившийся, раздражающий уши грохот обстрела.

И заклинание ненависти грозило исполниться. Подглядывали из окон, смотрели на экраны телевизоров и твердили про себя: сжечь, в факел превратить. И знали, что приказы отданы. Предвкушали, как займется со всех сторон белого здания бесноватое багряное пламя и повалит в белый свет сладковатый для них, черный дым. И наружу выйдет вся злоба этого дня. Состоится жертвоприношение идолам алчи и несправедливости, – всему тому, что было для России мерзким во все ее времени.

Их было пятеро. Они лежали на полу коридора, закрывая головы руками и вздрагивая от разрывов. Впереди, в лестничный проем с грохотом летели вниз балки и перила, сыпалась цементная крошка. Стена рядом будто нависала над ними, грозилась вот-вот обвалиться.

Вдруг все стихло. Пол еще продолжал дрожать. Не верилось, что эта тишина надолго. Впереди, с лестницы раздался хруст шагов по бетонным осколкам. Сверху спускались люди. Две женщины вели третью, с перевязанной платком головой. Пронесли раненого. Кто-то кричал:

– Не слышу! Ничего не слышу!

Удушливо запахло гарью. Среди гула донесся легкий хруст.

– Пожар наверху, – сказал человек в черном пальто, перепачканном белесой пылью. – Уходить надо.

– Внизу то же самое, наверное, – ответил парень в вельветовой кепке.

– Саш! Вставай! – скомандовал ему человек в пальто.

Парень ничего не ответил и медленно поднялся с пола.

Из разбитого окна донесся истошный крик. Человек в черном пальто выглянул во внутренний дворик, посмотрел вверх:

– На последних этажах люди остались.

В фойе Олег заметил, как человек в камуфляже пытается подползти к окну. Пополз за ним по усыпанному стеклами и белой крошкой полу, прячась за мебель. Присел на корточки и выглянул на улицу. Танки стояли на мосту, смотрели дулами пушек прямо в их окна. Набережная была забита бэтэрами. На крыше дома на углу набережной и Калининского проспекта как ни в чем не бывало сидели люди. Один из танков на мосту вдруг выстрелил. Здание опять дернулось, зазвенело стеклами. Олег убрал голову в плечи и прижался к стене.

Человек в камуфляже выругался и сказал:

– А эти-то, на крыше напротив... Хлопают в ладошки, когда танк бьет.

Олег отполз к коридору. Удивился, увидев, что его дожидаются мужчина в черном пальто и парень в вельветовой кепке.

– Чего там? – спросил парень.

Олег не успел ответить. Взрыв был совсем рядом. Заложило уши. Коридор наполнился пылью.

Они спустились по внутренней лестнице на два этажа ниже, стали пробираться в правое крыло здания. Навстречу торопливо шел мужчина, держась за руку. Отрывисто сказал:

– Снайпер задел! Не подходите к окнам.

В первой комнате на стульях вдоль стены сидели люди. Вторая была пуста. Уселись на пол за шкафом, отодвинув в сторону письменный стол.

В комнату заглянул невысокий мужчина с маленькой бородкой, спросил:

– Не знаете, может быть из подвалов по коллекторам можно выйти?

Парень в кепке ответил, что не знает. Олег сказал:

– Вряд ли. Скорее всего, все выходы перекрыты.

Сильно пахло гарью. В разбитое окно виднелось голубое небо. Летел черный пепел, ложился на подоконник, на листы белой бумаги, оставленные на столе.

Откуда-то сверху прорезался и стал быстро нарастать сильный гул. Зазвенели стекла в книжном шкафу. В окне совсем невысоко мелькнул вертолет.

– Может, наши! – вскрикнул мужчина в пальто и вскочил на ноги.

Гул отдалился, потом снова стал нарастать. Вертолет сделал над зданием второй круг.

– Не подходите лучше к окну, – предупредил парень в кепке. – А то он еще ракетой саданет.

Вертолетный гул начал удаляться и пропал совсем. На смену ему тут же пришел рваный грохот пулеметного обстрела.

И что же, завидовать всем тем, кто остался за линией этой пальбы? – подумал Олег. И даже если есть в этом какая-то подлость, что она в сравнении со всей этой происходящей сейчас подлостью? И знакомый мир оказался совсем не таким. И надо что-то решать по его поводу. Как решать, когда жизнь складывается из одного этого взбесившегося грохота?

Наверху нарастал, охватывал все вокруг мерзкий человеческому слуху, бесноватый гул огромного пожара. К синему небу тянулся из окон верхних этажей густой черный дым.

Олег поднялся с пола, вышел в коридор и распахнул дверь в комнату напротив. Под ярким солнцем через мельтешение черного пепла виднелись привычные пресненские дома. Прямо – гостиница «Мир», левее – высотка, еще дальше – здания на Садовом кольце.

Стреляли с их крыш. Стреляли те, кого он мог встречать где-нибудь здесь, на этих улицах.

Он стоял у окна и смотрел в их сторону. Ему казалось, что они его видят. Они могли выстрелить в него сейчас, в любое из этих мгновений. Но они не могли его убить. И в этом наваждении он чувствовал свое зыбкое и злое превосходство над ними.

Человек в темной спортивной шапочке, надвинутой до самых глаз, теребил рукой ворот черной водолазки и разглядывал в приоткрытое чердачное окошко то клубы густого дыма над Белым домом, то площадь перед Горбатым мостом.

За баррикадой на брусчатке лежали убитые. По тротуару пытался ползти парень в светлой куртке. Вытягивал вперед руку делал усилия подтянуться и ронял голову на асфальт.

Метрах в ста от баррикады стоял бэтээр. Из люка торчала голова в черном шлеме. Солдаты в зеленых телогрейках выглядывали из-за бэтэера в сторону Белого дома и стреляли короткими очередями. От стадиона загрохотал пулемет.

Человек поправил расстеленный на досках плащ, поднес к глазам бинокль и стал рассматривать разбитые окна Белого дома. Осколок в оконном проеме переливался на солнце голубыми и бежевыми искорками. На краю стола стоял телефонный аппарат, дальше виднелась распахнутая дверца шкафа. В следующем окне, в глубине комнаты что-то мелькнуло. Человек потянулся рукой к винтовке. Но движения в окне больше не было. Он ждал несколько секунд, вглядываясь в полумрак комнаты, и перевел взгляд на площадь. Солдаты прятались за бэтээр и постреливали. Лежал на тротуаре парень. Вдалеке, за площадью у ограды парка стоял военный и махал кому-то рукой.

И никто из тех, кто копошился внизу, не знал, что все они были подвластны и обречены: и тот, кто метнулся в комнате Белого дома, и эти олухи, палившие из-за бэтэера, и толстоватый военный у ограды. Стоило только вскинуть винтовку и прицелиться. Мир казался простым и послушным. Но чтобы он стал таким, надо было его завоевать. Вот, собственно, и вся история их спеси и гибели. И все было так просто, и так неожиданно – разрывы и пожарище здесь, в самом центре этого города.

Сильно запахло дымом. Человек подтянул молнию на куртке до самого горла. Осторожно посмотрел в окошко. Было все то же, – дымило пожарище, стоял треск стрельбы, лежали трупы на мостовой.

Подъехал бэтээр. Притормозил у лежащего недалеко от баррикады солдата. Распахнулась дверца. Парень в спецназовской амуниции спрыгнул на асфальт и нагнулся над солдатом. Попытался его поднять, но попятился назад, вскинул руку и повалился набок.

Человек в темной шапочке отодвинулся чуть подальше от окошка, с удивлением смотрел то на дома за сквером, то на лежащего у бэтэера спецназовца. Это куда же ему вцепили? – думал он. Если только под самый шлем. Надо же, собака! Ведь метров с восьмисот. И первой пулей. Вот уж доволен теперь. Тоже так хочу.

У дальнего угла Белого дома перекрестье прицела поймало круглую рожу под здоровенной, не по размеру, новенькой каске. Рожа моргала глазами и водила подбородком. Ну, что это? Неинтересно даже. Хотя бы кто-нибудь в шлеме. Все попрятались.

Он повернул винтовкой в сторону Белого дома. Медленно вел прицел по окнам четвертого этажа. Мелькнула женская голова, тут же пропала. Руки перебирали бумаги на столе. Сложили стопкой и исчезли. Опять рука! Тянет что-то к себе. Ну, вот... Он успел поймать в прицел предплечье, чуть выше локтя и выстрелил.

Последний раз она набрала номер телефона, когда совсем рассвело. Два, пять, девять... Длинные гудки. Никого нет. Оглушительный разрыв за окном, потом ещё один.

Под окном пусто, а правее по обеим сторонам улицы большущие машины. И опять грохот разрыва.

Позвонила Леночка, закричала:

– Это у вас там! Даже здесь слышно. А что в «Останкино» было! Всю ночь!

Леночка такая эмоциональная. Но Олега нет! А эти жуткие разрывы? Значит правда стреляют? А в кого? Это все-таки Москва! Здесь столько людей! Но если правда, что есть убитые? Как же все будет дальше? Как жизнь после всего этого сможет стать нормальной? У

метро – люди. И машины идут по Пресненскому валу, как ни в чем не бывало. Может быть, кругом оцепление, и Олег не смог пройти. Что это за день такой! И скорее бы он закончился.

Она стала быстро собираться. Искала платок в карманах белой куртки, поправляла волосы, взглянув в зеркало и достала из сумочки ключ. Зазвонил телефон. Леночка затараторила:

– Ой, все по телевизору показывают! Прямой эфир! Ой, что там делается!

Пощелкала переключателем, увидела на экране Дом Советов в черном, копотном дыму. Танки на мосту. Крайний вдруг дергается. И грохот сразу везде – и с экрана, и за окном. Голос комментаторши с сильным акцентом: «Там направо по тротуару ползет человек. Нет, уже не ползёт...». Опять грохот разрыва и его близкое эхо из окна.

Она быстро шла вниз по лестнице. Пожилая соседка с третьего этажа поднималась навстречу, успела крикнуть:

– Куда ты?! Там такое!..

Через двор она выбежала на соседнюю улицу. Но и там все было забито грузовиками. У одного из них стояли двое военных. Лицо первого она не видела, а второй взглянул на нее и неприятно ухмыльнулся. У переулка были какие-то заграждения. Она отодвинула их и побежала дальше. Вслед ей что-то закричали.

У подъезда двухэтажного дома стоял седой мужчина. Она смотрела на него, не заметила выбоины под ногами и оступилась. Он неловко попытался подать ей руку не дотянулся и взглянул удивленно и растерянно.

Она подбежала к церкви. Правее, от Дома Советов вырвался, ударил в уши жуткий грохот. Она кинулась вперед, к церковной ограде, прижалась к ней и после ещё одного разрыва побежала по переулку.

На улице Заморонова у стен домов стояли и сидели на корточках люди в касках. У края тротуара среди военных, подняв вверх руки, стоял высокий худой парень в выцветшем синем свитере, перепачканном на груди кровью.

Задышавшись, она дошла до стадиона. И тут все вокруг загудело. Ударил в уши страшный треск поднявшейся стрельбы.

Она пригнула голову, бросилась подальше от военной машины и выбежала на мостовую. Перед ней был большой и нескладный темно-серый дом, построенный на месте домика с мезонином. Она повернула на Конюшковскую и побежала вдоль бетонного забора пресненского стадиона.

Ветер относил дым пожарища. На крыше Дома Советов над багровыми языками пламени реяли на прощание красный советский флаг и золото-бело-черный императорский штандарт.

Человек в темной спортивной шапочке тербил ворот водолазки и смотрел на горящий дом. Светило солнце и, стремясь закрыть его, тянулся по небу длинный черный шлейф. За бэтээром сидели на мостовой, перекуривали солдатики. У баррикады лежал труп врача в белом халате. На стадионе, у бетонной стены стояли под дулами омовских автоматов три десятка раздетых по пояс баррикадников.

Хорошо бы, чтобы к вечеру нас отсюда убрали, думал человек в спортивной шапочке. Посидеть в кресле, выпить приличного коньяку, поболтать с ребятами. Тот, кто срезал спецназовца под шлем, будет выпендриваться. И черт с ним. Мы тоже стреляем не хуже.

И он опять стал вглядываться в окна горящего дома.

По завоеванному им миру, по городу в черном дыму своевольно бежала девчонка в белой куртке. Стихли разрывы, не слышны были автоматные очереди. Только треск пожара и черный дым в вышине. На девчонку смотрели с верхних этажей пресненской высотки и сквозь разбитые окна Дома Советов.

Она бежала, задыхаясь и давясь холодным октябрьским ветром, чуть отстранив руку, будто старалась защититься. Откуда-то, совсем издалека, еле различимо донеслось до нее: «Аня! Аня!». Она остановилась на мгновение, оглянувшись, что-то прошептала и опять повернулась к огромному, воющему перед ней пожару.

И распятая в перекрестье прицела, успела сделать еще несколько шагов.

Пуля пробила воротничок куртки и разорвала артерию на шее.

Она опустилась на асфальт, уронив голову на грудь, коснулась рукой шершавого камня у края мостовой. И трех последних ударов сердца хватило, чтобы подумать: «Так что же? Кроме этой боли ничего не будет? Она навсегда?»

И все иное было на этом страшном белом свете уже без нее.

Олег вернулся в комнату и сел на пол у шкафа.

– Что вы так побледнели? – спросил человек в черном пальто. – С сердцем что-то?

– Нет, вроде, – ответил Олег и подумал: «Какая теперь разница!»

– А что на улице? – спросил парень в вельветовой кепке.

– Солдаты, бэтээры...

Человек в черном пальто протянул руку, представился:

– Петровский Владимир Сергеевич!

– А я – Александр. Просто – Саша. – Парень в вельветовой кепке тоже протянул Олегу руку: – Будем здоровы. То есть знакомы. Тут все перепутаешь.

– Здоровыми тоже хорошо бы остаться, – заметил Петровский.

Донесся сильный грохот. Со скрипом отворилась дверца книжного шкафа.

– Судя по всему, положение у нас аховое, – объявил Петровский. – Но и выбраться отсюда нельзя.

– Давайте так! – предложил Олег. – Я попробую спуститься вниз, к центральному входу, а вы – по ближним лестницам. Посмотрим, что там, и опять здесь соберемся.

– Мне бы лучше остаться, – ответил Петровский. – Колет сильно в боку.

– Пойдем лучше вместе! – предложил Саша.

В конце коридора они остановились и выглянули на лестничную клетку. С нижних этажей и с улицы доносилась густая автоматная стрельба. На полу у лифта лежали два тела. Лицо одного было прикрыто серым шарфом.

Этажом ниже стояли несколько человек без оружия и тучный мужчина в бронежилете поверх пиджака с депутатским значком и с автоматом на плече. К мужчине приставал мальчишка лет семнадцати в тонкой спортивной куртке:

– Ну, вам-то автомат дали!

– Кому надо, тому дали! – Мужчина пытался заглянуть в лестничный проем.

– Дайте мне свой! Я вниз побегу! – говорил мальчишка.

– Иди, вон, в зал, и не лезь сюда, – буркнул мужчина.

– Чего внизу? – спросил Олег.

– Утром, как на первый ворвались, так и палят оттуда, а дальше двинуться не могут, – пробасил мужчина. – Идите в Зал Национальностей. Там не обстреливают.

Двери комнат были закрыты, и в коридоре стояла сплошная темень. Пробирались почти на ощупь. Навстречу проходили люди, сказали, что Зал Национальностей совсем рядом.

За приоткрытой дверью на большом столе горела свечка. Кто-то сзади посоветовал:

– Вглубь проходите. Там есть места.

Они прислонились к стене. Постояли молча.

– Не охота мне в этой мышеловке сидеть, – сказал Олег.

– Там как-то неуютно, – согласился Саша.

Из зала донесся громкий голос:

– Чего они ждут все? Надо говорить, чтобы нам дали выйти. Тут же дети есть! Перебьют всех из танков!

Никто не успел ответить. Стены и пол дернулись от сильного разрыва.

Олег стоял, прижавшись к холодной стене. Разрывы продолжались, и каждый из них заставлял вздрагивать и пригибать голову. Рядом оказалась маленькая женщина. С двух сторон коридора проникал отраженный свет. В полутьме было видно, как женщина еле заметно кивала головой и что-то шептала. Вдруг стало тихо. Олег стоял, сутулясь, ждал нового разрыва, но тишина продолжалась. Прошло несколько минут.

Женщина шагнула к Олегу и зашептала:

– Они не знают, что попущено им было. Не знают. А вразумленные есть. Есть, конечно.

Было тихо. По коридору никто не ходил. Под ногами при малейшем движении шуршала осыпавшаяся штукатурка. Женщина подняла на Олега глаза, сказала:

– А наши-то, родимые, все равно свое за нас прочтут.

Под хруст осыпавшейся бетонной крошки под ногами мимо прошла группа мужчин. Среди них был высокий военный со спецназовским шлемом в руках. Зашли в зал, стали что-то объявлять. Наступила тишина. Потом донеслись шорохи движения, громкие голоса. Из зала кто-то вышел в коридор и крикнул:

– По этажам объявите! Всем собираться у двадцатого подъезда!

– Чего там? – спросил Саша.

Один из депутатов объяснял кому-то на ходу:

– Вроде бы «Альфа» обещает вывести всех из здания. Это – их офицер был. К двадцатому подъезду идите.

Кто-то зло выкрикнул из полутьмы:

– Вы куда?! Там, у мэрии ельцинские громилы с арматурой.

Олег и Саша стояли у стены, смотрели, как из зала выходили люди. Было много женщин, и даже дети.

– Надо Петровского позвать! – сказал Саша. – Пошли, что ли?

Маленькая женщина тронула Олега за плечо, разрыдалась и сквозь плач проговорила:

– Убили ведь! Убили!

В коридорах началось движение. Все куда-то пошли. Возникла толкотня. Но было много и тех, кто остался сидеть на полу. Везде сильно пахло гарью.

На лестничной клетке четвертого этажа стоял тучный мужчина с автоматом на плече. Мальчишка в спортивной куртке прижался к стене и плакал. Мужчина подтолкнул его в спину:

– Ну, вот еще! Ты чего? У, сколько еще впереди будет! Думаешь, все закончилось, что ли?

Коридор пятого этажа был пуст.

– В какой мы комнате были? – спросил Саша. – Я уже забыл. Эй! Петровский!

Никто не отозвался. Они прошли вперед и остановились.

– Может, ушел и не дождался, – предположил Саша.

Олег пошел дальше. Распахнул несколько дверей. Петровский сидел на полу у шкафа.

Взглянул на Олега, спросил:

– Что это за хождение было по коридору?

– Говорят, «Альфа» попытается вывести всех из дома, – ответил Саша.

Донесся грохот разорвавшегося снаряда. На минуту стихло. И опять разрыв.

– Вот и вывели! – проговорил Петровский. – Все равно стреляют.

На несколько минут стало тихо.

– Что? Может, и вправду перестали палить? – Саша поднял голову, прислушиваясь.

– Не, надо выходить! – Петровский тяжело поднялся с пола, прошелся по комнате. – А проблема беззакония – она не в законах, а в обыкновенной человеческой продажности. А законы – пиши – не пиши.

– Это уж – всегда, – отозвался Саша.

– Всегда – не всегда, а вот... – Петровский расстегнул пальто и поправил шарф. – В России мерзостей всегда хватало. Но и желания им противостоять было достаточно. В этом-то и главное. Пошли, что ли? Я за вами потихонечку. Опять в боку колет.

Олег сел на пол у шкафа, сказал:

– Идите без меня. Неохота что-то...

– Чего неохота? – удивился Петровский.

– Всю эту свору видеть и руки перед ними вверх поднимать.

– А когда они сюда придут? – спросил Петровский.

– Пусть приходят.

– Я тоже... Мне туда не хочется, – проговорил Саша.

– Воля ваша. – Петровский сунул руки в карманы пальто. – А мне надо. Детей еще надо вырастить. Ну, все! – Он вышел, прикрыв за собой дверь.

Ударила автоматная очередь. Перемешалась со звоном разбитого стекла. Саша выглянул в коридор, вскрикнул:

– У лифта кто-то на полу! Петровский!

Пока выстрелов не было, они втащили тело в коридор.

– Жив! – вскрикнул Саша.

– Кажется, убит.

– Во, ё... – Саша выпрямился, посмотрел на Петровского: – И так вот...

Олег расстегнул на убитом пальто и пиджак, сунул руку во внутренний карман, еще теплый.

– Документов нет.

– Мы с ним в первые дни у костра сидели, – говорил Саша. – Он на Профсоюзной живет... Жил.

И все иное было на этом страшном белом свете уже без нее.

Десятка два парней неровным строем тяжело шлепали по мостовой, и кто-то спрашивал:

– Гриш, а на кой... ты эту железку с собой тащишь?

Парень смотрел на девушку в белой куртке, распластавшуюся на асфальте, сжимал в руке короткий арматурный прут и говорил:

– Ну, так, на память. Мне его на Тверской дали. Может, я буду внукам рассказывать, как Ельцина и демократию защищал.

Высокий моложавый генерал в полевой куртке и сапогах ходил быстрыми нескладными шагами по стриженной траве стадиона, вглядывался в лица схваченных баррикадников, свирепел от их ненависти к себе, от одной мысли, что вот есть они такие, сами для себя все решающие, выхватывал из шеренги одного за другим и приказывал увести. Смотрел, как уводили их к белеющему в темноте бетонному забору и брезгливо отворачивался, ожидая треск автоматной очереди. Увидит ли он потом, через много лет, угасающим своим разумом те полные ненависти глаза? Кто знает...

Два армейских газика подкатили к подъезду. Из первого выскочила охрана. Из второго вылез грузный военный в шинели. Из окна раздались крики. Военный остановился, посмотрел наверх, на зарево пожара под темнеющим небом, приказал коренастому подполковнику:

– Давай сюда ночью с пяток машин и черные мешки. И все с первых этажей к утру убрать.

- А сколько мешков?
- Ты чего? Ё... Я-то откуда знаю?
- Можно баржу подогнать с Южного порта.
- Это – твое дело. Только, чтоб через сутки ничего тут не было.
- Лучше бы сжечь, – сказал подполковник. – Бензину на первые этажи, да и всё.
- На кой? – не понял грузный военный.
- Может, тогда и сойдет.
- Чего? А кого боишься? Ты чего думаешь?.. Во, ё...

И стояли по окрестным улицам зеваки и глазели на медленно разрастающееся зарево пожара.

И выродки рода человеческого радовались людской боли, страданиям и смертям.

И то ли казалось, то ли вправду было: странные люди приплясывали на мостовой и вскидывали руки к пламенеющему над Москвой небу.

И стояли на пресненских улицах люди, притихшие и печальные, и смотрели, как лютывал пожар, как огонь выбился из оконных проемов и заскользил по стенам. Багряно-черное месиво устремилось ввысь, к темно-синему, звездному небу, грозило вот-вот ударить его широкой кровавой лапой. Будто преисподняя вырвалась из бездны и возомнила, что может царствовать над человеческим миром.

Они сидели на полу, один напротив другого. За разбитым окном совсем стемнело. Все так же сильно несло гарью с дымящихся верхних этажей. Снизу доносились автоматные очереди.

– Я с собой своего товарища звал. – Саша повернулся и прижался плечом к стене. – А сейчас думаю: хорошо, что никто со мной не пошел. Вот, было бы дело! Но ты знаешь, просто так смотреть на все это... Хотя я всякого ожидал, но не такого. А ты почему сюда пришел?

– Ну, так, пришел... – Олег вдруг повысил голос: – Противно было, вот и пришел.

– А я думал: уж очень все у них подло как-то. Если придем, хоть что-то сможем изменить. Кто-то опять все за всех решить захотел. Но если одним можно все по своей воле перевернуть, почему другим потом нельзя будет? А те, кто в нас стреляет, они хоть о чем-то думают?

– Хрен их знает, чего они думают, – ответил Олег.

– Им всем пообещали, что демократия будет. Как Дом Советов сожгут, так и воцарится. А может – и еще проще. Сказали, что ничего им не будет. Вот и стреляют направо-налево. Ведь все разные такие. Один старушке буханку хлеба купит, другой – кошелек у нее отнимет. Вон, стариков ногами били! Ты тоже, небось, видел. А потом скажут, что они не по своей воле, что велели им.

Олег не ответил. Сидел, прикрыв глаза, и думал, что рано или поздно, в комнату войдут и крикнут: «Встать!». Будут смеяться в лицо и ударят прикладом. А может быть, просто вскинут автоматы. От неволи некуда было деться. Только встать и пойти туда, вниз, где бэтээры вокруг дома и столько людей с оружием.

Разрывы раздалась один за другим. Где-то наверху блеснуло пламя. И вдруг разорвалось совсем рядом. Волна пронеслась по коридорам, ударила в полуприкрытую дверь, взметнула и рассыпала по комнате листы белой бумаги, скинула на пол цветочные горшки с книжной полки. И еще один разрыв. Опять хлопок двери и впивающаяся в ноздри и глаза, едкая пыль.

Наступила тишина. Но на полу и стенах так и остались отблески зарева на верхних этажах. Грохнуло еще раз. Стало ясно, что бьют со стороны стадиона. Из конца коридора

донесся настырный, пульсирующий треск. Закипал пожар. Все кругом начало заполняться дымом. Огонь с нижних этажей двинулся к зареву наверху.

Стало трудно дышать. Олег и Саша пошли к лестнице. У лифта наткнулись на тело Петровского.

– А он? – спросил Саша.

– Потащили! – скомандовал Олег.

По лестнице бежали вверх два человека в камуфляжах. Один закричал:

– В то крыло пробирайтесь. Быстрее! Там пока не горит!

Они оставили Петровского на пятом этаже. Шли в темноте по длинным коридорам. Руки касались стен, чувствовали их холод и нескончаемый гул. Заглянули в одну из комнат. Со стороны стадиона багровели в огне и правое, и левое «крылья» здания. А вдалеке привычно и обыденно светилась желтыми огнями пресненская высотка.

– У нас тут, пожалуй, шанс будет, – зло проговорил Саша. – Когда пожарные приедут, мы и сможем рвануть.

– Если приедут... – отозвался Олег. – До этого еще дожить надо.

Саша отодвинул стулья от стены и, будто по привычке, сел на пол.

Олег стоял у окна, смотрел то на светящийся вдалеке город, то на языки пламени на нижних этажах и думал о них с Сашей: ни бойцы, ни заложники. То ли свидетели, то ли жертвы. Но какая-то гнусность в самом этом слове.

– Так какой у нас с вами шанс? – спросил Олег. – Пожарных дожидаться?

– Не, это я так... – ответил Саша. – Они не приедут.

– Так что же тогда? Огонь – хуже всего.

– Не знаю я! – раздраженно сказал Саша.

И что же? Я буду стоять с поднятыми вверх руками, и меня окружают автоматчики, думал Олег. Я буду рассуждать, что мог видеть их раньше на этих же улицах. Видеть и не понять, что они совсем не такие, как я или Саша. И мне будет так противно, что они говорят по-русски.

– А все революции и контрреволюции по одному принципу происходят, – говорил Саша. – Одни пообещают, другие поверят. Хотя, знаете, мир не такой уж совершенный, чтобы не попытаться сделать его лучше.

Олег не ответил. Про себя подумал: одни хотят исправить, другие – править.

– Как считаете, на эти этажи когда огонь подойдет? – спросил Саша.

– Еще раньше все дымом заволочет.

Саша вырвал из записной книжки листок бумаги. Что-то написал. Сложил листок надвое, сунул в карман куртки и спросил:

– Хотите что-нибудь написать?

– Не-а, – ответил Олег и подумал об Ане.

Ветер переменялся. В разбитое окно понесло крупный пепел. Влетел, ударился об острие разбитого стекла клочок обгорелой бумаги.

– Хотите печенья? – Саша полез в карман, вытащил полиэтиленовый пакетик. – У, все раскрошилось. Подставляйте ладонь, насыплю.

Олег поднес ко рту пригоршню печенья, почувствовал на сухих губах мелкие крошки. Из коридора донесся голос:

– Эй, есть кто живой?

Они насторожились. Помолчали несколько мгновений. Саша выкрикнул:

– Ну, есть! Что надо?

В дверном проеме появился человек в плаще военного покроя и сапогах, спросил:

– Вас здесь двое, что ли? Не стали со всеми выходить? Смотрите, чтобы вас здесь огнем не отрезало. Они со всех сторон здание подожгли. Так что надо выбираться.

– А куда? – спросил Саша.

– В двадцать три пятьдесят попытаемся прорваться с нижнего этажа. Надо стараться уйти к пресненским переулкам, – спокойно говорил вошедший. – Если в камуфляже – всё снять. Выдавать себя за зевак. Вы сами откуда?

– Москвичи, – ответил Олег.

– Тогда у вас шанс есть. А если кого из других местностей встретите, скажите, чтобы тоже себя за москвичей выдавали. В сторону стадиона не суйтесь. Там у них каратели. Как только мы с верхних этажей огонь откроем, выбирайтесь из здания и ползком, перебежками – к переулкам.

– А вы? – спросил Олег.

– Мы? – человек помедлил с ответом. – У меня группа из офицеров.

Человек ушел, не попрощавшись.

– Ну, и чего делать? – Олег спросил будто себя самого.

– Делать нечего. Придется попробовать, – отозвался Саша.

Прошли на ощупь по коридору, начали спускаться вниз по заваленной обломками, разбитой лестнице. В окно увидели сильное пламя в правом крыле здания.

– И там уже горит, – шепнул Саша. – Мы же где-то в тех комнатах сидели.

Совсем недалеко в темноте раздался хруст шагов по бетонной крошке. Не стали окликать проходивших. Дождались, пока шаги стихнут и прошли по коридору в дальнюю часть левого крыла.

Из окна осторожно оглядели подступы к зданию. На другой стороне улицы стояли бэт-ээры. Ближе к Рочдельской виднелись под уличным фонарем военные машины. С нижних этажей слышались громкие голоса. Кто-то кричал.

– Хрена куда выберешься, – проговорил Саша.

Олег смотрел в сторону детского парка. За ним, у домов горели фонари. Левее, за сквериком и спортивной площадкой темень была сплошной.

Стрельба поднялась за полчаса до полуночи. По зданию палили сразу с нескольких сторон. Олег тронул Сашу за плечо:

– Пошли! Быстрее!

На лестничной клетке второго этажа в окне торчали осколки стекла. Прошли по коридору. В одной из комнат стекол в окне не было.

– Прыгать надо! – шепнул Олег.

– Ноги переломаем, – отозвался Саша.

– Как хочешь!

Олег ступил на подоконник, взглянул вниз и прыгнул на отмостку у стены. Какие-то мгновения потерялись в жуткой боли, зазвеневшей в ушах. И возникла мысль: «Только подальше от дома».

Саша возился где-то рядом и хрипел.

– Эй, ты чего? – тихо спросил Олег.

– Цел вроде бы...

Поползли по холодной траве газона к деревьям. Саша пытался подняться, укрываясь за тонкий березовый ствол. Олег дернул его за куртку, зло зашептал:

– Назад! Ё... Ползи!

От угла здания начиналось открытое место. Над головой стояла жуткая канонада. От гостиницы «Мир» били трассирующими пулями.

Спрятались за баррикаду. Проползли между двух убитых. Олег напоролся рукой на железяку, почувствовал, что разрезал ладонь. Впереди темнел детский парк.

Олег тронул Сашу за плечо, проговорил:

– Влево. К переулку.

Пробрались мимо разбитой машины. Залегли у откоса.

– Они там – наверху, – зашептал Олег. – Мы сейчас ближе всего к ним.

Продолжалась густая стрельба. Гулко палили со стороны стадиона и с набережной. За детским парком мирно горели обыкновенные московские фонари.

– Впереди – дорога, за ней парапет и площадка, – быстро говорил Олег.

– Там солдаты! – почти вскрикнул Саша.

Олег силой прижал его за плечо к земле, зло шепнул:

– Может – есть, может – нет. Везде они. Уже поздно... Давай...

Пополз вверх по откосу. У дороги поднял голову. Справа, метрах в двухстах горел фонарь. За бэтээром прятались солдаты. Впереди в темноте ничего нельзя было разобрать. Но стреляли, кажется, и оттуда. Проглядывали очертания парапета на другой стороне переулка.

– Ну, чего? – тихо спросил Олег. – На корточках – вперед.

Они подползли к краю тротуара, бросились вперед и вскарабкались на парапет. Совсем рядом раздались автоматные очереди. Прыгали, валились друг на друга, и Олег чувствовал сильный удар виском о камни. Быстро ползли прочь. Автоматные очереди оборвались. Стало страшно. Вот-вот кто-то должен был заорать: «Здесь же они! Здесь!» Впереди в темноте оказалась стена. Поползли вдоль нее и через сотню метров уперлись в глухой бетонный забор.

– Ну, во, попали! – шепнул Саша. – Все! Не перелезть.

Олег отполз чуть в сторону, позвал:

– Давай быстрее! Ногу мне на плечо.

– А ты?

– Руку подашь!

Саша неуклюже вскарабкался наверх, наступая Олегу на шею. Повис на заборе, закинул ногу. «Спрыгнет вниз», – подумал Олег. Но Саша нагнулся, поймал Олега за воротник куртки и потащил к себе.

– Руку лучше дай! – хрипел Олег.

Подтянулся из последних сил, повис на заборе на локтях и с удивлением подумал: «Неужели перелезу?»

Они спрыгнули вниз. Пробрались через нагромождение досок и железяк. Остановились, чтобы отдышаться, оглянулись на Дом Советов.

В крыльях здания огня не было. Пламя будто сгнуло. Только высотная часть горела. Преисподня еще рвалась к звездному, еще норовила достать до него, но не могла дотянуться и, обессилив, начинала задыхаться в смраде и дыму.

– Пойдем отсюда побыстрее, – сказал Саша.

Двинулись вперед вдоль стены невысокого строения. Увидели впереди уличные фонари.

– Вот тут левее – автосервис, – говорил Олег. – Может, через него пройти?

Но Саша прошел дальше. Тихо позвал из темноты:

– Эй, тут прореха в заборе.

Олег посмотрел в широкую щель, догадался, что перед ними площадка перед автосервисом. Они выбрались на нее и пошли к безлюдной улице. Справа, совсем далеко от них поднялась стрельба.

Саша выкрикнул, стал медленно приседать, зашептал:

– В бок... И только подумал, что все, вроде жив...

Он лежал на земле у кустов, а Олег стоял над ним, пытался содрать с себя майку. Она рвалась клочьями, и неровный разрыв тянулся к крепким тесемкам.

Расстегнул на раненом плащ, подсунил скомканную майку под набухший кровью свитер. Саша захрипел, еле заметно повел головой. «Не, это все хрень», подумал Олег. Как-то надо кровь остановить.

Скинул куртку, снял рубашку и попытался свернуть из нее широкий жгут. Пуля попала в правый бок. Кровяные пятна были у Саши и на груди, и на спине. Олег перевязал его поверх футболки, боясь, как бы не затянуть слишком сильно. Застегнул на раненом плащ, только тогда почувствовал холод и стал искать глазами свою куртку.

Закинул Сашину руку себе на плечо, потащил раненого на мостовую.

Впереди, у перекрестка улицу перегораживали военные машины. Справа, у фабрики игрушек стояли солдаты.

Саша еле перебирал ногами, а солдаты стояли и смотрели. Когда до них оставалось с десяток метров, один оглянулся и позвал кого-то. Появился человек в белом халате. Подбежал к Олегу, подхватил раненого под руку. У стены дома стояла санитарная машина. Человек в белом халате распахнул заднюю дверцу, крикнул шоферу, чтобы помог уложить Сашу на носилки. Посмотрел на Олега, скомандовал:

– Давай, лезь! И на пол!

– Я тут недалеко, – ответил Олег. – Сам дойду.

– Идиот... – Человек в халате выругался. – Ну, быстрее, если жить хочешь. На пол и молчать!

Олег полез в машину, ударился головой о железную стойку, сел на полу возле носилок. Машина рванулась с места, начала разворачиваться. Саша застонал.

За поворотом машина резко остановилась. Распахнулась передняя дверь. Кто-то орал:

– Куда?! Б...

– У меня раненые! – слышался голос человека в белом халате.

– А я тебе что б... говорил! – орал пьяный голос. – Я тебя пристрелить обещал, если ещё хоть раз увижу!

– Что мне, раненых бросить! – зло закричал человек в белом халате.

– Обещал я тебе, паскуда, что пристрелю!..

Раздались звуки возни, шарканье ног на асфальте, тот же пьяный голос орал кому-то рядом:

– Не, ну, говорили мы ему!

Человек в халате негромко сказал шоферу:

– Газуй, и влево!

Завыл мотор. Машину сильно подбросило. Потом еще раз. Через минуту опять остановились. Донесся голос человека в халате:

– Раненые! Быстрее открывай!

И дальше уже без сильной тряски, по ровной дороге.

– Эй, ну, ты там как? – окликнул Олега человек в халате. – Что? Высадить тебя?

– А где мне его искать? – спросил Олег, показывая на Сашу.

– Завтра в Склифе.

– Я лучше с ним до приемного отделения.

– Вылезай здесь, – ответил человек в белом халате. – Там у тебя документы перепишут.

Олег вылез из машины. Посмотрел, как она заворачивает за угол и огляделся. Прошел немного вперед, узнал магазин на другой стороне, понял, что стоит на Пресненском валу. Взглянул на часы. Было около трех ночи. Неужто все это так долго тянулось? – подумал он. Так долго ползли и прятались. Куда-то подевалось все это время.

Он шел по безлюдной улице. Как ни в чем не бывало, горел, неизвестно для кого переключался светофор. Огни фонарей расходились тремя линиями: вперед – к Пресненской заставе, направо – к Ваганьковскому кладбищу, влево – к Тишинской площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.